352к
В275

Л. В Е Л И Х О В

★

ОСНОВЫ ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА

в 2-х частях

19 25 28

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

352.4
B275

Л. А. ВЕЛИХОВ

ОСНОВЫ ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА

ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ О ГОРОДЕ,
ЕГО УПРАВЛЕНИИ, ФИНАНСАХ
И МЕТОДАХ ХОЗЯЙСТВА

Часть первая
стр 1 + 216

88072785 Б-ка АП РФ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

Государственное
издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ
ДВОР
Ленинград

АДМИНИСТРАЦИЯ
ПРЕЗИДЕНТА РФ
БИБЛИОТЕКА

522639

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Социально-Экономический Отдел Госиздата, выпуская книгу проф. Велихова «Основы городского хозяйства», учитывал настоятельную потребность в крупной, широко охватывающей данный вопрос работе в связи с индустриализацией страны и ростом, а также усложнением задач городского советского хозяйства и управления. К сожалению, настоящая книга не во всех отношениях удовлетворяет тем требованиям, какие к ней могут быть предъявлены работниками советского строительства. Главным ее недостатком является отсутствие безупречно правильной принципиальной теоретической установки. Предоставляя литературной критике разбор по существу имеющихся в работе недостатков в этой области, необходимо однако отметить основной недостаток работы. Несмотря на марксистскую терминологию, множество цитат из работ Маркса, Энгельса, Ленина и т. п., книга в отдельных ее частях является марксистски невыдержанной по методу и тем самым по целому ряду выводов. Примером может служить хотя бы гл. IV, озаглавленная «Диалектическое развитие города», в которой нет диалектики в строгом и точном смысле этого понятия, но довольно эклектики и неправильностей, в роде искусственной схематизации типов городов (на стр. 24) или положения о том, что «город как социальное явление есть прямой результат данного преходящего экономического базиса» (стр. 23), или мыслей о «поглощении деревни городом в античном мире» (стр. 28). Необходимо отметить и своеобразную характеристику «классового расслоения населения городов — государств» (на стр. 30), «конъюнктуру древнейшей эпохи» (стр. 27), а также термины, в роде «древне-феодальная рабовладельческая эпоха» (стр. 26). О методе Маркса автор говорит, напр., так: «Только исторический материализм Маркса и его «экономический» метод исследования, в связи с методом изолирования, позволяют найти в этом ходе развития «нить Ариадны» — ту среднюю линию, которая, игнорируя уклонения и исключения, дает общий закон муниципального развития данной эпохи, применимый к типичному большинству случаев (стр. 311). Неудивительно, что, при таком эклектическом уклоне в изложении Марксова метода, автор дает не совсем правильную марксистскую классификацию хозяйства в своих схемах на стр. 223. Вообще автор часто сбивается в сторону германских катедер-социалистов при своих марксистскообразных построениях, в частности, создавая своеобразную теорию советского самоуправления, приводящую к организационному отрыву города от деревни. Предпосылки этого выявляются и из его оценок городского самоуправления эпохи Вре-

менного правительства (стр. 254), английского самоуправления (стр. 240) и т. п.

Редакция издательства не могла взять на себя переработку по существу теоретических построений автора, она могла лишь устранить делаемые на основании этих построений политические выводы в области советского избирательного права и т. п.

Но, при всей недостаточной теоретической выдержанности, настоящая книга проф. Велихова, одного из старейших и компетентнейших специалистов в области городоведения и муниципальных финансов, представляет большую ценность для всех работников советского строительства по тому обширному, зачастую исчерпывающему, фактическому материалу в области городского хозяйства и управления в дореволюционной и Советской России и на Западе, который дается в ней в стройном и весьма доступном изложении. Большие достоинства книги в этом отношении говорят в пользу целесообразности ее издания, несмотря на ее идеологические дефекты. Сильная сторона работы также в изложении вопросов техники городского хозяйства, которому уже и в этом, первом томе, уделено достаточное место.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая книга, предназначаемая как пособие для вузов и для работников коммунального хозяйства, является не только в СССР но, повидимому, и за границей п е р в ы м о п ы т о м концентрированного академического курса, сжато излагающего муниципальную науку в ее целом, а именно со сторон исторической, государственно-правовой, финансово-экономической и технической, при одновременном освещении всех важнейших отделов как экономики города и городского хозяйства, так и создаваемого им благоустройства. Многие из этих отделов, получив более или менее дифференцированное и углубленное развитие, как известно, уже давно превратились в самостоятельные прикладные дисциплины, разрабатываемые архитекторами, инженерами, гигиенистами и другими техническими специалистами. Однако за пестрой грудой резолюций, программ, журнальных статей и технических учебников то социальное целое, которое называется г о р о д о м с его особой историей, характерной структурой, своеобразной экономикой, собственным аппаратом управления, специальными средствами, функциями, методами хозяйства и общей плановой задачей, оставалось обыкновенно в тени и не находило в научной литературе своего полного и вместе с тем сжатого выражения. Стремясь к последнему и имея в виду потребности не техника-специалиста как такового, а городского х о з я и н а в широком смысле этого слова, автор курса ограничился в технической области лишь описанием современных достижений с их хозяйственной оценкой и старался придать всей работе общественный и экономический уклон.

Указанное построение курса прямо вытекало из переживаемой действительности. Мне казалось ясным, что городскому хозяину, особенно же в той стране и в той эпохе, которые проводят новые формы производства, распределения и потребления, но вынуждены пользоваться весьма ограниченными средствами для осуществления своих грандиозных целей, следует руководствоваться в своей деятельности не столько техническим совершенством результатов, сколько строгим учетом соответствующих з а т р ат, и уметь устанавливать между затратами и получками правильное равновесие. Разумная организация аппарата управления, повышение производительности труда, рационализация методов хозяйства, неослабное изыскание доходных источников и в особенности рациональное использование наличных материальных средств в данной социальной обстановке, т. е. наивыгоднейшее р а с п р е д е л е н и е всех усилий и расходов между населенными центрами различного значения, частями города, социальными группами и между отдельными объектами и элементами благо-

устройства — вот главные задачи современного городского хозяина, всестороннему выяснению которых и призван служить предлагаемый курс. Само собою разумеется, что упомянутые задачи носят не технический, а очень определенный социально-экономический характер.

Своевременность настоящего опыта едва ли может подлежать сомнению: потребность в объединенном курсе городского хозяйства появилась уже давно, но никогда еще она не ощущалась так остро, как теперь. Колоссальный рост городов и их динамики в мировом масштабе, быстрое увеличение городского населения и его потребностей в СССР, успевшее уже вызвать к жизни новое муниципальное законодательство, своеобразную коммунальную политику, постановку специальных курсов городского хозяйства во втузах и экономических вузах, и, с другой стороны, современные острые, даже невыносимые кризисы в наших крупных центрах — жилищный, строительный, санитарный, транспортный — все эти явления требуют сосредоточенного внимания к себе и научной разработки. Нельзя не отметить кстати, что упомянутые кризисы обусловлены отнюдь не техническим недомыслием, но чисто социальной причиной, а именно несоответствием между революционным темпом современной жизни и теми скудными материальными средствами, которые достались нам по наследству от патриархальной эпохи и были в конец распылены исторической катастрофой. При создавшихся условиях есть острая, несомненная нужда в подготовке сознательных специалистов-общественников и экономистов в муниципальной области, и прежде всего требуется создание такого ориентировочного руководства, которое бы собрало многогранный материал к одному месту, связало бы между собой разрозненные части муниципальной науки и формулировало бы синтетические выводы — одним словом, позволило бы за деревьями увидеть лес. Такой курс, как мне думалось, был не только принципиально необходим, но он представлялся и практически удобным пособием для коммунальных работников и студентов, которые по данному предмету были до сих пор вынуждены пользоваться, по примеру своих средневековых коллег, одними записями профессорских лекций. Такой курс казался еще особенно ценным для студентов-техников, которые теперь сплошь и рядом готовятся выйти на жизненную арену узкими, сухими и общественно-беспомощными специалистами.

Я не скрывал от себя всех трудностей осуществления предпринятой мною работы и предвидел, что она, как всякий первый опыт, будет неизбежно страдать серьезными пробелами и недостатками. Наиболее трудно осуществимой задачей было придание курсу необходимой ц е л ь н о с т и и подчинение его одной руководящей идее. Действительно, муниципальная наука непосредственно затрагивает целый ряд научных дисциплин. Как теория города, она основана на социологии. Как прикладная наука о хозяйстве, она должна базироваться на выводах «политической экономии», в своей генетической части она соприкасается с экономической географией, а в исторической части она является отделом «истории экономического быта»; со стороны городского управления в нее входят важные разделы «государственного и административного права», в области муниципальных средств она

представляет собою часть «теории финансов», в сфере социально-экономической она затрагивает вплотную земельную политику, жилищный вопрос, организацию труда, экономию торговли и промышленности, и, наконец, в сфере технической муниципальная наука охватывает строительство, общественную гигиену, дорожное и транспортное дело, электрификацию и освещение, холодильное, пожарное дело и многие другие отрасли. Если прибавить сюда вопросы контроля, статистики, планирования и стоящие особняком эстетические моменты, связанные с данной темой, то придется притти к заключению, что «городское хозяйство и благоустройство» обнимает собой чуть ли не всю жизнь городских жителей с их неисчерпаемыми потребностями и соответственно целый сложный комплекс отделов различных научных дисциплин. Может ли быть построен сжатый и связный курс городского хозяйства в условиях такого лабиринта? Не грозит ли столь искусственному, на первый взгляд, сочетанию участь квази-научного калейдоскопа с загромождением его пестрыми позаимствованиями из многоразличных и отдаленных друг от друга источников? Эти недоуменные вопросы стояли передо мной и возбуждали споры...

По моему глубокому убеждению, вся эта масса пестрого материала, сваливающаяся на муниципального исследователя, как из рога изобилия, и смущавшая до сих пор весьма многих, не должна служить непреодолимым препятствием для ученого, что бы ни говорили скептики. Всякая наука, а в особенности дисциплина прикладная, имеет своей определенной целью достигнуть г о с п о д с т в а над изучаемым явлением. И нет такого сколько-нибудь однородного явления, которое не могло бы быть комплексно изучаемо наукой, специально построенной ради определенной цели. Проблема города и его хозяйства реально существует и практически выдвигается теперь на первый план как некое социальное и телеологическое е д и н с т в о. Перед нами — целый ряд вопросов и задач, свойственных, в своих характерных особенностях, т о л ь к о городу, т. е. аккумуляции людей на сравнительно небольшой территории, а именно планировочный, жилищный, уличного движения, особой санитарной техники, обеспечения питанием, призрения, безопасности и т. п. Если с технической стороны все эти вопросы не могут быть объединены в одной дисциплине по чисто методическим соображениям, то с социально-экономической муниципальной точки зрения они, наоборот, д о л ж н ы рассматриваться не только порознь, но и объединенно. Такого взгляда придерживается за последнее время и научная мысль Запада, особенно же в Германии и Соединенных Штатах, где не только ставятся академические курсы городского хозяйства, но создаются даже специальные муниципальные академии. Вообще нет сомнения в том, что как в городском управлении и в сфере изыскания местных средств, так и в муниципально-технической области может существовать, при данных условиях, лишь один прямой и рациональный путь к удовлетворению коллективных потребностей, вызываемых конкретным фактом городского общежития. Признав это положение и поставив себе целью наметить и выделить этот путь в его целом, я естественно стремился не к разрозненному рассмотрению правовой, экономической и техниче-

ской сторон единого муниципально-хозяйственного начала, а к их с в я з и и синтезу. Никакой искусственности в этой связи нет, так как выбор того или иного технического пути прямо зависит от состояния экономики, а формой, в которой протекает последняя, служит правовая организация. Нельзя забывать, что прогресс науки выражается не только в дифференциации, но еще более в интеграции и обобщении, и, например, та масса мелких дисциплин, на которые разбилась экономика, отнюдь не мешает социологу исследовать целое в его монистической природе. В результате всех изложенных соображений, я поставил себе главной целью изложить многообразный опыт муниципалитетов в историческом и международном масштабе, выяснив его экономические предпосылки и результаты, а также правовые формы и осветить весь материал с точки зрения экономических нужд и коммунальных задач СССР.

Первая часть курса посвящена проблеме города и является в сущности необходимым в в е д е н и е м к труду. Городское хозяйство нельзя изучать, не рассмотрев предварительно в общих чертах упомянутую проблему и не зная и с т о р и и города. Исторический подход вообще составляет характерную особенность курса, так как, по моему глубокому убеждению, статическое отображение муниципального хозяйства только одной эпохи и одной страны, как некоего «deus ex machina», явилось бы антинаучным и нецелесообразным с точки зрения поставленной задачи. Последний метод может быть свойственен практическому справочнику или энциклопедии, но отнюдь не связному теоретическому курсу. Теория городского хозяйства — дисциплина молодая; в ней ничего еще не отстоялось, и все пребывает в движении, наука же вообще может беспристрастно и объективно рассматривать лишь то, что находится в некотором отдалении.

Чрезвычайно помог при осуществлении настоящей работы мой прелиминарный труд «Опыт муниципальной программы», получивший в прошлом году значительное распространение среди специалистов и вызвавший сочувственную критику, которой я всецело воспользовался. Так, некоторые разделы программы были дополнены, а некоторые сокращены и временно даже вовсе удалены из курса, как относящиеся к предметам, ныне изъятым в СССР из компетенции коммунального хозяйства. Только соответствующие сокращения и нарочитый лаконизм изложения позволили выдержать сравнительно скромный объем курса.

Литература по каждому разделу указана в нижних ссылках настолько подробно, что она позволит интересующимся отдельными вопросами городского хозяйства и семинарским группам углубленно их проработать. Что же касается формы изложения, я старался сделать ее сколь возможно ясной и живой, в целях более широкого распространения курса.

* * *

В процессе разработки «Курса городского хозяйства» и особенно в связи с установлением сравнительно узкого объема ближайшего

издания, пришлось этот курс разделить на две основные части: о б щ у ю и с п е ц и а л ь н у ю. Первая основная часть, ныне выпускаемая под названием «Основ городского хозяйства» и в свою очередь разделенная на две части, рассматривает город и его хозяйство в ц е л о м, с их исторической, экономической и правовой сторон, почти вовсе не касаясь отдельных отраслей этого хозяйства и муниципальной техники. Напротив, подготовляемая к печати вторая основная часть (специальный курс городского хозяйства), составляющая логическое развитие первой части, рассматривает т о л ь к о конкретные отрасли городского хозяйства, причем в общих чертах касается и его техники. Впрочем, каждую из упомянутых основных частей можно рассматривать как вполне самостоятельное целое.

Автор надеется, что, при всех неизбежных недостатках его курса «Основы городского хозяйства», как первого инициативного опыта, он все же до некоторой степени ответит назревшей потребности в систематическом знании города и общих основ его управления и хозяйства. В некоторых своих частях, особенно же в «теории города», предлагаемый труд является не только систематизированным резюме соответствующей специальной литературы, подобно большинству курсов, но и с а м о с т о я т е л ь н ы м и с с л е д о в а н и е м, причем повсюду проводится исторический подход к рассматриваемой теме.

Автор.

Сев.-Кавказский университет.
Донской политехнический институт.
Донской институт сельского хозяйства и мелиораций.
Ростов-на-Дону — Новочеркасск.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От издательства III
Предисловие V

Часть первая.

ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ О ГОРОДЕ.

Отдел первый.

ИСТОРИЯ ГОРОДА.

Глава I. Определение города 3
„ II. Генезис города 10
„ III. Генезис русского города 19
„ IV. Диалектическое развитие города 23
„ V. Эволюция средневекового города 31
„ VI. Эволюция и рост современного города 41
1. Эволюция переходного города . . . . . —
2. Рост современного города 46
„ VII. Причины и условия роста современного города 58

Отдел второй.

ТЕОРИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА.

„ VIII. Методология 78
„ IX. Классификация современных городов 81
„ X. Роль географических особенностей 93
„ XI. Роль железных дорог 101
„ XII. Город как часть народнохозяйственной системы 106
„ XIII. Социальные признаки и структура современного города 122
1. Основные признаки . . . . . —
2. Демографические признаки 141
„ XIV. Экономические признаки и функции города и его связи с деревней 151
1. Город и деревня . . . . . —
2. Разделение труда, городская рента и рост потребностей в городе 162
„ XV. О законах урбанизма (градоведения) 172
„ XVI. Город в социалистической системе 186
1. Советский город . . . . . —
2. Признаки новейшей переходной эпохи в мировом урбанизме 196
3. Города-сады как города будущего 205

Часть вторая.

ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ О ГОРОДСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ.

ВВЕДЕНИЕ.

Стр.

1. Городское хозяйство в его различных значениях 217
2. Определение понятия городского хозяйства 219
3. Место городского хозяйства в государственном, местном и коммунальном хозяйствах 221
4. Определение понятия городского благоустройства 222
5. Происхождение и отличительные признаки городского (муниципального) хозяйства 227
6. Муниципальное (городское) хозяйство как научная дисциплина 230

Отдел первый.

УЧЕНИЕ О СУБЪЕКТЕ ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

Глава I. Понятие о местном и городском самоуправлении 234

» II. Муниципальное избирательное право и выборные системы 246

1. Понятие о муниципальном избирательном праве . . . . . —
2. Русская дореволюционная избирательная система (цензовая). 250
3. Куриальная (разрядная или классная) система 253
4. Система множественных вотумов (плюральная) 255
5. Богемская и итальянская системы (комбинированные) . 257
6. Всеобщее избирательное право . . . . . —
7. Система пропорционального представительства 261
8. Советское избирательное право в городском самоуправлении 266

» III. Компетенция, права и обязанности городского самоуправления 273

1. Объем компетенции, прав и обязанностей городского самоуправления . . . . . —
2. Муниципальная компетенция 275
3. Муниципальные права 280
4. Муниципальные обязанности 286
5. Муниципальная компетенция в разных странах 288
6. Муниципальная компетенция в России до Октября . . . 291
7. Муниципальная компетенция в СССР 294

» IV. Самостоятельность городских самоуправлений и правительственный надзор (централизация и децентрализация) 297

1. Самостоятельность городских самоуправлений и правительственный надзор . . . . . —
2. Формы надзора над городским самоуправлением 300
3. Надзор за городским самоуправлением в разных странах. 303
4. Правительственная опека над городами в дореволюционной России 307
5. Надзор за городским самоуправлением в СССР 309

» V. Организация аппарата городского самоуправления . . . 312

1. Общий тип структуры муниципальных аппаратов . . . . —
2. Муниципальная организация в западно-европейских странах 313

Стр.
3. Муниципальная организация в Соединенных штатах . . . 320
4. Муниципальная организация в дореволюционной России. 323
5. Муниципальная организация в СССР. 327
6. Муниципально-организационная дифференциация и интеграция 336
7. Общие выводы 340

Отдел второй.

УЧЕНИЕ О СРЕДСТВАХ ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

Глава VI. Городские финансы 342
1. Предварительные вопросы . . . . . —
2. Муниципально-финансовые органы 344
3. Расходы городских самоуправлений 346
4. Доходы городских самоуправлений 351
5. Муниципальные налоги 353

„ VII. Муниципальный кредит 375
1. Условия возникновения проблемы . . . . . —
2. Исторические сведения 377
3. Объем муниципально-кредитных прав 379
4. Характеристика и принципы муниципального кредита . . 380
5. Формы муниципального кредита 384
6. Организация муниципального кредита в разных странах. 388

„ VIII. Муниципальный бюджет 391
1. Понятие о муниципальном бюджете . . . . . —
2. Виды муниципального бюджета 394
3. Бюджетные права городских самоуправлений 396
4. Принципы построения муниципальных бюджетов 397
5. Муниципально-бюджетные органы 399
6. Техника муниципальных бюджетов 401

„ IX. Городские финансы в дореволюционной России 402
1. Благоустройство городов дореволюционной России в зависимости от их бюджетов . . . . . —
2. Муниципальные доходы 406
3. Обязательные расходы городов 409
4. Города и земства 411
5. Муниципальный кредит до революции 412
6. Положение перед войной 414

„ X. Городские финансы СССР 415
1. Исторические сведения . . . . . —
2. Государственные и местные финансовые органы 418
3. Муниципальные расходы в СССР 420
4. Муниципальные доходы в СССР 424
5. Муниципальный кредит в СССР 431

„ XI. Методы городского хозяйства 437
1. Предмет и классификация . . . . . —
2. Муниципализация предприятий 439
3. Муниципальный социализм 445
4. Теория муниципальных предприятий 446
5. Муниципально-подрядная и муниципально-арендная система 457
6. Городская концессия 460
7. Муниципально-концессионная система 462
8. Перспективно-плановое городское хозяйство 463

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 468

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ИСТОРИЯ ГОРОДА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГОРОДА

Предметом настоящего исследования является г о р о д с к о е или м у н и ц и п а л ь н о е хозяйство, т. е. хозяйство города как особой коммунальной единицы. В исследуемом понятии, очевидно, содержатся два более простых понятия, а именно: «город» и «хозяйство». Ясно, что каждое отдельное городское хозяйство непосредственно зависит от местоположения, почвы и климата данного города, от его исторического развития и социальной структуры, т. е. от трудовых навыков, потребностей, классового состава и численности его населения, а также от экономического и политического значения города в стране, — словом, от целого ряда условий, в которые город поставлен, и от присущих ему свойств. Наконец, решающее влияние на хозяйство городов имеет экономическая и политическая конъюнктура эпохи. Поэтому, раньше чем начать исследование «городского хозяйства», необходимо разрешить общую проблему города, т. е. проанализировать в исторической обстановке все важнейшие элементы его уклада и жизни, а прежде всего — найти и формулировать научное о п р е д е л е н и е города.

Уже этот первый и важный анализ, без которого, по справедливому мнению т. Р о ж к о в а,[1] «шагу ступить нельзя», встречает значительные затруднения, так как слово «г о р о д» (городское поселение, населенный центр, град, иногда — городище, городок, посад) не принадлежит к числу точных научных терминов. «Городами» в разные эпохи и в разных странах называли явления с весьма различным содержанием и с несходными существенными признаками, вследствие чего современные урбанисты,[2] т. е. исследователи города, либо вовсе отказываются от разрешения соответствующей «дефиниционной проблемы», либо дают городу самые разнообразные определения; в науке же не установилось ни одного общезначимого и общепринятого определения города, в реальном смысле этого слова.

---

[1] Н. А. Р о ж к о в, Город и деревня в русской истории, стр. 6. ГИЗ., М., 1920.

[2] Термин «урбанизм» (от латинского слова urbs — город) означает науку о городе, а также искусство устройства городского хозяйства. Под «урбанизацией» понимается либо превращение поселения в город, либо переселение в город. Ср. В. А. Л о ж к и н, Что такое урбанизм, «К. Хоз.», № 17, М., 1925, стр. 15—26.

Рассмотрим те из существующих в научной литературе определений, которые хотя и страдают известными недостатками, но содержат в себе более или менее правильные идеи. Этот анализ позволит нам войти в сущность интересующей нас проблемы. Точки зрения, с которыми различные ученые подходили к дефиниции города, можно разбить на несколько групп или теорий. Наиболее распространенная и официально принятая в законодательстве Западной Европы, за исключением Венгрии, Болгарии, Сербии, Румынии и Сицилии[1] к о л и ч е с т в е н н а я т е о р и я отказывается определять города и особенно с о в р е м е н н ы й город по какому-либо иному признаку, кроме количественного. «Населенные места, — говорит К. Бюхер,[2] — можно различать теперь лишь по количеству жителей». Согласно этой теории, «городом называется значительное и длительное скопление людей на сравнительно незначительной территории», в противоположность не городским поселениям (селам, деревням, местечкам, поселкам, станицам, аулам) с их обычно небольшим количеством жителей, а также деревенским фермам, хуторам, мызам, усадьбам, раскинутым на большом пространстве, причем все главные особенности городского хозяйства будто бы объясняются т о л ь к о аккумуляцией людей на малой территории.

Хотя это определение выдвигает очень важный и влиятельный признак города, в общем отличающий громадную массу городов различных типов от сельских поселений и действительно объясняющий многие особенности муниципального хозяйства, но оно не может нас удовлетворить по двум причинам. Во-первых, количественный, т. е. внешний, признак не дает р е а л ь н о г о понятия о сущности города, и, во-вторых, он сам по себе далеко не всегда может установить действительную грань между городом и деревней. Официальная практика различных государств в этом отношении не однородна.[3] Статистика Германии считает городом всякое поселение свыше 2 000 жителей; во Франции городом признается всякий центр административного округа независимо от численности населения и, кроме того, всякое поселение свыше 5 000 жителей независимо от его административного значения; в Соединенных штатах поселение свыше 8 000 жителей уже тем самым считается городом;[4] в дореволюционной России городом признавалось всякое поселение, управляемое по городовому положению, независимо от населенности, причем, с одной стороны, имелись города с населением менее 1 000 жителей, как, например, Кола, Изборск, Перевоз, Алупка, и с другой (до 1910 г.) — села, местечки, рудничные усадьбы с населением, превышающим 10 тысяч жителей; в настоящее время, согласно

---

[1] В. С е м е н о в - Т я н - Ш а н с к и й, Город и деревня в Европейской России, стр. 49. В перечисленных странах имеется много весьма людных поселений не городского типа.

[2] К. Б ю х е р, Большие города в их прошлом и настоящем, стр. 4, Спб., изд. «Просвещения». Та же мысль, но в другой формулировке, выражена Б ю х е р о м в его книге «Возникновение народного хозяйства», П., 1923, стр. 187.

[3] В. В о д о в о з о в, Город, — статья в Нов. энц. словаре Брокгауза и Эфрона, стр. 295.

[4] Впрочем, в некоторых штатах существуют официальные «города» с населением ниже 1 000 человек.

примечанию к ст. 3 Общ. пол. о городских и сельских поселениях, все поселения, которые числились городами до 7 ноября 1917 г., продолжают считаться городскими поселениями, если о преобразовании их в сельские не было специального постановления ВЦИК и СНК. В Саксонии из 151 общины, имевших в 1900 г. более 4 000 населения, 78 считались городами, а 73 — селами, из коих Лебтау насчитывает до 33 тысяч жителей. Подобные примеры, указывающие на всю шаткость количественного признака, часто встречаются в Венгрии, на Балканском полуострове, в Соединенных штатах и других государствах.

Политически-административная теория (Райт,[1] Ренуар) подходит к понятию города с правовой точки зрения и признает городом «такое поселение с определенной территорией, которому государственной властью присвоены особые административные права» или «отличное от деревни правовое и податное положение». Конституирующим моментом в образовании города выдвигается соответствующий акт государственной власти.

Упомянутый момент действительно отграничивает всякий официальный «город» от деревни ясным и бесспорным образом: конечно, правительства всех эпох имели в своем распоряжении реестровые списки как городов, так и деревень, и применяли к городам, в отличие от деревни, те или иные правила и особую административную и податную политику. Однако рассматриваемая теория имеет тот серьезный недостаток, что она проводит это разграничение чисто формально и, так сказать, механически. Для нас важен не столько самый факт государственной классификации существующих поселений, сколько понимание тех существенных признаков населенного пункта, по коим она проводится. Между тем известно, что эти признаки были в разных случаях далеко не однородны: власть признавала поселение городом либо по принципу «людности», либо по стратегическим, политическим, финансовым, религиозным и даже чисто случайным мотивам, как, например, вследствие выбора резиденции каким-либо влиятельным администратором,[2] а в дореволюционной России — подчас вследствие ходатайств, протекции и даже взятки. Известный географ В. Семенов-Тян-Шанский в своей работе «Город и деревня в Европейской России» обстоятельно выяснил, на каких шатких основаниях были построены у нас официальные термины «города» и «деревни» и сколько общественных интересов от этого страдало. Только с 1924 г., в связи с новым законом о городских и сельских поселениях и поселках и с районной реформой, было положено начало ликвидации многих явных несообразностей в этом отношении.

Таким образом мы приходим к различению 1) города официального (юридического), или номинального, и 2) города в научном смысле.

---

[1] Wright and Hobhouse, An outline of local government and local taxation in England, London, 1894.

[2] В Китае еще недавно основным признаком города считалось проживание в нем мандарина, и города подразделялись в зависимости от рангов проживающих в них мандаринов (Макс Вебер, История хозяйства, П., 1924, стр. 201).

Административный признак бесспорно фиксирует первое понятие, но оказывается совершенно непригодным для характеристики второго.

Сознавая отмеченный недостаток предыдущей точки зрения, социальная теория прибавляет к формально-политическому моменту более существенный момент — внутренней общественной структуры города. Согласно этой теории, получившей удачную формулировку в работе Н. П. Анциферова, «город есть место, приспособленное для общежития социальной группы сложного характера, внутренне дифференцированной и получившей определенную правовую форму». [1] Эта теория имеет то преимущество, что она выдвигает не только формальный, но и общественный признак, действительно характерный для большинства современных городов. Однако она не может быть всегда применима даже к современной эпохе, так как и в наше время встречаются города, преимущественно населенные людьми не только одного класса, но и одной профессии, а с другой стороны— наблюдаются села с весьма дифференцированным составом населения. Так, например, село Павлово, только в 1917 г. преобразованное в город, издавна исследовалось экономистами как сельское поселение с весьма сложной социальной группировкой, где сожительствовали фабричные рабочие, кустари, ремесленники и крестьяне. То же явление наблюдается особенно часто в английских и бельгийских не городских поселениях, где рядом с земледельцами и кустарями оседло живут фабричные рабочие, отправляющиеся ежедневно за десятки верст к месту своей работы на специальных поездах. [2] Вообще степень дифференциации населения, как показывает статистика, далеко не всегда может служить надежным критерием для разграничения города и деревни. К таким же сомнительным социальным критериям принадлежит, например, теория Meuriot, который предлагал принять за решающий дефиниционный признак густоту городского населения. [3]

Наиболее убедительной дефиниционно-муниципальной теорией является несомненно экономическая теория, стремящаяся обосновать понятие города не по внешним, формальным или отвлеченно-социальным признакам, а на строго научном базисе. Действительно, хотя городское общежитие есть прежде всего социальное явление, но к последнему надлежит подходить с экономическим анализом. Известно, что люди обыкновенно выбирают себе такое местожительство и такой образ жизни, которые позволяют им при данной технике бороться за свое материальное существование наивыгоднейшим образом. Самая возможность густо селиться на сравнительно небольшой территории зависит от существующих условий производства и обмена, и вообще «проблема города» во всех своих частях тесно связана с экономическими отношениями, без анализа которых она не может быть разрешена. В частности, методологическая трудность дефиниционной задачи сводится к умению выдвинуть тот экономиче-

---

[1] Анциферов, Пути изучения города, стр. 31, Ленинград, 1925.

[2] Э. Вандервельде, Притягательная сила городов, стр. 43, Спб., 1901.

[3] Meuriot, Les agglomérations urbaines dans l'Europe contemporaine, Paris, 1897.

ский признак, который оказался бы наиболее удобным для характеристики города как социального явления.

В экономической литературе очень распространено определение, согласно которому «город есть поселение людей, практикующих интенсивное разделение труда». Однако, во-первых, города существовали и при натуральном хозяйстве; во-вторых, и во многих современных индустриальных поселках разделение труда может быть признано интенсивным, и, наконец, самая граница между интенсивным и неинтенсивным разделением труда не установлена, благодаря чему различие между городом и сельским поселением остается неясным.

Макс В е б е р[1] и его последователи выдвигают весьма любопытный экономический признак, утверждая, что «город есть такое поселение, землевладение которого регулируется особым основанием доходности, а именно д о м о в л а д е н и е м, при котором остальная земля является только придатком».

Приведенное определение не лишено остроумия, но едва ли правильно рассматривать такое массовое и экономически с л о ж н о е явление, как город, с точки зрения одной земельной и домовой ренты, совершенно игнорируя более важный, производственный момент. Кроме того, точка зрения Вебера, будучи более или менее верной в отношении многих современных городов и их доходных домов, вовсе не применима ни к античным и средневековым городам, ни к современным городам-гигантам, где цена земли колоссально высока, ни к русским малым городам с их деревянными хибарками, при которых ценность усадебной земли вовсе не является «придатком», не говоря уже о том, что и в целом ряде роскошных дачных поселков цена земли и ее рента незначительны по сравнению с доходностью самых дач.

Вернер З о м б а р т значительно ближе к действительности, когда говорит, что «город является большим поселением людей, которое пользуется для своего содержания произведениями чужого земледельческого труда».[2] Здесь правильно подчеркивается оторванность значительного большинства городов от сельского хозяйства, как типично деревенской деятельности. Однако и в дефиниции Зомбарта есть существенные недостатки. Во-первых, она построена на чисто отрицательном моменте и не указывает положительно на характерные виды труда городского населения. Во-вторых, будучи верной для средневековых ремесленных и торговых городов и для типичных современных городов, она вовсе не охватывает городов тех эпох и стран, которые жили натуральным хозяйством, при мало развитом обмене и ничтожном разделении труда. В частности она не применима и к русским так называемым «земледельческим» городам, которые, как показывает статистика, продолжают еще содержаться за счет «внутригородского» сельского хозяйства. Наконец, согласно определению Зомбарта, в разряд городов войдут и многие большие дачные поселки с их временным, но чисто «потребительным» населением.

---

[1] Макс В е б е р, Город, стр. 15, Петроград, 1923 г.
[2] Современный капитализм, стр. 77, а также т. II, гл. IX, стр. 160.

Еще ближе к цели М. М. Ковалевский,[1] когда он, противополагая два мира — городской и сельский, — характеризует город как «поселение с сильной дифференциацией занятий преимущественно промышленных, торговых и кредитных», но и эта характеристика неверна и чересчур узка, поскольку она претендует на применение ко всем городам, начиная с Вавилона.[2]

Если мы внимательно присмотримся к цитированным определениям, то увидим, что их неудачи проистекали главным образом из того, что исследователи, стремясь найти реальные признаки для одновременной характеристики городов всех типов, стран и эпох, задавались в сущности невыполнимой целью.[3] Единого социального и экономического закона для всех эпох, как это убедительно выяснил Карл Маркс и его единомышленники, существовать не может. Городское общежитие, как и всякое другое социальное явление, должно рассматриваться на почве экономики, типичной для данной эпохи. Поэтому правильнее всего поступают те экономисты (Маркс, Энгельс, Меринг, Богданов, Рожков), которые, отказываясь дать однообразное определение для городов всех эпох или для современных умирающих пережитков старины, говорят лишь о типичном населенном центре капиталистической эпохи, а именно о современном индустриальном и торговом городе. У Маркса и Энгельса мы нигде не встречаем конкретной дефиниционно-муниципальной формулы, но, резюмируя сказанное ими, мы увидим, что под капиталистическим городом они понимали «неизбежное длительное скопление людей в местах обрабатывающей промышленности и торговли, вызываемое машинной техникой производства (коллективным фабричным производством), концентрацией капиталов (торгового, промышленного и финансового) и пролетаризацией крестьянства».[4]

По аналогичному определению Н. А. Рожкова,[5] «городом называется поселение, жители которого занимаются или торговлей, или обрабатывающей промышленностью, составляющими притом их главное, основное занятие, а не побочный промысел». При этом Рожков оговаривается, что его дефиниция не может относиться ни к античным «городам-крепостям», ни к тем официальным «городам», которые, с научно-экономической точки зрения, должны быть отнесены к деревне. Таким образом мы имеем реальное определение, которое правильно характеризует сущность типичного современного города с точки зрения наиболее существенного трудового момента. В общем соответственно этому опре-

---

[1] «Массовые перемещения жителей, прилив их в города и отлив в села», стр. 12, Одесса, 1904 г. (предисловие к книге Вандервельде).

[2] Цит. соч., стр. XIII.

[3] Это замечание, впрочем, не может относиться к Зомбарту, сочинения которого обычно проникнуты весьма определенным историзмом.

[4] См. особенно К. Маркс, Капитал, т. I, главы 23 и 24, и Фр. Энгельс, Положение рабочего класса в Англии.

[5] Город и деревня в русской истории, стр. 6, М., 1920, ГИЗ.

делению построен и ныне действующий в РСФСР закон о городских и сельских поселениях, на основании коего (ст. 3 Общ. пол.) к категории городских поселений относятся населенные пункты с количеством взрослого населения не менее одной тысячи человек, при условии, если сельское хозяйство является основным занятием не более чем для двадцати пяти процентов населения. [1] Вместе с тем мы поняли главную причину предшествовавших дефиниционных неудач, а именно ту простую истину, что реального определения для всех существовавших и официально существующих «городов», с их различными и подчас противоречивыми признаками, дать н е л ь з я.

Если же мы хотим дать ф о р м а л ь н о е или, вернее, номинальное определение для «номинального» же или «юридического» города и тем объяснить и оправдать самое общеупотребительное слово «город» для всех случаев, стран и эпох, то, резюмируя все сказанное, мы можем это сделать лишь в такой расплывчатой и по существу малосодержательной формуле: Г о р о д е с т ь т а к о е о б о с о б л е н н о е о т д е р е в н и в п р а в о в о м о т н о ш е н и и п о с е л е н и е, к о т о р о е я в л я е т с я б о л е е и л и м е н е е з н а ч и т е л ь н ы м и д л и т е л ь н ы м с к о п л е н и е м л ю д е й н а б о л е е и л и м е н е е о г р а н и ч е н н о й т е р р и т о р и и.

С нашей точки зрения, — как это будет выяснено более подробно в главе девятой, — в определении т. Р о ж к о в а, а также в приведенном советском законе имеется тот существенный недостаток, что, по точному их смыслу, городом может быть признано поселение весьма н е з н а ч и т е л ь н о й людности. Достаточно в сельской местности устроить фабрику, завод или мануфактуру с 250 рабочими (считая семью рабочего в 4 человека), чтобы этот рабочий поселок тем самым превратился в город или поселение г о р о д с к о г о типа. Между тем такие поселки могут не обладать большинством из существенных признаков города и не выдвигать ни одной типичной городской проблемы. Поэтому к определению Рожкова необходимо добавить: «поселение определенной степени людности», а в советском законе повысить численную норму.

Так разрешается дефиниционно-муниципальная проблема, вызвавшая колоссальную литературу и продолжающая вызывать у учащегося поколения значительный интерес. [2] Само собою разумеется, приведенные теории и примеры далеко не исчерпывают всего богатства дефиниционной литературы по данному предмету. Среди незатронутых нами авторов одни более или менее близко примыкают к изложенным взглядам или комбинируют их (С в я т л о в с к и й, Щ е п к и н, K e u t g e n, M a u n i e r, R i e t s c h e l); другие дают определения применительно к городам минувших эпох — древнейшей

---

[1] Приведенный закон еще ближе к определению В. Зомбарта, чем к определению Н. Рожкова, и разделяет некоторые недостатки первого. Как усматривается из законодательного материала, нельзя было привести более определенных указаний на занятия населения в виду недостаточности и недостоверности наших статистических данных в этом отношении.

[2] См., напр., А. А. К о л е н к и н, Русский город и его роль в прошлом и настоящем (дальняя экскурсия), стр. 118, Л., 1924.

(Э. Мейер), античной (Fowler, Francotte), средневековой (Маурер, Ратген); третьи подходят к дефиниции города с малопродуктивными в социальном смысле мерилами: а) «предметно-материальным» (по Фавру, например, города — густое скопление строений или жилищ, разделенных улицами), б) субъективно-психологическим (Тард), в) эстетическим (Рескин), г) явно не реальным (Эб. Гоуард)[1] или д) вовсе неопределенным;[2] наконец, четвертые прибегают к перечислению десятков второстепенных и сомнительных признаков города. Ясно, что разбор всего этого материала потребовал бы особой научной монографии и оказался бы едва ли продуктивным.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГЕНЕЗИС ГОРОДА

Еще более разногласий в научной литературе вызвала проблема возникновения и происхождения города. И здесь все попытки обосновать единый для всех эпох и стран «закон образования города» потерпели неудачу. Теория возникновения города по индивидуальной воле его основателя, теория свободного договора, теория социальной защиты (укрепленного, огороженного или гарнизонного пункта), теория рынка, теория естественного развития сельских поселений, — все они должны быть учтены при объяснении генезиса города в той или иной определенной эпохе, но оказываются несостоятельными и легко опровергаемыми при распространении их на все эпохи и случаи.

Возникновение первых городов теряется в глубокой, доисторической древности. Ясно, однако, что ни в эпоху первобытного коммунизма, ни в эпоху первобытной родовой общины город возникнуть не мог: примитивная техника, отсутствие оседлого земледелия, вечно кочевая и разбойничья жизнь древнейших орд — не допускали длительного скопления людей в одном месте. Наоборот, древнефеодальные отношения и деспотические системы Востока уже дают достаточные экономические и политические предпосылки к образованию городов.

Произведенные в самое последнее время археологические раскопки в северо-восточной Африке и юго-западной Азии, повидимому, указывают на существование городов каких-то древнейших, неизвестных ныне культур. Первые города, о которых у историков имеются сведения, — впрочем, весьма шаткие, — относятся к 3000—3400 гг. до нашей эры — в Египте и Судане, а несколько позднее — в Ассирии и других странах юго-восточной Азии. Такими городами

---

[1] Эб. Гоуард, Города будущего, пер. А. Ю. Блоха, Спб. 1911, стр. 12: «Город — это [illegible], различной площади и группового сотрудничества, всегда образующий ряд тесных отношений между людьми, целью которых является [illegible] культуры, развития».

[2] А. Дж. Тойнби, Города-государства Древнего Ближнего Востока, стр. 626: «Город — это такой тип поселения, который в ходе развития общественных отношений [illegible] из категории сельских поселений». Ни с того ни с сего!

в Египте — Белая Стена (позднейший Мемфис), Эль-Каб, Буто, Нехен и Пе, Тан — родной город двух первых египетских династий; в Судане — Сокошо, Кано, Мазена и позднее — Мемфис, Вавилон Ниневия, Тир, Сузы, Экбатана.

Все авторы (например: К. Бюхер,[1] Э. Мейер,[2] Д. Брэстед,[3] Богданов и Степанов[4]) сходятся на том, что ближайшим поводом к возникновению городов первобытных восточных деспотий была железная воля всесильного вождя племени (теория индивидуального произвола), который заставлял своих рабов, а чаще всего членов побежденного племени, строить для него из высушенного на солнце кирпича неприступные стены, окружающие значительное пространство, над которым доминировал дворец деспота. Здесь поселялся он сам, его дружинники, сюда же сгонялись его рабы, и отсюда он господствовал над окрестным населением. Трудно, однако, согласиться с проф. М. А. Курчинским,[5] когда он говорит, что «экономика в деле образования этих городов отступала далеко на задний план перед политикой». Укрепленный город действительно строился для осуществления стратегического господства над племенем, но строился он там, где племя оседало особенно густо, племя же, естественно, селилось в тех местах, где можно было легче всего добыть средства к существованию (первобытное земледелие, охота, рыбная ловля и здоровая питьевая вода). Города, возникшие по капризу деспота, если только они не имели экономических предпосылок, исчезали столь же быстро, как возникали; в обратных же случаях (Мемфис, Ниневия и друг.) они развивались, расширялись, застраивались и процветали столетиями до той поры, пока новое победоносное племя не разрушало их до основания.

Несколько иначе возникали города в эпоху древней Греции и античного «полиса». Согласно исследованиям К. Бюхера,[6] Fowler'a,[7] Fustel-de-Coulanges,[8] процесс урбанизирования совершался у греков и отчасти римлян со своеобразной логикой. Они вступили в историю, как и все народы, в состоянии чисто сельской жизни, рассеянные в открытых деревнях, питаясь плодами земли и слабо сплоченные по племенам. Но затем эти племена в значительной своей части оставили сельскую жизнь, основались в города и устроили за крепкими стенами свободную общину не только по приказанию влиятельных повелителей, но и по доброй воле (теория свободного договора). Нет сомнения, что при образовании так называе-

---

[1] K. Bucher, Die Grosstädte in Gegenwart und Vergangenheit, Dresd., S. 6 — 9.
[2] Э. Мейер, Египетская хронология.
[3] Д. Брэстед, История древнего Египта, стр. 45.
[4] А. Богданов и Степанов, Курс полит. экономии, т. I, Спб., 1910, стр. 192.
[5] М. А. Курчинский, Муниципальный социализм и развитие городской жизни, Спб., 1907, стр. 11.
[6] Цит. соч., S. 10 — 20.
[7] Fowler, The city-state of the Greeks and Romans, 1893.
[8] La cité antique.

мого с и н о й к и с м о с'а [1] (сожительства), или сложения населенных пунктов местности в город, в большой степени проявилось свободное коллективное творчество греков. Возникшие города заключали между собой союзы (симмахии), которые в свою очередь основывали колонии, повторявшие это устройство уже внутри варварских стран. Так основалась целая система муниципально-политического сожительства. В своей основе она имеет экономическую причину: невозможность жить и заниматься оседлым земледелием вне защиты укрепленных центров, куда земледельческое население спасалось в случае периодически повторявшихся нападений врагов.

Города-государства греков и римлян были обыкновенно в то же время и городами-крепостями (теория социальной защиты), как и в древнейшие времена, причем либо возводились специальные укрепления, либо города окружались стенами каменными, а в лесистых местностях — деревянными (Г е р о д о т, IV). Впрочем, по мнению большинства исследователей, стены и укрепления в то время вовсе не были обязательным признаком первоначального города, и часто одно присутствие гарнизона или воинская повинность рыцарского населения города обеспечивали его от нападений. Так, известно, что в спартанских городах никогда не было стен; по мнению многих исследователей, в первоначальный период не было стен и в таком городе, как Афины, причем, по уверению Макса В е б е р а, даже укрепления скалистого акрополя были возведены значительно позднее, чем был основан город.

Генетически-муниципальная проблема в с р е д н и е в е к а вызвала в науке длительные споры, породив несколько противоречивых теорий. Вообще вопрос о происхождении средневекового городского строя, как один из самых трудных, сложных и спорных в истории экономического быта, подлежит схематическому разрешению лишь с большими оговорками и допускает во всяком случае много сомнений и исключений.

К наиболее старым теориям относится р о м а н и з м (Г и з о, Р е н у а р, Т ь е р и, С а в и н ь и), нашедший, впрочем, и новейшего защитника (неоромапизм) в лице К у н т ц е.[2] Эта теория рассматривала западноевропейские города как непосредственное продолжение городов, основанных римлянами. Продолжала и развивала романизм с е н ь е р и а л ь н а я теория, в лице Э й х г о р н а и Н и ц ш а, которая к римскому правотворящему источнику в генезисе европейского города присоединила сеньериальное право (Hofrecht), т. е. объединение под властью сеньера различных слоев догородского населения, которое будто бы и породило город. Однако романизм был в значительной степени ликвидирован исследованиями «германистов» А р н о л ь д а, Г ю л л ь м а н а, Г и р к е (для Германии), Г е г е л я (для Италии) и Ф л а к а (для Франции).

---

[1] Это понятие часто фигурирует под именем «синойкизма», филологически некорректным, со смешением латинского (и с м) и греческого элементов.

[2] К у н т ц е, Die deutschen Stadtgründungen, oder Römerstädte und deutsche Städte im Mittelalter.

В свою очередь, Вильда и Гирке выдвинули гильдейскую теорию, по которой города будто бы образовались из городских гильдий, т. е. особых профессиональных корпораций, которые произошли из германской марки и затем превратились в городскую общину. Эта теория в своей главной части поколеблена исследованиями Гегеля, Гросса и особенно Белова.[1] В настоящее время остались, в своем чистом или комбинированном виде, только следующие три теории генезиса средневекового города, причем нередко делаются рискованные попытки фиксировать одну из них как общий генетический закон, годный для всех стран и эпох.

Теория естественного развития, высказанная еще Маурером,[2] подробно развитая Беловым и отчасти поддержанная Кейтгеном,[3] и Гегелем,[4] настаивает на непосредственном происхождении города из сельской общины, в частности — из германской марки. Защитники упомянутой теории утверждают, что города и городской строй образовались путем естественного роста и усложнения (по закону Герберта Спенсера — «интеграции и дифференциации») из тех же сельских группировок, которые должны были исходить из привычного для них быта и строить новые учреждения по известному им типу». Противники указывают на значительно бо́льшую сложность городского строя, на тот факт, что город образуется из нескольких разнородных общин, как междуплеменная организация, и, наконец, на то, что в эпоху массового образования городов, начиная с X века, сельские общины уже были закрепощены и поэтому не могли создавать — по своей инициативе и независимо от действий сеньера — муниципального уклада. После контр-возражений вопрос остался открытым, хотя едва ли можно сомневаться, что теория естественного преобразования деревни в город вполне применима лишь ко времени свободного, стихийного развития экономических отношений и сил.

Теория социальной защиты, т. е. взгляд на первоначальный город как на укрепленный и огороженный пункт, высказывалась в Германии Ратгеном, в Англии Мэтландом, в России А. И. Чупровым[5] и многими урбанистами, причем с теми или иными оговорками этот признак выдвигается и сторонниками других теорий (Маурером, Кейтгеном и проч.). Согласно этой теории, начальный город, или город-крепость, есть огороженное место, укрепленное валом и рвом (городище, Burg, bourg, borough). «Город, — говорит Маурер, — есть не что иное, как село, окруженное стеной». По словам немецкой пословицы, «Bürger und Bauer scheidet nichts als die Mauer». Макс Вебер

---

[1] Белов, Городской строй и гор. жизнь средневековой Германии, пер. с немецк., М., 1912 г.

[2] Maurer, Geschichte der Städteverfassung.

[3] Keutgen, Untersuchungen über d. Ursprung d. deutschen Städteverfassung.

[4] Hegel, Städte und Gilden d. germanischen Völker im Mittelalter. (Классическое сочинение.)

[5] А. И. Чупров, История полит. экономии, М., 1913, стр. 15.

утверждает, что понятию восточного, античного и средневекового города вообще присущ кремль, или стены, причем «город-крепость» в первоначальной стадии своего развития был либо сам «бургом», либо заключал бург в себе, либо прилегал к нему; в последнем случае бург этот был крепостью какого-нибудь короля или господина, или союза господ, живших в нем или державших там вассалов и гарнизон наемников.[1] Сам Вебер и Маурер допускали многочисленные исключения из этого общего правила, но радикальные и чистые сторонники рассматриваемой теории считают крепость или стены необходимым и достаточным признаком средневекового торгового города, а самый факт возведения близ села крепости (бурга) или обнесение села стеной признавался ими актом преобразования этого села в город.

В пользу приведенной теории говорят весьма многие наблюдения и соображения, начиная от самой этимологии слов «город» (огороженное место, двор), «Bürger» (горожанин от «бург») и латинских слов «urbs»[2] и еще castrum, castellum (что значит и замок и город). Оправдывает ее, казалось, сама логика, так как в те времена всеобщей небезопасности, с одной стороны, и полного обеспечения внешней безопасности одним фактом возведения стен, с другой, скоплению людей в определенном месте и спокойному занятию ремеслами и земледелием возводимые укрепления должны были всемерно способствовать и даже составлять непременное условие городской жизни. Рекламирует теорию и ее кажущаяся всеобщность, а именно то, что она оказывается применимой как к древнейшей и античной, так и к средневековой эпохе и к огромному большинству стран: о постройке бургов упоминается и в классических песнях Китая и в Ведах Индии, и в легендах Египта, Месопотамии, Ханаана, Палестины, и в гомеровском эпосе Греции. Наконец, несомненные источники говорят о существовании стен и укреплений в средневековых городах Германии, Англии, Франции, Италии, Испании, Фландрии, России.

Однако при всех доводах за эту теорию принять ее в чистом виде, как единую генетическую теорию, даже для средневековья, невозможно. Известно, что ни в древней Спарте, ни в Японии,[3] ни в епископских городах Германии и Англии, где авторитет культа служил достаточным обеспечением социальной безопасности, ни, наконец, в тех их крупных городах, как Кельн и Мюнстер,[4] никаких стен и укреплений не было. Во-вторых, что гораздо важнее, самый факт обнесения села стенами или постройки «бурга» еще вовсе не определял возникновения города и городского строя: город возникал лишь постепенно, вслед за экономическим и социальным развитием поселения. Известно, что в средние века Западная Европа была по-

---

[1] М. Вебер, цит. соч., стр. 15 и 17.

[2] «Urbs» — вероятно, от «orbis» (круг, окружная стена?) — «urbi et orbi».

[3] Гаттон, в виду этого факта считает, что в Японии вообще никогда «города» не было. Untersuchungen, II, 127.

[4] Проф. Е. Лозинский, Курс истории полит. экономии в связи с историей хозяйства, было, Харьков, 1907, стр. 53. Впрочем, другие авторы утверждают, что в Кельне были каменные стены.

крыта целой сетью феодальных замков и укреплений, однако только вокруг небольшого процента их возникали города вследствие благоприятных экономических условий. Равным образом известно, что во время хронической войны в спорных пограничных местностях укреплялась каждая деревня.[1] Так, например, славянские поселения, национальной формой которых, повидимому, уже давно является одноуличная деревня, под давлением постоянной военной опасности приняли в районах Эльбы и Одера форму окруженного частоколом круга с одним запирающимся входом, через который скот на ночь сгонялся в середину. Итак, не всякий город был крепостью и не всякое укрепление было городом. Ничто не мешает, конечно, любую деревушку, обнесенную стеной, признать за «город», но во всяком случае такое поселение с этим его внешним признаком за город в научном, т. е. в экономическом, смысле считать нельзя.

Неудачи предыдущих внеэкономических теорий и сравнительный социально-экономический анализ догородских и городских отношений привел в последнее время к построению теории рынка (Готейн, Шульте, Шредер, Ритшель),[2] которая доказывает происхождение средневекового города из рынка и городского строя — из рыночной организации. Согласно этой теории[3] «рынок есть не только основной элемент, без которого город возникнуть не может; он не только характерный признак эпохи городского (цехового) замкнутого хозяйства, где все сношения как между городом и деревней, так и между отдельными группами городских жителей совершаются в определенном месте, но он представляет собой первообраз, который дал свой облик городскому строю: рыночное право превратилось в общегородское право, рыночный суд — в городской суд, Marktfrieden — в Burgfrieden или в Stadtfrieden. Когда временные и преходящие отношения рынка делаются постоянными, тогда рынок превращается в город.

Координирование двух последних теорий (Зом,[4] Кулишер) дает, повидимому, наилучший путь к разрешению генетической проблемы для средних веков. «Возникновение городов, — говорит профессор И. М Кулишер,[5] обусловливается двумя моментами: сооружением крепости и устройством рынка». Как мы видели, крепость сама по себе еще не предрешала возникновения города, а лишь способствовала скоплению людей в определенном месте, их постоянному проживанию там и правильным занятиям ремеслами и торговлей; устройство же постоянного рынка, закрепляя это экономическое сожительство, образует типичное городское общежитие, т. е. город в научном смысле этого слова. Превращение города в официальный «юридический»

---

[1] М. Вебер, цит. соч., стр. 16.

[2] S. Rietschel, Markt und Stadt in ihren rechtlichen Beziehungen.

[3] I. М. Кулишер, Лекции по истории экономического быта Зап. Европы, ч. I, изд. 6, Петроград, 1922, стр. 120.

[4] R. Sohm, Die Entstehung d. deutschen Städtewesens (классическое сочинение).

[5] Цит. соч., стр. 116.

город обусловливалось еще пожалованием поселению князем, т. е. феодальным собственником территории. особых прав.

При необычайной в средние века сложности экономических и политических отношений, при разнообразии местных условий и действующих правил, при существовании городов различного назначения (гаваней, стратегических, торговых, ремесленных) и различных категорий, — начиная от городов постепенно образовывающихся и кончая планомерно основанными (классификация Фрицца),[1] от городов чисто владельческих (королевских, княжеских, епископских) до более свободных (ганзейских в Германии, bonnes villes во Франции и т. д.), от городов, глубоко уходящих своими корнями в римскую древность, до независимых от римского влияния (классификация Кейтгена).— приходится, на первый взгляд, описывать генезис чуть ли ни каждого города в отдельности и, разбираясь в сотнях монографических описаний научного характера, вовсе отказываться от каких бы то ни было обобщений и схем. Однако, при свете последней комбинированной теории, возможно набросать такую общую картину возникновения типичного средневекового города.[2]

Среди германо-романского мира, в начале средних веков, не существовало социальной безопасности: передвижение племен, военные нападения, разбои, грабежи были хроническими явлениями. При таких условиях феодальные владельцы для защиты своих земель и построек воздвигали укрепленные замки, в соседстве которых охотно селились земледельцы и ремесленники, искавшие внешней безопасности. Так возникали постепенно вокруг замка все более людные поселения, и наиболее крупные из них, в свою очередь, часто укреплялись, т. е. обносились стенами, рвами, частоколами. В то же время и в тех же целях короли (Альфред Великий в Англии, Каролинги в Саксонии, Тюрингии, Генрих I-й и другие) строили укрепления и огораживали посредством валов, земельных насыпей и дерева, а иногда и каменных стен, довольно обширные пространства, которые служили для временного убежища сельских жителей: последние скрывались туда с семьями, скотом, пожитками, в случаях нападений врага. Как указывает Бюхер, создавались как бы «союзы взаимной обороны, которые объединяли селения более или менее значительной округи в своего рода военную общину с определенными правами и обязанностями. Все входящие в этот союз селения были обязаны заботиться о поддержании укреплений городища, а в случае войны защищать их с оружием в руках. За это они пользовались правом, в случае опасности, укрываться за стенами бурга, вместе с семьями и всем движимым имуществом. Это право носило название «Burgrecht», а тот, кто пользовался им, назывался Bürger (посадским). То же право существовало в Англии, Франции, Фландрии и, как уверяет Павлов-Сильванский, в России. Предоставляя упомянутое право, основатели бургов как бы сочетали стратегические свои цели с общественной пользой, убивая двух зайцев за раз. С течением времени сельские

---

[1] Fritz, Deutsche Stadtanlagen, 1894.
[2] Левитский, цит. соч., стр. 93 — 101.

жители и особенно ремесленники охотно переселялись в эти «городища», или бурги, на постоянное жительство и густо застраивали их. Сами по себе все эти укрепленные, населенные и застроенные места еще не составляли «экономического» города, и решающим моментом в его окончательном образовании оказывалась т о р г о в л я.

Развитого обмена в начале средних веков еще не было, и повсеместно господствовало натуральное хозяйство, но существовали поводы к созданию временных рынков и периодических ярмарок для взаимного обмена неоднородными продуктами разных отраслей сельского хозяйства, а также произведениями стран с разным климатом. Эти ярмарки, естественно, устраивались в н а и б о л е е н а с е л е н н ы х п у н к т а х или в таких местах, куда стекались массы народа. В дохристианскую эпоху (в VI—IX веках) народ стекался на торг вблизи языческих капищ, где совершались жертвоприношения, творился родовой и племенной суд, а также в разных местах, расположенных по речным путям сообщения или вдоль остатков римских дорог. Позднее, т. е. в христианскую эпоху, временные рынки и ярмарки учреждались по соседству с укрепленными монастырями, аббатствами с реликвиями святых, на поклонение которым в определенные дни года прибывал народ. Во время Каролингов много рынков возникло также на территории укрепленных королевских вилл и замков (villa—французская ville, что теперь значит город), служивших временным местопребыванием королей при их разъездах по стране.

Эти временные рынки и годовые ярмарки, с ростом тороговых оборотов, собирались все чаще и чаще в тех же местах, вызывали там же чеканку монеты, обложение пошлинами привозных товаров, устройство мер и весов. Одновременно вблизи тех же торговых пунктов росла обрабатывающая промышленность в виде ремесла. Таким образом во многих населенных пунктах, пользовавшихся военной защитой и покровительством феодальных владельцев, сложились основные элементы торгово-промышленной жизни, в корне изменившие сельский характер этих поселений. Благоприятствовали этому явлению: расчлененность рельефа местности в Зап. Европе, быстро наступившая вследствие этого земельная теснота, которая и обусловила переход защищенных селений от земледельческих занятий к более выгодным—ремеслам и торговле, а также способствовавшее этой торговле богатство речных систем, вдоль которых и лепились преимущественно торгово-промышленные пункты. Так образовались не только из городищ, но и из описанных торговых пунктов города в экономическом смысле этого слова, которые, вместе с развитием законодательства и с пожалованием упомянутым поселениям г о р о д с к и х п р а в и привилегий, а также исключительных прав на ярмарки, превратились в официальные города. При всех исключениях, видоизменениях, индивидуальных особенностях, общий процесс первоначального урбанизирования средневековья делается ясным.

Совершенно иным представляется генезис с о в р е м е н н ы х г о р о д о в. При существующей в капиталистическом строе стихийности хозяйственного развития, а также при сравнительной социальной безопасности, города естественно и непосредственно образуются из

АДМИНИСТРАЦИЯ
БИБЛИОТЕКА
522639

наиболее крупных сельских поселений, получивших значительное торгово-промышленное развитие. Официальное признание этих поселений городами легально заканчивает процесс урбанизации. Только с начала XIX века начинается новое движение в пользу создания и планирования городов по воле их сознательных творцов (города-сады). Однако это движение, уже получившее в отдельных случаях свое осуществление (Лечуорс, Уэльдин и другие), относится к области будущих социальных отношений и б у д у щ е г о г о р о д а, о коем речь пойдет ниже.

Резюмируя сказанное, мы отметим, что при всем богатстве и всей сложности материала, при наличии в науке многих конкурирующих теорий, при своеобразных генетических законах, коими обусловливается образование городов разных стран и эпох, все-таки в этом процессе можно усмотреть и нечто о б щ е е для всех случаев и для всех времен, начиная от глубокой древности и кончая современностью. Для образования города, как явления устойчивого, требуется три условия: 1) соответствующие экономические предпосылки, 2) социальная аккумуляция и 3) признание государственной власти. Если один из этих трех моментов (фактор, содержание и форма) отсутствует, — г о р о д в о з н и к н у т ь н е м о ж е т.

В заключение остается упомянуть о «генетически-муниципальной морфологии», т. е. о формах образования города. К сожалению, этот вопрос еще очень мало исследован. В урбанистической литературе указывалось на «закон» образования города вокруг организующего я д р а, под которым понимается «то социальное образование, имеющее какое-либо специальное назначение, которое вызывает город к жизни и определяет в значительной мере характер его развития».[1] Такими ядрами могут быть: 1) укрепленные замки — кремли (например, Москва), бурги (Зальцбург), акрополи (Афины); 2) военные крепости (Гибралтар); 3) рынки (Архангельск), ярмарки (Ирбит), порты (Одесса); 4) заводы и фабрики (Петрозаводск); 5) монастыри (Ченстохов); соборы (Бургос), святыни (Лурд); 6) дворцы правителей (Эскуриал); 7) железнодорожные станции (Жмеринка); 8) высшие учебные заведения (Кэмбридж); 9) больницы (Шарантон).

Упомянутые «ядра», которые своим экономическим, защитным, административным или духовным значением притягивают население и способствуют его сгущению, действительно характерны своей ролью в генезисе многих городов. Однако изложенная форма образования города не должна быть признаваема «законом», так как в последнем было бы слишком много исключений. Так, единого организующего ядра не имеют: 1) многочисленные города, возникающие непосредственно из сельских поселений; 2) города, образованные из слияния нескольких соседних поселений; 3) города, имеющие при своем возникновении несколько ядер, и 4) города, распланированные заранее по воле их творцов.

---

[1] А н ц и ф е р о в, цит. соч., стр. 39.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГЕНЕЗИС РУССКОГО ГОРОДА

Особняком в научной литературе стоит вопрос о возникновении и происхождении русского города, хорошо освещенный в целом ряде русских исторических и муниципальных работ, из коих особенное внимание следует обратить на труды профессоров М. Покровского,[1] В. Ключевского,[2] В. Семенова-Тян-Шанского и Рожкова.

При всех особенностях русской природы, почвы и климата, а также и быта национальной физиономии восточных славян, нас поражают черты сходства муниципально-генетического процесса в России с аналогичным процессом урбанизации в Западной Европе.

Проследить образование первых городов среди племен, населявших России в доисторический период, невозможно. Первые более или менее достоверные летописные сведения застают русские или, вернее, славянские города уже образованными и частью даже развитыми. В нашей прежней исторической литературе (Погодин, Костомаров, особенно же Беляев и Забелин [3]) проводился тот взгляд, что восточные славяне поселились в пределах русской равнины еще за несколько веков до начала христианской эры, причем уже очень давно из их первобытных мелких родовых союзов вырастали целые племена, а среди племен возникали города. Из числа этих городов, по тому же мнению, еще за много веков до Рюрика и Олега поднимались старшие города, составлявшие с пригородами племенные политические союзы полян, древлян и других племен, которые, после призвания князей, начали соединяться в общерусский союз. Это голословное мнение теперь сильно поколеблено новейшими исследованиями,[4] но несомненно, что древние славяне, как говорит Семенов-Тян-Шанский,[5] «обнаружили склонность к основанию городов гораздо ранее германцев» и что такие города, например, как Киев, Новгород, Смоленск, Чернигов, возникли значительно раньше, чем о них говорится в летописной литературе.[6]

Начальный русский «город», как это показывает самое слово, обозначает огороженное, т. е. укрепленное, место, своего рода «воен-

---

[1] М. Покровский, Русская история с древнейших времен, т. I, 7-е изд., ГИЗ, М., 1923 г.

[2] В. Ключевский, Курс русской истории, часть I, изд. 4-е, М., 1911.

[3] Забелин, История русской жизни с древнейших времен, т. I.

[4] Ключевский, цит. соч., стр. 119 и след.

[5] Цит. соч., стр. 38.

[6] Еще значительно раньше, а именно до нашей эры, возник на северном Черноморском побережьи и, повидимому, по Дону (гор. Танаис) целый ряд городов-республик, как продукт древнегреческой колонизации. Из таких городов, куда греки перенесли из своих метрополий все завоевания культуры, начиная с демократической организации автономных общин и кончая произведениями эллинского искусства, наиболее известны: Тира на днестровском лимане (теперь Аккерман), Ольвия на буго-днепровском лимане, Херсонес (около Севастополя), Феодосия (на месте нынешней), Пантикапея, Фанагория, Горгиппия (Анапа). См. проф. Яцимирский, Смена древних народностей и их археологические памятники (Изв. Сев. Кав.-университета, т. X, 1926 г.).

ное укрепление», в которое спасались во время нападений врага мирные сельские жители. Этот свой признак, типичный, как мы видели, и для большинства западноевропейских городов, русский город сохранил в течение многих веков.

Судя по всем источникам, никаких исключений из этого общего правила в древней Руси не было. «Кремль», носивший в старину название «детинца», или стены (обыкновенно деревянные, но в более крупных центрах — кирпичные и каменные), или по крайней мере земляные валы — составляют принадлежность к а ж д о г о города. Ни одно описание русских городов до XVIII века [1] не обходится без упоминания его характерных аксессуаров: «острога, тына, рогаток, надолб, проезжих башен». По мере расширения города, он опоясывался новыми, все более обширными кольцами стен и укреплений, как это мы можем сейчас наблюдать по развалинам в древних русских центрах. Этот признак «укрепленности» древнего и даже позднейшего русского города, по своей всеобщности и длительности своего исторического существования и по характеру укреплений, выступает в России е щ е я в с т в е н н е е, чем в Западной Европе, что вполне понятно при наших равнинах и периодических нашествиях азиатских орд.

Значение этих «городов-крепостей» было громадно. Только они помогли крепнущей Руси на заре нашей истории сопротивляться набегам хазар, печенегов, половцев и других кочевых племен. Как указывает проф. М. П о к р о в с к и й, [2] «степняки не умели брать русских городов. Например, половцы, напав врасплох на Киев в 1096 г., не смогли в него ворваться и лишь опустошили окрестности. Одни татары справлялись с русскими городами, ибо усвоили себе всю военную технику того времени и научились в войнах с китайцами брать города, окруженные каменными стенами. Приступая к городу, они окружали его тыном, подводили осадные машины, били в ворота таранами, зажигали строения внутри города греческим огнем, прибегали к подкопам и подчас даже отводили реки». И все-таки находились города, настолько хорошо укрепленные, что они сопротивлялись такой активной осаде в течение нескольких недель.

Нашей исторической и экономической мысли [3] очень свойственно было смотреть на русский древний и даже позднейший город главным образом как на военный и административный центр (административная теория), в о т л и ч и е от западноевропейского города, который создал «гармоническое» городское хозяйство, т. е. непосредственный обмен между городскими ремесленниками и крестьянами, приезжавшими со всех мест в соседний город и получавшими за свою сельскую продукцию «мануфактурный» товар. Мы не оспариваем, конечно, того факта, что упомянутого непосредственного и массового контакта и обмена между горожанином и крестьянином в России быть не могло вследствие дальности расстояний и отсутствия сколько-нибудь снос-

---

[1] Ч е ч у л и н Н., Города Московского государства в XVI в., Спб. (цитировано по С е м е н о в у - Т я н - Ш а н с к о м у).

[2] М. П о к р о в с к и й, цит. соч., стр. 115.

[3] См., напр., П. М и л ю к о в, Очерки русской культуры, и Т у г а н - Б а р а н о в с к и й, Основы политической экономии.

ных путей сообщения. Однако можно ли думать, что в России один военный или один административный признак города достаточны для отличия города от села? Можно ли признать, что древний русский город уже конституирован, раз село огорожено стеной или укреплено? Одним словом, можно ли отказываться от экономического признака для характеристики русского исторического города и его происхождения?

На эти вопросы следует ответить отрицательно. «Укрепленность», как единственный признак отличия между городом и деревней, падает уже по той причине, что восточные славяне, как мы знаем, [1] укрепляли не только одни города, но также крупные села и даже свои дворы, обнося их деревянными стенами, рвами, тыном, частоколом, но от этого села еще не теряли ни своего названия, ни своего чисто сельского характера. Укреплялись и древние внегородские монастыри, которые продолжали оставаться «монастырями». Что же касается административной роли древнего города, как средоточия «волости», к которой тянулся сельский округ, то она всецело базировалась на экономической и в частности на торговой мощи города. И в России, mutatis mutandis, только «теория рынка» в дополнение к «теории социальной защиты» и «административной теории» поможет нам разрешить генетическую проблему.

Исследование экономических признаков древнего русского города должно итти по линии не столько внутренней, сколько внешней торговли, в отличие от средневекового западноевропейского города, в котором торговля развивалась, так сказать, «изнутри», благодаря целому ряду физико-географических, этнических и исторических причин.

В. Ключевский рисует следующую ясную и яркую картину внешней торговли восточных славян и возникновения первых русских городов, которую мы в кратких выдержках и воспроизводим. [2]

«Днепр еще задолго до Р. Х. сделался большой торговой дорогой, о которой знал Геродот и по которой греческие колонии на берегах Черного и Азовского морей — Ольвия, Херсонес Таврический, Пантикапея и Танаис — получали товары (янтарь) с берегов Балтийского моря. Когда восточные славяне расселились по русской равнине, они стали торговать (начиная с VII и VIII веков по Р. Х.) с хозарским, греческим и арабским Востоком мехами, медом, воском, пользуясь Днепром и другими речными путями. Прямым следствием этой торговли было возникновение древнейших городов, как это видно из самого их местоположения. Большинство их вытянулось длинной цепью по главному речному пути «из Варяг в Греки» — по линии Днепра — Волхова (Киев, Смоленск, Любеч, Новгород, Полоцк), и только некоторые, как, например, Переяславль на Трубеже, Чернигов на Десне, Ростов в области верхней Волги, выдвинулись к востоку с этого операционного базиса русской торговли, как ее восточные форпосты, указы-

---

[1] См., напр., монографию Костомарова о славянах в «Современнике» 1860 г.

[2] Ключевский, цит. соч., стр. 143 — 151.

вая фланговое направление торговли — к Азовскому и Каспийскому морям. Возникновение этих больших торговых городов было завершением сложного экономического процесса. Восточные славяне расселились по Днепру и его притокам одинокими и укрепленными дворами. С развитием торговли среди этих однодворок возникли сборные торговые пункты, места промышленного обмена, куда звероловы и бортники сходились для «гостьбы» (т. е. для торговли). Мелкие сельские пункты тянулись к более крупным, возникавшим на особенно бойких торговых путях (погосты). Из этих крупных рынков, служивших посредниками между туземными промышленниками и иностранными рынками, и выросли древнейшие торговые города, служившие торговыми центрами и главными складочными пунктами для образовавшихся вокруг них промышленных округов. С принятием христианства эти погосты и города получили значение и религиозных центров, а так как к приходам приурочивалось сельское административное деление, то это сообщало погосту и городу административное значение «волости». Ход процесса становился ясным: от укрепленного двора через торговый пункт и «погост» к городу.

«С другой стороны, и внутренняя или, вернее, внутригородская торговля также свойственна русским городам с самых древних времен, хотя она была тогда мало значительной. Внутренне-торговая жизнь городов внешним образом выражалась в наличности торговых «рядов», из которых каждый специализировался на известной категории товаров. Ряды состояли из лавок, прилавков, полок, шалашей и амбаров. Ремесленная жизнь в свою очередь сосредоточивалась в «посадах» (главных торгово-промышленных частях городов) и «слободах» (городских предместьях), но была в течение многих веков очень ограничена и неразвита особенно на юге.

Правда, Никитский[1] и Пресняков[2] рисуют несколько иную картину экономических отношений древнего русского города, указывая на преувеличение Ключевским глубины влияния торговли и на слабый и мелкий ее характер в старину, но все же и они признают значение внешнего обмена для русских городов той эпохи, а М. Покровский[3] категорически заявляет, что «если мы его» (т. е. внешний обмен) не привлечем к делу, то и города и городская волость X — XII веков окажутся для нас чистой загадкой», и дальше: «если мы упустим из виду сочетание войны, торговли и разбоя, мы ничего не поймем в организации древнерусского города и в частности его «тысяцкого», который был одновременно и главным командиром городских «сынов» и председателем специального «коммерческого» суда?[4] Поэтому трудно согласиться с С. Семеновым-Тян-Шанским

---

[1] Никитский, История экономического быта Великого Новгорода.
[2] А. Пресняков, Княжое право в древней Руси.
[3] Цит. соч., стр. 65 и стр. 79 — 80.
[4] По исследованиям И. Беляева (Города на Руси до Монголов) древний русский город был вооруженным оплотом внешней торговли. Он представлял собою «тысячу», или полк, предводимый тысяцким, и делился на сотни и десятки, под командой сотских и десятских.

в том, что «русский город возникал т о л ь к о как военный центр, а торгово-промышленный характер ему придавала впоследствии сама жизнь».[1] Наоборот, город только потому и укреплялся интенсивно, что он, как складочное место товаров, служил главной приманкой для разбойничьих племен, и ему было что защищать. Как наша летопись, так и иностранные источники сходятся на том, что типичный древний русский город является местом иноземной торговли и населен «нарочитыми мужами», т. е. торговой аристократией, «житыми людьми» — купцами и иностранными «гостями», заполняющими в городах «готские» и «немецкие» слободы. Раннее развитие внешней торговли, объясняемое русской равниной, удобными речными системами, дерзкой предприимчивостью частью воинственного и частью торгового, хотя бы и на разбойный лад, населения (точнее — купеческого его класса), вообще характерно для древней русской истории, и о п о р н ы м и п у н к т а м и э т о й т о р г о в л и б ы л и н е с о м н е н н о д р е в н и е г о р о д а. В этом их социально-экономическая роль. Подобно тому как укрепление и внутренний рынок создали западноевропейский город, укрепление и внешний, по преимуществу, рынок создали восточноевропейский город. Правда, вне городов в то время господствует целиком натуральное хозяйство, а сами города еще очень немногочисленны, и за кратковременным их торговым расцветом следует глубокое разложение; правда, наконец, что технические средства внешней торговли (лодки, волок) в то время крайне примитивны, но отрицать внешнеторговый б а з и с древнерусского города, признавая его лишь за военно-административный центр, это значит отрицать самое понятие «экономического» города, как научно-социального явления. Таков вывод из всего сказанного.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДА

Если какой-нибудь урбанист, сторонник теории постепенной прогрессивной эволюции, попытался бы изложить нам историю городов, начиная с древнейших городов-крепостей и вплоть до современного Лондона, как некий непрерывный процесс роста и усложнения, согласно закону интеграции и дифференциации Герберта С п е н с е р а, то он потерпел бы решительную неудачу.[2] На самом деле город появлялся в одной типичной своей форме, развивался и исчезал, чтоб уступить свое место городу с совершенно иными существенными признаками, и так несколько раз, в зависимости от диалектической смены эпох, ибо город как социальное явление есть прямой результат данного преходящего экономического базиса. Вспомним простейшую социально-экономическую классификацию эпох, сделанную в свое время К. М а р к с о м и до сих пор никем не опровергнутую:

---

[1] Город и деревня, стр. 42.

[2] К сожалению, таких неудачных историков города в литературе имеется достаточно. Закон прогрессивной эволюции Спенсера верен, но лишь в пределах явления одного и того же качества.

1) дикое состояние, в которое включается как первобытный коммунизм, так и первобытная родовая община; 2) азиатское (кастовое) хозяйство; 3) античное (рабовладельческое) хозяйство; 4) средневековое (феодально-крепостное) хозяйство; 5) современное (капиталистическое) хозяйство и 6) будущее (социалистическое) хозяйство. Всем этим типичным эпохам, если не считать дикого состояния, в котором город как оседлое скопление людей возникнуть не может, соответствует и своеобразный тип города: 1) азиатский город (город-крепость), 2) античный город (город-государство), 3) средневековой город (город цехового ремесла), 4) современный город (город торгового, промышленного и финансового капитала) и 5) будущий город. Как ни опасно строить схемы в вопросах социальных, но перечисленные типы городов выступают так ярко и выпукло в своих существенных признаках и формах, что научный исследователь был бы не прав, если бы он в данном случае отказался от типизации. Если вообще возможна история десятков тысяч городов, существовавших на земном шаре, то она мыслится только в пределах такой упрощающей классификации. Что же касается всех неизбежных и многочисленных исключений, отклонений и пережитков, которые часто нарочно приводятся и описываются, чтобы запутать или опровергнуть принятую систему, то мы о них упоминать не будем. Бесконечное разнообразие действительности, как известно, преодолевается наукой не путем индивидуального описания каждого сепаратного случая, а посредством обобщения и упрощения. Рассмотрим же отдельно и кратко каждый основной тип города в исторической последовательности его появления, развития и упадка.

1) Город-крепость примитивных деспотий, названный так его ученым исследователем Карлом Бюхером,[1] является древнейшим типом известных нам городов. На определенной ступени развития он создается повсеместно как логический результат закономерно сложившихся экономических и политических условий — в Египте, Судане, позднее в Ассирии, Мидии, еще позднее в Месопотамии, Персии, Иране, Китае, кончая варварскими племенами современной Африки.[2]

Учитывая индивидуальные особенности, связанные с национальными различиями, историческими случайностями и ролью личности, мы все же можем синтетически описать этот тип города, разбив его впоследствии на две категории: город чисто потребительный и город полупроизводительный.

Этот город есть не что иное, как военная резиденция деспотического главы племени — его жилище, а также орудие защиты и господства. По общему правилу — «сколько деспотов, столько и городов». Чуть ли не каждый глава племени, фараон, сатрап, хан, султан и т. п., основывая царство или полу-

---

[1] Bücher, цит. соч., S. 9 — 20 (несколько сокращенный русский перевод в сборнике «Большие города»).

[2] Богданов и Степанов, цит. соч., стр. 192 (описание городов современных африканских племен).

чив наследство, приказывал строить себе с в о й собственный город, приноровленный к его вкусам и планам. Как уже указывалось выше, прежде всего строился укрепленный дворец для самого деспота и затем многочисленные постройки для его жен, телохранителей и несчетного количества рабов, а также храмы национальных божеств. Все это обносилось крепкой стеной, и отсюда, по удачному выражению Б ю х е р а, вождь господствовал над окрестным населением, «как хищный зверь, живущий в берлоге, в которую он стаскивает добычу». Кругом живут племена, свободные в своем внутреннем быте, но покорные воле деспота и готовые к призыву в случае войны и к платежу дани. Однако относительная безопасность существует лишь в пространстве, обнесенном стенами: разбойничьи номады пустыни бродят за ними, промышляя грабежом.

В экономическом отношении такой город не имел производительного характера. Он жил, во-первых, натуральной данью и оброками, которые приносило вождю подвластное население, и, во-вторых, плодами военных набегов, периодически предпринимаемых вождем. Хотя в древнем городе-крепости, по описаниям исследователей (М е й е р а, Э р м а н а, Б р э с т е д а), часто находилась площадь для «рынка», но этот рынок был чисто репартиционного характера, и с в о и х продуктов город там не обменивал.

Все это бесспорно, но много разногласий до сих пор возбуждает вопрос о п л о щ а д и рассматриваемых городов. Одни приписывают им поистине баснословные размеры, опираясь на рассказы путешественников о сохранившихся еще развалинах стен, на свидетельство старинных летописцев и библейских легенд; другие, наоборот, настаивают на весьма скромных размерах примитивного города-крепости. Упомянутый вопрос, однако, далеко не так трудно разрешить, как это кажется на первый взгляд.

Громадное большинство описываемых городов были действительно весьма невелики, хотя они и поражали подчас грандиозностью и великолепием дворцовых зданий и храмов, построенных рабским трудом. Поселение, имеющее чисто потребительный характер, возникшее в эпоху примитивной техники и варварских путей сообщений и к тому же весьма недолговечное, живущее, как мы можем это наблюдать и теперь на примерах патриархальных народностей, лишь в течение одного поколения (до смерти вождя или разрушения на войне), не могло быть, к а к п р а в и л о, ни чрезмерно людным, ни слишком обширным. Э р м а н,[1] описывая самый старый египетский город, о котором мы имеем отчетливое представление, а именно Кахун, резиденцию Сезостриса II, основанную за 2000 лет до нашей эры, говорит, что площадь его была равна только 350 — 400 квадратным метрам, причем рабочий (рабский) квартал города, занимавший 1/4 его территории (около 105 кв. метров), вмещал до 200 домишек (?!). Аналогичных примеров, научно описанных, мы имеем немало. Таким образом для нас выясняются существенные признаки типичного города-крепости примитивных деспотий: 1) наличие мощного укрепле-

[1] E r m a n, Aegypten, 1924.

ния, 2) недолговечность, 3) скромные размеры городской территории и населения и 4) чисто потребительный его характер. Все эти связанные между собой признаки прямо вытекают из особенностей древнефеодальной рабовладельческой эпохи, создающей город «по своему образу и подобию».

Однако на протяжении веков всегда бывают исключения из общих правил, и если эти исключения более ярки и любопытны, чем правила, то на них подчас и направляется все внимание. Наряду с описанным типом древнейшего города, как он возникал и исчезал в разных странах в сотнях и тысячах случаев, оставляя за собой лишь развалины, развилось в ту же эпоху и несколько всемирно прославленных грандиозных центров (Вавилон, Мемфис, Ниневия), к созданию которых, при особом стечении обстоятельств, были экономические и политические предпосылки. Представим себе специальное сочетание счастливых условий: особенно удачно выбранное местоположение города в отношении климата, почвы, рельефа местности, густоты соседнего производящего населения, а также длительное и сравнительно мирное процветание как царства, столицей коего является город, так и династии, его возглавляющей. При таких условиях выбирать новое местоположение и строить новый город нет смысла, и город приобретает признак сравнительной д о л г о в е ч н о с т и. Этот признак неизбежно влечет за собой и другие. Долговечный город, столица процветающего царства, имеет внутреннюю потребность становиться более людным и застраиваться, но этому препятствует чисто потребительный характер города и крайне экономное распределение территории, заключенной в стенах, «как в панцыре» (выражение Г е р о д о т а). Тогда город теряет свой потребительный характер и постепенно приобретает новый полупроизводительный характер. Однако единственным производством того времени является экстенсивное земледелие и единственной его формой — натуральное (ойкосное) хозяйство. Эти условия, в свою очередь, требуют обширного пространства, в котором вместе с хозяевами могли бы существовать и средства их производства — пашни, покосы, огороды, фруктовые сады. В результате, уже очень обширное пространство обносится новой стеной, [1] и в нем растут разбросанные группы дворцов вельмож и домов с усадьбами, пашнями, финиковыми садами. Одним словом, возникают Фивы, Мемфис, Сокото, Вавилон, Ниневия, Сузы.

У последней категории городов остается лишь один отличительный признак, свойственный типичным городам примитивных деспотий, а именно их с т е н ы и у к р е п л е н и я. Во всем остальном они отличаются от своих «собратьев». Размеры их поистине колоссальны, хотя и можно допустить, что первые летописцы, легенды и позднейшие путешественники несколько преувеличивают, т. е. принять объяснение Б о г д а н о в а, утверждающего, что только развитие обмена создает «точный счет», а натуральное хозяйство «мерит на глаз», который может и ошибаться. По Г е р о д о т у, например, Вавилон

---

[1] Г е р о д о т указывает на то, что Вавилон, кроме своей внешней стены, имел и внутреннюю стену. То же было, повидимому, и в Мемфисе и в Сузах

имел в окружности 480 стадий, т. е. 88 километров; [1] согласно пророку Ионе (III, 3), Ниневия была протяжением в три дня пути, а по рассказу Аристотеля, когда Вавилон был взят, то часть его населения узнала о том только через три дня. Однако эти города не имели ничего общего с нашими современными городами-гигантами. Они представляли собой в сущности целые простейшие государства, обнесенные стенами, и своеобразное сочетание города и деревни. Поражают также в них, судя по описаниям, и ненужные, но великолепные затеи, вызванные расточением тяжелого труда, — пирамиды, башни, грандиозные храмы, высокие набережные, искусственные бассейны, даже отводы рек—при одновременной грязи, вони и скученности рабских кварталов и, конечно, в общем, полном отсутствии современной техники благоустройства.

Итак, общий вывод ясен: конъюнктура древнейшей эпохи, т. е. деспотическое самодержавие на основе примитивной техники, рабского труда, натурального хозяйства и экстенсивного земледелия, только и могла создать описанные нами типы потребительного и, как исключение, полупроизводительного большого города.

Некоторые урбанисты и историки (Анциферов, [2] Henry Martin, [3] Zimmern и друг.), наряду с городом-крепостью примитивных деспотий, выдвигают как особый тип города древнейшей эпохи так называемый первобытный город-село, застроенный землянками, деревянными хижинами и населенный чисто земледельческим, полудиким населением, едва выщедшим из периода родовой общины, а также жрецами примитивных культов. Такие сельскохозяйственные «города», описанные еще Гомером, — встречались, например, у галлов, бриттов, иберийцев до их покорения римлянами, но они едва ли заслуживают зачисления в особый тип города в научном смысле этого слова, так как отличаются от деревни разве только несколько большей людностью. Равным образом нельзя считать городами староиндийские крупные общины, вроде Калькутты, которые представляли группы деревень, имеющих «в городе» только общее пастбище, [4] или же те обнесенные стенами «города» Средней Азии с их пашнями и обширными загонами для скота, которые служат местом спасения и питания людей в случаях неприятельской осады. [5]

2) Вторым, по времени возникновения, основным типом городского строя является несомненно «город-государство» античного мира (по-древнегречески πόλις, по-немецки Stadtstaat, по-английски citystate). Это в высшей степени интересное явление, впервые описанное Fustel de Coulanges в его классическом труде «La cité antique», [6]

---

[1] Геродот, История, I, 178. М. М. Ковалевский верит в эту цифру (см. цит. соч., стр. XIII). Д. Д. Протопопов, ссылаясь на раскопки, низводит ее до 14 (см. История жил. вопроса — лекции).

[2] Н. и Т. Анциферовы, Город как выразитель сменяющихся культур, Л., 1926, стр. 5.

[3] H. Martin, Histoire de France, tome I, p. 203.

[4] Hunter, The Indian Empire, p. 46.

[5] F. Ratzel, Anthropogéographie, 2, 447.

[6] Есть и русский перевод, ныне ставший библиографической редкостью: «Гражданская община античного мира».

возникло также в рабовладельческую эпоху, но в значительно более поздний ее период, когда, вместо повсеместного, однородного натурального хозяйства и застывших каст древнего Востока, мы встречаем уже значительное разделение труда, некоторое развитие торгового капитала и связанную с ними оживленную борьбу классов. В это время ликвидируются г р у б ы е типы господства и простейшие единоличные формы власти, а закладывается новая дифференцированная система политического управления, опирающегося на города как на социально-энергетические центры и на возникшее в них своеобразное классовое расслоение. Эта эпоха служит богатейшим историческим источником и для современной «муниципальной науки»: самые понятия «городского хозяйства», «городского благоустройства» возникли там; оттуда же вышли и такие термины, как «коммунальный», «муниципальный», «куриальный». Более того: все важнейшие проблемы муниципально-общинного управления и самоуправления впервые зародились в «городе-государстве» греков и римлян.

Сущность рассматриваемого понятия — в отожествлении государства и города. Греческое слово «πόλις» и латинское «civitas» значат одновременно и государство и город. Всякий город с окружающей его территорией есть уже государство, каждое же государство сводится к городу или к союзу городов. Это тесное сплетение двух различных по существу понятий объясняется п о г л о щ е н и е м деревни городом в античном мире. Из двух составных частей «государства» «город, — по выражению H. M a r t i n, — в древнем мире был в с е, а деревня ничто». Город, как экономический «паразит» деревни, как средоточие политической, юридической, научной, художественной, религиозной жизни и как военно-административный центр, совершенно не считается с деревней, смотрит на нее как на «варвара», которого надо использовать. Афины ведут свою политику, войны, переговоры, заключают договоры за всю Аттику. То же делает и Рим, навязывая деревне свою волю. Полноправный гражданин (civis) — это член гражданской общины (civitatis), т. е. горожанин. И за все время господства города-государства, т. е. в течение многих столетий, деревня и сельское население поражает своей чисто служебной ролью, своим неустройством и бесправием: она посылает в город всех своих энергичных людей, военных рекрутов, платит ему подати, доставляет хлеб, но не получает взамен никакого эквивалента. Город даже не управляет ею, а только приказывает. Прежняя роль единоличного деспота в отношении деревенского населения перешла к городскому общежитию и к городским союзам, т. е. к гражданской общине.

Этот типично г о р о д с к о й характер античной цивилизации объясняется теми же экономическими и политическими предпосылками эпохи. Деревня в то время продолжала вести свое домашнее натуральное хозяйство и была чужда какой бы то ни было политической интеграции. Стройная и сложная политическая система греков и римлян в процессе организации только в городах могла находить свои опорные пункты: с невежественной и политически-пассивной деревней ей делать было нечего. При распространении господства на варварские страны Риму не могло хватить и государственных

агентов для осуществления своей власти на всей территории: естественно поэтому, что древняя история Европы была эпохой развития союзов между отдельными городами на началах гегемонии, а Римская империя оказалась в конце концов, по выражению проф. Н. И. К а р е е в а,[1] «громадной федерацией муниципиев, урбанизировавшей и те области, в которых раньше не было городов».

К тому времени, когда греки начали осуществлять свой «синойкизм», т. е. слагать густо населенные пункты Эллады в города-государства, города-крепости восточных деспотий уже отжили, повидимому, свой век как экономически, так и политически. Центр тяжести цивилизации и социальной энергетики переносится в бассейн Средиземного моря, и постепенно все народы и даже небольшие племена, живущие в том районе — от Малой Азии до Испании и Галлии — собираются в городах. [2] Города этой новой цивилизации (Афины, Спарта, Рим, Карфаген, Виена, Массилия) постольку отличались от примитивных городов-крепостей, поскольку различались две эпохи. Социальная структура, быт, темп жизни и даже внешний вид античных «полисов» имел весьма мало общего с примитивными городами, и эти различия, по мере исторического развития греко-римского мира и усиливающейся борьбы классов, все время продолжают углубляться. Городские укрепления и стены понемногу перестают играть свою первостепенную роль, единоличный деспотизм заменяется коллективным муниципально-политическим самоуправлением знати и затем демоса; под влиянием усиленного роста обмена крепнут гавани, распространяется наука и искусство, города застраиваются разнообразными зданиями, служащими новым потребностям, и начинают заботиться о своем благоустройстве (водоснабжение, термы). В то же время, наряду с отличиями между упомянутыми типами городов, нельзя не отметить и черт глубокого с х о д с т в а, коренящегося в неликвидированном еще рабстве. Прежде всего следует констатировать тот факт, что города-государства продолжали носить все тот же п о т р е б и т е л ь н ы й характер. Они жили тем, что создавали для них окружающие их сельские местности или что получалось со стороны, от покоренных народов или союзников. Не производя в сущности ничего, кроме культурной роскоши, и с помощью того же рабского труда рассматриваемые города были, с одной стороны, проводниками греко-римской культуры, а с другой — э к с п л у а т а т о р а м и в полном смысле слова. На этот паразитический характер античных городов, осуществлявших свое накопление и свое развитие за счет сельского хозяйства деревни и рабского труда, неоднократно указывали и К. М а р к с и Э н г е л ь с. Эти же эксплуататорские и паразитические свойства, как коренное противоречие античного мира, постепенно усиливаясь, повели к разложению и упадку городов-государств и их федераций, к их полнейшей внутренней деморализации, и волны нашествий более молодых кочевых орд с Востока, встречая все меньше сопротивления, в конце концов смыли античную культуру. На развалинах этой последней возникает новая.

---

[1] Город-государство античного мира, главы 1, 6, 15, 19.
[2] К. Б ю х е р, Большие города, стр. 10.

германская культура, а с нею и новый тип средневекового европейского города. Нам думается, что, при всей схематичности и обобщенности нашего краткого изложения вековых процессов, диалектическое развитие города на основе меняющейся экономики эпох выступает достаточно рельефно.

Остается сказать несколько слов о населении и размерах города-государства.

«Национальный эллинизм, — говорит Бюхер,[1] — не выдвинул совсем больших городов. Греки считали свои маленькие государства-города, — в которых голос оратора на базаре слышен собранью всего народа и граждане лично знают друг друга, — за выражение величайшего политического смысла. То, что списано Платоном и Аристотелем, в существенных чертах своих взято из этой действительности». Самый большой город древних греков — Афины — в период его расцвета, по последним исследованиям, не имел более 100 тысяч и в крайнем случае — 150 тыс. жителей. И даже это сравнительно небольшое количество населения могло питаться, при незначительных собственных источниках дохода, лишь благодаря господству Афин в Делосском союзе над сотнями обложенных податью городов, островов и местечек и благодаря гавани Пирею, из которой по укрепленной стенами дороге доставлялся хлеб. По общему правилу, при неразвитых путях сообщения и потребительном характере города, больших центров создаться не может. В смысле классового расслоения население городов-государств было довольно разнообразно. Знать, т. е. владельцы латифундий и помещики, жившие, как все «благородные» граждане, вне деревни, всадники, ростовщики и торговцы, квалифицированная интеллигенция и специалисты (особенно скульпторы, зодчие, философы, адвокаты), ремесленники, преимущественно из чужеземцев и рабов, и, наконец, вся масса рабов, составлявшая большую половину населения,— рабов бесправных и очень часто непроизводительных, занимавшихся в городе только личными услугами,— таково в общем и целом население городов-государств.

Италийские города, не говоря уже о городах Галлии, Испании, были также относительно скромны по размерам людности. Исключением составлял Рим, как господин, культуртрегер и экономический паразит мира, к которому стекался весь цвет сотен народностей и все их богатства. Раскинувшийся на семи холмах, блещущий мрамором и [illegible] гору своей жизни «гражданскими добродетелями», он имел, [illegible], не менее миллиона жителей, живших [illegible] непрекращаемых и победоносных войн. В эпоху империи, [illegible] рабским трудом, даровым хлебом и кровавыми зрелищами, он пошел ступенью ниже с каждым поколением и погряз в чудовищной [illegible], сделавшись наконец сам легкой добычей варваров. Впрочем, Рим, как первоисточник государственных систем [illegible], сложной техники городского благоустройства в [illegible] областей (водопроводов, купален, шоссированных путей) и муниципальной терминологии, остается для совре-

[1] Бюхер, цит. соч., стр. 11 и 13.

менного городского хозяина в высшей степени интересным объектом изучения Без достижений Рима у нас едва ли могло бы существовать современное муниципальное хозяйство.

3) Третьей ступенью в диалектическом развитии городов был средневековой город, о начальном генезисе которого мы уже говорили с достаточной подробностью. Созданные Римом города были как в Италии, так и в Галлии, Британии, Испании разорены, сожжены, обезлюжены вследствие набегов готов, гуннов, вандалов, норманнов, сарацын, сарматов, венгров и других кочевых орд Востока и Юга. Городское строительство начинается сызнова; на новых основах, предопределенных экономическими отношениями новой эпохи. Разыгрывается третий акт муниципальной истории, который настолько сложен, что его изложение приходится выделить в особую главу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЭВОЛЮЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

Эволюцию средневекового города необходимо проследить внимательно, ибо нет возможности сознательно усвоить современное городское хозяйство вне его связи с длительным и сложным муниципальным процессом средневековья, при котором впервые сложился город как самостоятельная «коммунальная» единица. Краткое и упрощенное изложение общего хода развития средневекового города представляет почти непреодолимые трудности, во-первых, в виду необыкновенной мозаичности истории средних веков, с присущими ей различными географическими и национальными влияниями, во-вторых, в виду разобщенности отдельных феодальных гнезд и связанных с ними городов, которые, на первый взгляд, возникали в силу той или иной исторической случайности и развивались индивидуально по каким-то своим законам, вне ясной связи с целым, и, наконец, в виду разнообразия научных теорий, ведущих нескончаемые споры, особенно по вопросам правовым, а также цехового ремесла в городах. Только исторический материализм Маркса и его «экономический» метод исследования, в связи с методом изолирования, позволяют найти в этом ходе развития «нить Ариадны» — ту среднюю линию, которая, игнорируя уклонения и исключения, дает общий закон муниципального развития данной эпохи, применимый к типичному большинству случаев. Школа Риккерта, т. е. радикальной историзм, клеймит этот обобщающий метод, но вне его — надо же согласиться — есть лишь аккумуляция индивидуальных описаний, пестрая груда сырого материала, но нет научного синтеза, нет упрощения и той экономии мысли, к которой должна стремиться всякая наука для достижения господства над явлениями.

Как уже указывалось, римские города были уничтожены. Этот факт надо принимать с известной оговоркой. Историографические описания (Эспинас, Пирен, Гегель, Сольми) отдельных городов свидетельствуют о том, что есть города (особенно в Италии и Испании), которые, счастливо избегнув исторических катастроф,

сохранились преемственно от античной эпохи и до нашего времени на тех же местах, с тем же приблизительно планом улиц и даже почти с теми же названиями. Упомянутый факт нельзя оспаривать, но ясно, что эта преемственность — чисто внешняя. Все экономические отношения, весь аппарат управления, весь уклад жизни и социальная структура таких городов, не говоря уже об их зданиях и постройках, все-таки изменились до неузнаваемости. Перед нами города, которые б ы л и римскими, превратились в средневековые и стали современными. Приведенное выше наблюдение не меняет плана нашего исследования, который заключается в рассмотрении средневекового города как с а м о с т о я т е л ь н о г о образования, вызванного данной эпохой.

Деградация римского городского строя начинается уже с III века новой эры и продолжается вплоть до IX столетия. Затем, с IX и до XV столетия, мы встречаем вновь эпоху массового насаждения и развития городов, но уже на совершенно иных основаниях, причем это развитие необходимо разбить на несколько периодов.[1] В п е р в ы й п е р и о д, который имел в разных странах различное и разновременное течение, экономически город еще собственно не конституирован: обособление ремесла от земледелия еще только начинается. Сельские жители, переселившиеся в город, сохраняют свои прежние хозяйственные навыки и преимущественно заняты чистым земледелием — хлебопашеством, расчисткой участков, разведением садов и огородов. По словам путешественников, «жители распахивают одну половину города, а в другой живут сами».[2] Как указывает целый ряд исследователей (Б е л о в, M a u n i e r,[3] G o m m e,[4] G r e e n),[5] очень многие города не скоро избавляются от этой «деревенской атмосферы». Соответственно и правовые отношения в городах этого периода мало чем отличаются от деревенских: в организации управления наблюдается полное сходство с сельской общиной. Наконец — и это важнее всего — территория города составляет еще целиком полную (аллодиальную) собственность сеньера, а очень часто нескольких феодальных владельцев, на смежных землях которых вырастал город.

Вообще феодальное господство над городами первого периода, особенно во Франции, является целой сложной системой отношений, вызвавших огромную научную литературу (Ф л а х, К е й т г е н, Б е л о в, Н и ц ш, З о м). О свободе городов в то время, за немногими исключениями, не может быть и речи. «До X века городами преимуще-

---

[1] Мы приводим наиболее приемлемую и чисто экономическую классификацию периодов. Однако урбанистическая литература их знает несколько. Макс В е б е р, напр., приводит весьма сложную и путаную классификацию эпох. В свою очередь, Карл Г р у б е р утверждает, что в 1180 г. образовался феодальный город, в 1350 году монастырский город, в 1588 году буржуазный, а с 1900 года демократический город (?).

[2] Б о г д а н о в и С т е п а н о в, цит. соч., стр. 3, 4, 5. В некоторых русских «городах» это явление сохранилось до настоящего времени, как, напр., в Богучаре, Варнавине, Сергаче, Любиме.

[3] L'origine et la fonction economique des villes, p. 157 — 160.

[4] Village community, p. 273.

[5] Town life in the XV cent., p. 10 и след.

ственно владеет светский сеньер (граф или князь), а с этого времени (особенно в Германии и Италии) епископ, управляя ими при помощи целого ряда должностных лиц (praefectus urbis, advocatus, monetae magister). В более крупных городах проводилось их расчленение на отдельные укрепленные кварталы (главные и второстепенные), и в каждом была своя особая предержащая власть феодального характера. Епископы и графы в каждом квартале, в свою очередь, нередко передают часть власти своим вассалам (видамам, виконтам), а последние — шателенам (начальникам замков), причем сохраняется и крепостная зависимость большей части горожан. Упомянутым отношениям «господства» соответствуют отношения земельной собственности.[1] Весь этот городской сеньериальный строй, подчас еще более сложный, чем деревенский, в тех или иных его разновидностях существовал в рассматриваемом периоде почти повсеместно и целой паутиной опутывал городскую жизнь. Стратегически он опирался на «бурги», т. е. укрепленные замки, которые, с одной стороны, служили для защиты населения, но с другой — были главными оплотами угнетения городских обывателей, особенно невыносимого во время обычных междоусобий между сеньерами.[2]

Второй период эволюции характеризуется более значительным обособлением города от деревни и освобождением городов от феодальной зависимости, а горожан от крепостной зависимости и приобретением ими большей или меньшей самостоятельности в хозяйственном и политически-правовом отношениях. В корне этого явления, как и всегда, лежат трудовые процессы, а именно быстрый и решительный переход городов от земледелия к промыслам, ремеслам и торговле. Переход этот нетрудно объяснить: с ростом городского населения усиливается земельная теснота, препятствующая развитию земледелия. С другой стороны, ремеслам и торговле благоприятствует укрепленность и защищенность городов. Наконец, развитию промыслов и торговли способствуют прогрессирующая техника ремесла, рост потребностей и интенсивная специализация труда. В городах все больше оседают ремесленники, «странствующие» или же специально приглашенные владельцами города; на городской рынок все чаще являются не только окрестные крестьяне, но и иноземные купцы.[3] Указанное коренное изменение производственно-трудового базиса в городах изменяет и их политически-правовую надстройку. Действительно, в городах переход разных элементов господского двора к самостоятельным промышленным занятиям обыкновенно происходил на условиях личного освобождения от крепостной зависимости, так как владельцы городов прямо выигрывали от такой перемены: освобождение крепостных с избытком искупалось выгодами от тех же освобожденных как жителей на город-

---

[1] Arnold, Zur Geschichte des Eigenthums in den deutschen Städten, Basel; 1861, стр. 2 и след. (классическое сочинение по истории муниципальной собственности).

[2] Н. Кареев, Поместье-государство и сословная монархия средних веков, Спб, 1909 г., стр. 171.

[3] Кулишер, цит. соч., стр. 118.

ской территории, ибо городское хозяйство открывало для владельцев перспективу огромных доходов в виде чиншевых повинностей за места для торговли (лавки, столы, лари), платы за пользование городскими мерами и весами, акцизов с напитков, пошлин с привозимых товаров. Выгоды владельцев городов были тем значительнее, чем больше развивались городские промыслы и торговые обороты, а это непосредственно зависело от роста городского населения.[1] Феодальная аристократия на территории городов по упомянутым причинам охотно освобождала не только городских жителей, но и тех из своих крепостных, которые переселялись в города. Как выяснили К а у т с к и й, П л е х а н о в, Б о г д а н о в, сильно способствовало этому освободительному процессу еще и развитие д е н е ж н о г о хозяйства. Натуральные повинности и барщина не способствовали развитию среди жителей города торговой и ремесленной деятельности. Денежный же оброк, в котором сеньер нуждался больше, чем в натуральных продуктах, з а м е н и л эти повинности. Владельцы города постепенно перестают иметь дело с отдельными лицами, отбывающими барщину, а обкладывают все зависимое от них городское население денежным оброком. Оброк устанавливается «чохом» на весь город, и раскладки между отдельными горожанами сеньера не интересуют. Таким образом, «горожане из суммы жителей, лично, непосредственно зависимых от сеньера, постепенно превращаются в оброчную общину, в городскую самоуправляющуюся «коммуну», которая, как таковая, противостоит сеньеру и прикрывает своих членов от власти сеньера» (Б о г д а н о в). Кроме того, в рассматриваемый период происходило массовое бегство сельских жителей в города от усиливающегося в деревне крепостного гнета. Таким образом в результате всего этого процесса развивались городские вольности, и в средневековые городские статуты заносились знаменитые фразы: «Luft in der Städten frei mache» (городской воздух делает свободным) или «Kein Huhn fliegt über die Mauern»[2] (ни один петух не перелетает через городские стены). Эти вольности между прочим особенно ярко выявились еще в X и XI веках во вновь основанных городах центральной Германии, которым «основатели» этих городов — князья, графы и епископы — считали выгодным предоставить значительную автономию, выдавая им особые хартии. Весь изложенный процесс феодализации городов в первый период и раскрепощения их во второй — всецело относится к континенту Европы — к Франции, Германии, Фландрии и, с некоторым отличием, к Италии; в Англии же развитие сеньериального режима во многих случаях ограничилось одними поместьями, и поэтому города боролись там за свою автономию чаще всего непосредственно с центральной государственной властью. Впрочем, известно, что и Лондона не миновала в свое время феодальная зависимость, и значительная часть территории этой мировой столицы до сих пор принадлежит нескольким лордам и сдается ими городским жителям по участкам, на чиншевом праве, для постройки домов, что

---

[1] Ср. Л е в и т с к и й, цит. соч.; стр. 96 и 97.
[2] Принесение петуха в дань было знаком крепостной зависимости.

является весьма любопытным пережитком давно исчезнувших отношений.

Необходимо отметить, что описанное нами выше «обоюдное соглашение» города с феодальными владельцами происходило далеко не всегда. Некоторые владельцы шли в разрез с упомянутым стихийным экономическим процессом того периода, и в этих случаях возникала острая классовая борьба с ними рядовых горожан, которая в конечном счете неизменным образом кончалась в пользу последних. На севере Франции, например, как это документально установил Огюстен Тьерри,[1] в эпоху крестовых походов происходила настоящая коммунальная революция в форме длительной вооруженной борьбы против сеньеров. Многочисленные примеры таких же восстаний городов мы встречаем и в Германии, где городские жители стремились в первую голову разрушить ненавистный укрепленный замок феодала и укрепленные жилища его вассалов, как видимые источники и символы гнета. Как бы то ни было, — путем ли добровольного соглашения с феодалами, путем ли вооруженных восстаний, или путем сохранения древних вольностей, как это было в исключительных случаях в Италии, или, наконец, путем непосредственной борьбы с государственной властью (в Англии), — но ко времени XIII — XIV столетий мы находим в Западной Европе почти повсеместно более или менее автономные города, самоуправляющиеся городские общины, организованные на особых правовых устоях,[2] и свободных городских жителей. Правда, этот процесс раскрепощения шел в разных странах и даже в отдельных городах далеко не одновременно. Торговые города Ганзейского союза (Гамбург, Любек), а также промышленные города на крупных водных артериях (Франкфурт-на-Майне) фигурируют как вольные уже в XII веке, другие остаются «владельческими» или «смешанными» еще в XV в.[3] Важно то, что общее направление и содержание муниципально-освободительного процесса, охватывающего второй период, становится ясным.

Что касается России, то вопрос о феодализации городов и ликвидации в них феодальных отношений у нас совсем не разработан научно, но любопытно то, что вплоть до 1917 г., как указывает проф. Левитский, в Юго-Западном крае существовал целый ряд уездных городов, как, например, Бердичев, Лубны, Луцк, Ровно, территория которых принадлежала двум-трем собственникам (гор. Бердичев, например, Рукавишникову), а все многотысячное торговое население этих городов по традиции, из поколения в поколение, пользовалось землею на чиншевом праве: лавки, торговые склады и жилые дома были построены их жителями на чиншевой земле. Условия земледелия в этих владельческих городах, являясь фактом переживания феодального

---

[1] Thierry, Lettres sur l'histoire de France. Главы этого сочинения, повествующие о коммунальной революции, имеются в русском переводе под названием «Городские коммуны во Франции в средние века».

[2] Их мы рассмотрим во II отделе курса.

[3] См. классификацию Арнольда, Гегеля, Маурера в цитированных выше сочинениях.

режима, еще недавно тормозили развитие многих обширных городских общин, в ряду которых Бердичев имел более чем стотысячное население. Приведенные указания можно было бы дополнить городами Украйны: так, например, территория Белой Церкви принадлежала графам Браницким. Эти примеры вполне тождественны с упомянутым выше примером Англии.

Третий период в эволюции средневекового города характеризуется дальнейшим развитием ремесла и торговли, организацией городского населения по ремесленным цехам и борьбой этих цехов за доминирующую роль в управлении городом,[1] а также переходом в большинстве случаев городской земли и домов в полную собственность купцов и цеховых ремесленников. Средневековой город заканчивает свое развитие и окончательно обособляется от деревни как самостоятельная экономическая и правовая единица (коммуна),[2] играющая свою важнейшую роль в общественном хозяйстве. Количество городов растет особенно в третий период. Так, известно, что в Германии в XIII веке было основано около 400 городов, в XIV — около 300 и в XV — свыше 100. По мнению Бюхера,[3] в конце средневековья их было не менее 3 000 в одной Германии, причем один город приходится на каждые 2 — $2^1/_2$ кв. мили в юго-западной Германии, на 3 — 4 — в средней и на 5 — 8 — в восточной. В прочих западноевропейских странах количество городов было только немногим меньше. Каждый город составлял центр для данной местности и вместе с окружающими его селами образовывал как бы одно замкнутое хозяйственное целое. При столь большом количестве городов и сравнительно равномерном их распределении, любой крестьянин мог в течение дня достигнуть городского рынка и к вечеру вернуться обратно. Городские ремесленники и крестьяне непосредственно обменивались своей продукцией, причем горожане получали хлеб, мясо, овощи, молоко, яйца, сырье как материал для обработки, а крестьяне — одежду, обувь, мыло, орудия труда и прочие нужные им товары. Одним словом, создалось то, что Бюхер, а за ним Туган-Барановский[4] называют «гармоническим» городским хозяйством. Едва ли, однако, может итти речь о «гармонии» при ожесточенной борьбе классов внутри ремесленных цехов и при крепостной угнетенности, приниженности и бесправии крестьян.

Интересно отметить, что в средневековой да и в позднейшей России, а также в восточных странах — Китае, Индии — ничего похожего на описанное нами замкнутое городское хозяйство не создалось, благодаря позднему развитию в ней городских промыслов и сравнительно незначительному количеству городов, разбросанных на обширнейшем пространстве. В петровское время в России было не более

---

[1] Все сложные вопросы, касающиеся ремесла и цеховой организации, оставляются нами в стороне, как всецело относящиеся к «истории экономического быта».

[2] Все вопросы, касающиеся управления и финансов средневековых городов, будут рассмотрены ниже в соответствующих отделах.

[3] Возникновение народного хозяйства, Спб, 1907, стр. 108.

[4] Основы политической экономии, стр. 102.

300 городов на площади в 3 миллиона кв. верст, что дает отношение 1 город на 10 000 кв. верст, в более же ранние эпохи отношение числа городов к общей площади было еще менее благоприятным. Однако и в России почти каждый город и посад являлись рынками для своих ближайших окрестностей (городские базары), а ярмарки, приуроченные к храмовым праздникам и происходившие часто в монастырских имениях (Макарьевская) или по течению крупных рек (Нижегородская), послужили, при тех же условиях, как и в Западной Европе, причиной образования и развития нескольких городов.

Резюмируя сказанное до сих пор, мы видим, что 1) средневековой город начал свою эволюцию как укрепленный сельскохозяйственный пункт, почти ничем не отличаясь от деревни, и кончил эту эволюцию как организованный ремесленный и своеобразный торговый центр, и 2) что тот же город начал свое существование как доминиальное частное хозяйство феодальных сеньеров, которым принадлежало право собственности на всю городскую территорию с прикрепленным к ней населением, и кончил это существование как вольная самоуправляющаяся община.

В конце средних веков города сделались рассадниками новой культуры, — не той, которая ютилась в монастырской келье и рыцарском замке, а культуры городской и светской. Без понимания этой культуры городских бюргеров, т. е. городской буржуазии, мы не могли бы понять впоследствии ни Великой французской революции, ни роли в муниципальном хозяйстве современного нам городского мещанства и городской интеллигенции — далеких потомков ремесленников и торговцев средневековья. Пережитки и накопленный опыт того времени сказываются и теперь на каждом шагу в целом ряде учреждений и в устарелых, но еще не вполне изжитых предрассудках, которые продолжают иметь своих косных защитников. «Le mort saisit le vif» (мертвый хватает живого) — так любил повторять К. Маркс.

Нам остается остановиться на размерах, населении и благоустройстве средневекового города — вопросах, внимательно разработанных профессором Кулишером[1] на основании исследований Маурера, Крига,[2] Розиера,[3] Котельмана, Шульца, Эйленбурга, Лэша, Боте и других. Вопрос о размерах и людности городов в средние века возбуждал разногласия. Арнольд, Гирке, Паули склонялись в пользу предположения, что в то время существовало много городов с 50, 75 и даже свыше 100 тысяч жителей. В последнее время, однако, исследования, основанные отчасти на переписях населения, отчасти на податных записях, привели к противоположному выводу. Город средневековья, в отличие от некоторых примитивных и античных городов, никогда не был и не мог быть людным как по техническим, так и по экономическим предпосылкам. При крайне неудовлетворительном состоянии путей сообщения, а в частности подъездных путей, с одной стороны, и при отмеченном процессе отделения города от сель-

[1] Кулишер, цит. соч., стр. 121 — 129.
[2] Kriegk, Deutsch Bürgerthum im Mittelalter.
[3] Rozière s. Histoire de la société français au moyen âge.

хозяйства — с другой, и, наконец, при низкой производительности последнего, невозможна была длительная аккумуляция значительного количества населения в одном пункте. Поэтому средневековой город отличается от деревни не столько численностью населения, сколько экономическим укладом, политическими правами и крепостными сооружениями. Даже в XV веке, т. е. в эпоху наивысшего расцвета средневековых городов, громадное их большинство в Германии, Англии и Франции вмещало от 2 до 5 тысяч населения (даже Дрезден— $2^1/_2$ тыс.); отдельные города имели около 10 тыс. (Франкфурт, Цюрих, Реймс, Базель, Иорк, Бристоль, Плимут), и только в исключительных случаях мы встречаем города, превышающие эту степень людности (крупнейший город Германии — Кельн — 30 000, Страсбург и Любек— 20 000, Лондон — 35 000 жителей). Сведения об Италии и России очень противоречивы и спорны, но, повидимому, во Флоренции в XIV веке было около 90 тыс., а в Москве и Пскове в начале XVI века свыше 50 тыс. В 1688 г. Курск имел 800 жителей, Тверь — 671, Ростов — 667, Орел — 655, Коломна — 600, Шуя — 381.

Любопытно, что в течение XIV и XV веков во многих сравнительно крупных городах наблюдается не увеличение, а с о к р а щ е н и е населения (во Франкфурте — с 10 тыс. до 7, в Базеле — с 10 до $5^1/_2$, в Цюрихе — с 12 тыс. до 5 и т. д.), и это при громадном наплыве населения в города и высоком коэффициенте рождаемости (в семье, как правило, рождалось 8 — 10 детей). [1] Причина этого странного на первый взгляд явления заключалась в колоссальной с м е р т н о с т и вообще и особенно детской смертности. В раннем средневековьи часто наблюдалось детоубийство, [2] а в периоды голодов — каннибализм (по закону родители не наказывались за убийство своих детей); кроме того, при слабом развитии акушерства, много детей погибало во время родов (?); наконец — и в этом главная причина смертности— средневековые города отличались своим чудовищным а н т и с а н и т а р н ы м состоянием, содействовавшим повальным эпидемиям и болезням, которые притом врачи того времени лечить не умели, а многочисленные знахари только обостряли. По Б ю х е р у, с 1326 г. и по 1400 г. в Германии насчитывалось до 32 годов эпидемии, а в XV веке — свыше 40 годов. Проказа, оспа, тиф, чума (черная смерть в средние XIV века), религиозное помешательство, голод, с одной стороны, и неумеренность в питании — с другой, не говоря уже о казнях инквизиции, положительно к о с и л и н а с е л е н и е. [3] Крайняя

---

[1] К у л и ш е р, цит. соч., стр. 122.

[2] S u t h e r l a n d, Moralinsinct.

[3] В Аугсбурге в чумные года (1535 и 1636) умерло 11 600 человек и родилось (S i l b e r s t e i n, Bevölkerungswirtschaft und Bevölkerungsstatistic, Jena, 1921). Такое явление наблюдалось в России не только в средние века, но и позднее. Так, во время чумы 1654 года мы имеем такие сведения (Г а с с е р т, Города, стр. 94):

	Умерло	Осталось
Углич	319	376
Суздаль	1 177	1 390
Тверь	336	388
Тула	1 808	760
Калуга	1 836	777

неравномерность в распределении имуществ завершала общую печальную картину: почти все результаты сравнительно слабого, впрочем, накопления падали на ничтожную часть населения, а около четвертой его части решительно ничего не имело (miserabili).

О классовом расслоении городского населения в средние века неоднократно упоминается в работах Маркса, Энгельса, Каутского. В разные периоды и в разных странах и городах оно было неодинаково. Наверху — феодальная знать, духовная и светская (архиепископы, епископы, клирики, организованные в церкви, князья, графы, виконты, бароны, эсквайры, рыцари и прочее дворянство), со своим вассалитетом; купцы и торговцы иногородные и местные, организованные в гильдии и ганзы; техническая интеллигенция (врачи, учителя, нотариусы, менялы), организованная в ассоциации и братства; свободные ремесленники (мастера, подмастерья, ученики), организованные в цехи; внизу — крепостные сервы и лумпен-пролетариат (нищие, проститутки), также организованный в союзы (!). Стоявшие ниже, кроме того, разбивались на разнородные группы, которые ориентировались на высшие и отчасти зависели от них. Эта своеобразная иерархическая корпоративность, проникающая все население, типична для средневековья.

Благоустройство средневековых городов почти во всех отношениях было значительно ниже, чем таковое же античных центров. До XII века почти во всех городах здания были деревянные, крыши крылись дранью, соломой, благодаря чему города, при отсутствии противопожарных средств, очень часто выгорали до тла. В XIV веке появляется кое-где камень для капитальных стен (Лондон) и черепица для крыш, а также деревянный пол. Дымовых труб до XIV века не было, и дым выпускался наружу через отверстие в стене или в крыше. Улицы, как правило, были узки, извилисты, причем в жилища едва проникали свет и чистый воздух, тем более, что узкие «окна», за отсутствием стекла, закрывались материей, пергаментом, бумагой. Особенно характерна для средневековья непролазная грязь на улицах, в которой тонули не только пешеходы, но и всадники: так, если верить Богданову,[1] в конце XV века император Фридрих III едва не потонул один раз в гор. Тутлингене, а другой раз в Рейтлингене. Проф. Озеров утверждает,[2] что депутаты принуждены были ходить даже в XVIII веке в Лондоне на заседания парламента на ходулях, чтобы не потонуть в грязи. Нравы соответствовали такому городскому «благоустройству». Так, по утверждению Кулишера, в цеховых постановлениях содержатся правила «о запрещении ремесленникам являться на собрания без штанов». В то же время знатные дамы, при блестящей роскоши одежды, не знали нижнего белья, а рыцари и даже короли обедали без вилок, хватая рыбу и мясо руками.[3] Подобных курьезов можно было бы привести сотни, но из них можно сделать один вывод: ясно, что муниципальная внешняя цивили-

---

[1] Богданов и Степанов, цит. соч., стр. 356.
[2] Основы финансовой науки, стр. 111 (М., 1911 г., изд. 4-е).
[3] Кулишер, цит. соч., 128.

зация «городов-государств» классического мира исчезла, и мало цивилизованный еще германец начинает строить новую культуру вновь, технически пользуясь во многом достижениями античной культуры; однако «благоустройство» вновь появляется уже позднее, а именно в современном городе, и только в последнем оно принимает всесторонний и научно разработанный характер.

Из всего сказанного в настоящей главе мы должны заключить, что средневековой город, в какой бы период эволюции мы его ни взяли, не напоминает ни «города-крепости» примитивных деспотий, ни «города-государства» классического мира. В двух из своих существенных экономических признаков он пошел в п е р е д: во-первых, он носит яркий п р о и з в о д и т е л ь н ы й характер; во-вторых, впервые в истории именно город средневековья обособляется как носитель «разделения труда», как представитель р е м е с л а, в отличие от сельскохозяйственной деревни. Как результат этого разделения труда, появляется интенсивный, хотя территориально и ограниченный, о б м е н, повсеместная каждодневная торговля между городом и деревней, а не только та внешняя и часто случайная торговля, которую знали финикияне, римляне, греки, славяне и другие древние народы, в массе своей никогда в сущности не выходившие из натурального хозяйства. Отчасти благодаря городам, буйно развивается «торговый капитал», который был призван потом ликвидировать средневековой город, т. е. своего собственного «творца», разрушить его ремесленную организцию и повести, вместе с развитием индустриального и финансового капитала, к созданию с о в р е м е н н о г о города. Таков закон диалектического развития, который столь ярко проявляется в муниципальной истории. Мы наблюдаем постепенно нарастание и развитие в пределах каждого из типов городов «количества», причем один «качественный» тип города переходит в другой его качественный тип диалектически, т. е. через борьбу противоречий и смену противоположностей.

Город примитивных деспотий как с т р а т е г и ч е с к и й центр, город античный как п о л и т и ч е с к и й центр и город средних веков как э к о н о м и ч е с к и й центр — таков конечный вывод нашего анализа; само собой разумеется, что экономике принадлежит главная роль в создании этих трех указанных типов.

Заканчивая главу, мы еще раз подчеркиваем, что в целях экономии места нами сознательно оставлялись без подробной разработки правовые отношения и формы в средневековых городах, как относящиеся к другому отделу курса, а также цеховая ремесленная организация и политика, которые являются специальным и весьма важным отделом другой дисциплины. Равным образом мы повторяем, что намеченные нами вкратце общий процесс развития и картина средневекового города есть только о р и е н т и р о в о ч н ы й о ч е р к, который необходим и притом достаточен для поставленной нами цели. Действительность во много раз сложнее и многограннее, чем то, что можно было изложить на десятке страниц. Так, под наше описание во многом не подойдут, например, некоторые торговые города северной Германии, Каталонии, Шампани, которые не знали сельскохозяй-

ственного периода развития и были вольными с давних пор, или, например, города северо-итальянских аристократических республик, на эволюцию которых влияли своеобразные политические факторы, или, наконец, совершенно оригинальное развитие таких городов, как Византия (Константинополь). Однако индивидуальная история отдельных городов выходит из рамок курса и свелась бы к повторению в десятках томов повествований всемирной истории.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЭВОЛЮЦИЯ И РОСТ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА.

1. ЭВОЛЮЦИЯ ПЕРЕХОДНОГО ГОРОДА

В чем заключается существенное различие между средневековым и современным городом, этой четвертой ступенью в диалектическом развитии городов? Мнения урбанистов по этому вопросу не одинаковы. Действительно, в предыдущих случаях было легче провести демаркационную линию. Античный город-государство мог быть отмежеван от города-крепости примитивных деспотий не только во времени, но и бесспорным географическим признаком, а средневековой город возник на развалинах античного города, чего не наблюдалось при переходе от средних веков к новому времени. Впрочем, урбанист, стоящий на экономической точке зрения, едва ли не согласится с тем, что этой демаркационной гранью должна быть признана Великая французская революция 1789 г., которая, разрушив еще живучие остатки феодализма и обусловив интенсивное развитие промышленного и затем финансового капиталов, т. е. открыв эру капитализма, повела к образованию «капиталистического» города, а именно типичного индустриального и торгово-промышленного центра, как его понимает марксистская школа. Таким образом, с нашей точки зрения, современный город — это город XIX и XX столетий. Однако средневековой город, исчезнув вместе со средними веками, в XVI веке уже не существует, и, следовательно, налицо имеются три века какой-то «переходной эпохи», которую нам и приходится характеризовать в ее муниципальном разрезе. Эта эпоха, подготовившая революционный взрыв конца XVIII столетия, была временем отмирания феодализма под влиянием роста торгового капитала, антисеньериальной борьбы городов и централизующего монархического воздействия, но вместе с тем она являлась эпохой упадка ремесленных цехов и других корпоративных организаций в городах и серьезных изменений как в их хозяйственной структуре и управлении, так и во внешнем облике. Эти изменения еще задолго до французской революции постепенно приближали средневековой город к современному городу и затем быстрым революционным скачком окончательно трансформировали его технически-материальный базис, его экономический быт, структуру, классовый состав и, соответственно, управляющий аппарат, а также господствующую идеологию.

Решающим источником первоначальных изменений следует считать время «великих изобретений и открытий». В хозяйственной жизни — говорил К. Маркс — «каково отношение человека к внешней природе (техника), таково и отношение людей между собой (экономика)». По аналогичному мнению Каутского, экономическое развитие в конечном счете есть не что иное, как развитие техники, т. е. последовательный ряд открытий и изобретений. [1] Переворот в техническом базисе вызвал и для городов целый ряд крупных жизненных изменений. Прежде всего изобретение пороха совершенно обесценило простые защитные сооружения городов и их пресловутые стены. «Укрепленность» и «огороженность», эти неизменные внешние условия, в которых с незапамятных времен видели чуть ли не конституирующий признак города, постепенно падают. «Города-крепости» с их новыми мощными сооружениями, приспособленными специально для стратегических целей, остаются лишь в сравнительно небольшом числе. [2] Чаще всего понятие крепости перестает совпадать с понятием города, и романтические развалины прежних грозных башен и стен кое-где поддерживаются только как исторические реликвии и для потребностей эстетики.

Рейснер утверждает, что уже к началу XVI века свыше 30% английских городов снесли свои укрепления и стены. Впрочем, этот процесс обесценения городских укреплений, ликвидации стен и пресловутых средневековых ворот, запиравшихся на ночь и в случаях опасности, продолжается в течение двух-трех столетий. В Германии только в XVII столетии, а именно в эпоху тридцатилетней войны, обнаружилась вся недостаточность «бургов», стен, рвов и ворот для защиты от мин и огнестрельных орудий, а во Франции режим октруа, т. е. пошлин на ввозимые в город товары, еще долго способствовал «огороженности», и только Великая революция окончательно снесла «бастилии», большие и малые. Освобождение городов от их «каменных панцырей», в свою очередь, всемерно облегчило сношение города с внешним миром, его разрастание, застройку окраин и присоединение пригородов. «Город из вооруженного до зубов и недоступного рыцаря превращается в общительного и гостеприимного буржуа».

Изобретение компаса и последовавшее за ним широкое развитие мореплаванья, открытие Сев. Америки, завоевание Мексики и Перу, установление нового пути в Индию, наплыв колониальных товаров в Европу (ценных металлов, табаку, сахару, кофе, хлопчатой бумаги, шелка), революционизируя потребности, дали неслыханный до того времени размах торговому капиталу которому уже в конце средневековья сильно благоприятствовали ре-

---

[1] О материалистическом понимании истории.

[2] Д. Д. Протопопов в своих содержательных лекциях по жилищному вопросу (рукописи) утверждает, что средневековые города до XVI — XVII вв. никогда не окружались стенами, и лишь с этого времени появляются высокие и толстые стены с башнями, а затем широкие валы и бастионы. Последнее верно только для некоторого количества «стратегических городов». Что же касается «стен», то большинство исследователей видят в них непременный признак городов английских, германских, французских и испанских раннего средневековья.

зультаты крестовых походов, все большая зависимость ремесленников от скупщика и техническое развитие денежного обмена. Последовавшее за этими явлениями интенсивное накопление богатств естественно оседает в городах, как в торговых центрах, и обусловливает, начиная с XVI столетия, цветущее состояние многих португальских, испанских, нидерландских и, несколько позднее, английских торговых городов. Хотя историки обыкновенно указывают, что те же открытия, переменив ориентацию международной торговли, невыгодно изменили торговую конъюнктуру для германских и итальянских городов, вызвав их временный упадок в XVI, XVII и XVIII столетиях, но эти голословные указания следует частью принимать лишь с большими оговорками, а частью признать просто неверными. Так, мы видим, например, что число судов, посещавших Данцигский порт, непрерывно возрастало как в XV, так и в XVI—XVII столетиях [1] и только с XVIII века начало падать; возрастала в то же время и ценность грузов, получаемых и отправляемых в Гамбурге, Любеке, а также вместимость строившихся на их доках торговых судов. По исследованиям Gallois'a [2] Baash'a [3] и других, эпоха наивысшего процветания Гамбурга относится именно к рассматриваемому периоду (XVI — XVIII столетиям), и только континентальная система с 1806 г. подрывает его торговлю. Временному же упадку многих германских городов в XVII столетии способствовала тридцатилетняя война. Что же касается итальянских портовых городов (Венеция, Генуя), то они действительно сильно пострадали от новой торговой конъюнктуры, начиная с XVI столетия, но в то же время другие города (Флоренция, Неаполь, Рим, Палермо, Мессина, Милан) продолжали свое развитие в усиленном темпе. По свидетельству Белоха, [5] Неаполь в XVI столетии вырос в город с 240 тыс. жителей, Милан в 1580 г. насчитывал около 200 тысяч, Рим, Палермо и Мессина в 1600 г. — свыше 100 тысяч. Все упомянутые города удвоили свое население за один век, что объясняется сложившимися в Италии ранними капиталистическими отношениями. Известно, например, что в некоторых итальянских городах еще в XIV столетии возникли большие кредитные предприятия и зачаточные биржевые организации. В общем и целом следует притти к заключению, что великие открытия и новые пути международной торговли настолько обогатили города как торговые пункты, что от их былого средневекового «нищенства» и следа не остается.

В свою очередь, изобретение книгопечатания и стоящая в связи с последним эпоха возрождения наук и искусств превратили целый ряд когда-то косных и неподвижных городов средневековья в центры науки, литературы, образования и сильно углубили

---

[1] Lauferr, Danzigs Schiffs- und Warenverkehr am Ende des XV Jahrh.
[2] Gallois, Geschichte d. Stadt Hamburg, Hamb., 1867.
[3] Baasch, Forschungen zur hamburgischen Handelsgeschichte (3 тома, 1889 — 1902 гг.).
[5] Vincens, Histoire de la république de Gènes, 1842 (а также работы Serra, Varesi, Canale) и Daru, Histoire de la république de Venise, 4 ed., Paris, 1853.
[5] J. Beloch, Die Entwicklung der Grossstädte in Europa, S. 53 — 59.

пропасть между городами и крепостной еще деревней, куда гуманистические веяния почти совсем не проникали. Новые архитектурные приемы и вкусы, в связи с обогащением городской буржуазии, порождают каменное строительство. Флоренция уже ко времени Медичи была почти сплошь каменной. Постепенно переходят к кирпичу и камню французские, германские и английские города. По свидетельству Лампрехта, в XVI столетии в Кельне, Аугсбурге уже свыше 70% домов были выстроены из кирпича, а пожарность городов Германии к этому времени сокращается втрое.

В том же направлении действует и прогресс техники дорожного дела.[1] В средние века поддерживались в сколько-нибудь сносном состоянии лишь дороги к местам паломничества, и о приемах дорожного строительства со времени римской культуры почти совсем забыли. Лишь вместе с возрождением античной науки в XVI веке начинают обращать внимание на забытую дорожную технику. Первой страной, которая начала заниматься, после средневекового застоя, делом улучшения дорог, а в том числе и подъездных путей к городам, была Франция. Королевский декрет 1508 г. предписал исправлять и улучшать дороги, установил финансирование этого дела посредством заставных пошлин и особый аппарат дорожного управления. Улучшение и устройство подъездных путей к городам открыли перспективы увеличения их людности, причем соответствующий процесс начинается именно в Италии и во Франции. Ко времени Великой революции, благодаря устройству сети подъездных путей, мог существовать уже такой город, как Париж с его 400-тысячным населением.

Кроме технического переворота, в рассматриваемую эпоху значительное влияние на рост и изменения городов оказал соответствующий переворот экономический, а именно возникновение коллективного производства в виде мануфактур, которые естественно сосредоточились в городах. Итальянские города стали расти и изменяться раньше других отчасти именно потому, что мануфактурный период начался в Италии еще в XIV — XV веках. Мануфактуры затем постепенно распространились по Франции, Бельгии и остальным странам Европы, вместе с домашней системой крупной капиталистической промышленности, повсеместно способствуя увеличению городского населения и обилию производимых товаров в городах, так как коллективизация и интенсивное разделение труда усиливали его продуктивность. Одновременно в том же направлении, способствовавшем росту и обогащению городов, особенно же итальянских и испанских, действовал фактор, подробно описанный еще Кантильоном,[2] Чемберленом,[3] Кенэ, Рошером и проанализированный В. Зомбартом,[4] а именно урбанизация сельского дворянства. Земельные собственни-

---

[1] Проф. Д. П. Крынин, Курс дорожного дела, М. 1926.

[2] Cantillon, Essay sur la nature du commerce, 1755, p. 17 и след.

[3] Edw. Chamlerlayne, The second Part of the Present state of England, 1687, p. 200.

[4] В. Зомбарт, Современный капитализм, т. II, перев. под ред. В. Базарова и И. Степанова, Москва, стр. 166 — 170.

ки, не имея возможности тратить в деревне свои деньги, поступавшие к ним все в большем количестве по мере развития денежного хозяйства, переселялись в города и проживали там земельную ренту, т. е. обращали на пользу городов свою растущую долю в сельскохозяйственном производстве.

Очень интересна в рассматриваемый подготовительный период роль городов в общем политическом процессе. К концу средневековья, как мы видели, города и горожане уже успели освободиться от непосредственной власти феодальных сеньеров. Но экономическая их зависимость — главным образом в виде денежного оброка — еще всемерно ощущается. Кроме того, феодальная знать еще в очень многих городах продолжает господствовать в городских советах и фактически давить горожан своим богатством, удельным весом и авторитетом. Наконец, феодалы остаются подчас и решающей военной силой. Таким образом, в начале нового времени в Европе стоят рядом друг с другом две конкурирующие силы: «вольные» городские общины и еще могучий феодализм в деревне, стремящийся не выпускать города из своих лап. Когда есть налицо две политические силы, опирающиеся на разные экономические базисы, между ними неизбежна борьба, и эта борьба в скрытой или явной форме повсеместно происходит с колеблющимся успехом.

В то же время торговый капитал, в связи с развитым уже денежным хозяйством, открытиями новых стран и приливом в Европу золотой валюты, в связи с перечисленными уже изобретениями — порохом, поколебавшим значение феодальных укреплений, книгопечатанием, объединяющим людей идеологически на значительном пространстве, и, наконец, улучшением дорог — создает предпосылки для новых политических форм. Замкнутые феодальные гнезда теряют свой смысл и значение и одновременно теряют свою силу сопротивления. Безвластные короли средневековья, эти «первые между равными», начинают чувствовать более твердую почву под ногами и стремятся обуздать строптивых сеньеров, ведущих между собой нескончаемые раздоры и войны (гвельфы и гибеллины, Алая и Белая роза, Монтекки и Капулетти и т. п.), в пользу центральной власти национальных государств. Ставшие уже возможными в то время денежные налоги финансируют стремления монархов. При создавшихся условиях рационален союз монархии с городами для борьбы с феодальными сеньерами. Он и происходит в Италии, Франции, Англии, Германии, Швеции. Монархи, с помощью городов, борются с самовластными сеньерами, постепенно подчиняя их себе и превращая их в услужливое придворное сословие, а затем стремятся всецело подчинить и города центральной политической власти. Растет абсолютизм Людовика XIV, Фридриха Великого, Карла XII, в России—Петра I.

Упомянутый процесс начался в Италии еще в течение средних веков; города в борьбе между гвельфами и гибеллинами утратили свои вольности и подчинились монархической власти. Во Франции города всецело содействовали торжеству монархической власти в союзе с ней, но в конце концов политически ей подчинились. То же произошло и

в Германии. Исключение составляла Англия. Города там, как уже указывалось, вели непосредственную и успешную борьбу с государственной властью, которая постепенно им уступала. После обнародования «великой хартии свобод» центральное правительство из столетия в столетие выдавало городам многочисленные грамоты, подтверждавшие их привилегии и расширявшие их вольности. Таким образом, английские города в то время не переживали периода потери своей самостоятельности, и эта историческая особенность объясняет, как мы увидим ниже, многие своеобразные черты в английском городском самоуправлении и хозяйстве.

Резюмируя сказанное о переходном времени, т. е. о XVI, XVII и XVIII столетиях, мы видим, что средневековой город, под влиянием главным образом переворота в общем техническом и производственном базисе и колоссального развития торгового капитала, изменяется до неузнаваемости, постепенно приближаясь к современному городу.

2. РОСТ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Как уже указывалось, с о в р е м е н н ы й, т. е. капиталистический, город был прямым созданием Великой французской революции 1789 г. Эта революция, которую правильнее было бы назвать всемирной, так как ее экономический и социально-политический эффект в ближайшие же десятилетия сказался далеко за пределами Франции, была совершена городской буржуазией, в широком смысле этого слова, вкупе с мелкобуржуазным крестьянством. Она разрушила феодальные отношения, препятствующие свободному развитию капитала, передала буржуазии политическое господство и открыла для городов, как опорных пунктов торгового, промышленного и финансового капиталов, широкие перспективы.

Хотя «экономический» город, как ясно видно из предыдущего, сам был создан феодализмом, но можно смело сказать, перефразируя известные слова Розы Л ю к с е м б у р г, что «рождение этого законного ребенка стоило жизни отцу». Мы видели, как муниципальный младенец, еще целиком опутанный феодальными пеленками, в течение первого периода развития, т. е. своего младенчества, постепенно освобождается от родительской опеки и, воспитав в себе в период юношества новую идеологию свободы, становится заклятым врагом своего «отца»— феодализма, — наносит ему сокрушительные удары в союзе с таким же порождением феодализма—монархией—и, временно подчинившись последней, в конце концов одним революционным ударом разбивает как феодализм, так и монархию. Действительно, без Парижа, Лиона, Марселя нельзя себе представить французской революции, так как восстания распыленного на громадной территории крестьянства, вне ударной роли городов, не могли бы достигнуть цели, что доказывается, впрочем и многими историческими прецедентами. Париж, этот второй в мире центр по населенности, оказался первым энергетическим очагом революционных взрывов, умелым организатором революционной политики, стойким защитником революционных достижений и волевым завершителем революционных задач. Он дал революции денежные средства, вооруженную силу, идеологическое оправдание. Из Парижа

в течение десятков лет катилась волна за волной, смывая феодальные цитадели в других странах, и решающие революционные события опять-таки происходили в Берлине, Вене, Брюсселе и других крупных городских центрах.

Непосредственно вслед за французской революцией, а именно с начала XIX столетия, начинается тот важный мировой процесс, который вызвал громадную научную литературу (Schott, Wuttke, Meuriot, Kuszynski, Ballod, Mombert, Bauer) и был особенно ярко описан А. Вебером и Вандервельде,[1] а именно — быстрый рост городского населения за счет сельского. Этот процесс необходимо проследить и проанализировать очень внимательно, так как он имеет решающее влияние на современное городское хозяйство: именно он поставил на очередь те социально-технические проблемы (земельную, строительную, жилищную, санитарную, планировки, разгрузки движения), которые нам предстоит рассмотреть в специальном курсе.

Упомянутый рост городского населения в XIX и XX веке, — а в зависимости от него, как мы увидим ниже, рост территории городов, «укрупнение» их зданий и общая интенсификация городской динамики — ярче и резче всего проявляются в Соединенных штатах Сев. Америки.

В 1800 г. в Соед. штатах было только одиннадцать городов с населением свыше 5 000 жителей, из которых самые крупные — Филадельфия (69 403 души) и Нью-Йорк (60 489 душ).[2] Чикаго как городской центр еще тогда не существовал,[3] а резиденция федерального правительства, Вашингтон, лишь начинал отстраиваться. Вся страна носила определенно сельский характер. Прошло столетие, и в 1900 г. (по переписи 1 июня) Соединенные штаты имели уже 135 городов, насчитывающих более 30 тыс. жителей каждый, а три города имели население свыше миллиона человек (Нью-Йорк — 3 437 202, Чикаго 1 698 575 и Филадельфия 1 293 697);[4] в 1910 г. было 114 городов с населением более 50 тыс. жителей, из коих 55 — свыше 100 тыс. и 8 — свыше 500 тыс.;[5] в 1920 г. городов с населением более 100 тыс. было

---

[1] Vandervelde, L'Exode rural et le retour aux champs. Есть два хороших русских перевода: «Бегство из деревни и возвращение к полям», под ред. Д. С. Горшкова, с предисловием проф. А. Ф. Фортунатова, М., 1904 г., стр. 321—XII. и «Деревенский отход и возвращение на лоно природы», пер. Ю. Стеклова, с предисл. проф. М. М. Ковалевского, Одесса, 1904 г., стр. 294 + XXIV.

[2] Вебер, Рост городов в XIX столетии, Спб, 1903, пер. Котельникова, стр. 23 и след.

[3] В журнале «Городское Дело» был приведен рассказ, картинно рисующий сказочный рост американских городов. В 1820 г. в небольшой сев.-американской деревушке жил бедный крестьянин Бернс, владелец 12 десятин пахотной земли. Его молодой наследник, несмотря на просьбы отца, желавшего сделать его зажиточным, наотрез отказался переезжать в город и дал обет всю свою жизнь оставаться в родной деревне, разделяя ее скромные занятия и судьбу. Ровно через 75 лет, выполнив обет и не выезжая из своей хижины, этот скромный мужичок умер, но уже крупным миллионером, ибо его деревушка, под названием Чикаго, успела превратиться в мировой город-гигант, а на клочке его земли были разбиты целые улицы небоскребов.

[4] Statistic of cities, Bulletin of the dep of labour, № 36, September, 1901.

[5] В. Водовозов, цит. соч., стр. 296.

58, из коих 12 — с населением более полумиллиона, и в том числе 4 — с миллионным количеством жителей (Нью-Йорк — 5 620 тыс., Чикаго — 2 . 31 тыс. Филадельфия — 1 824 тыс. и Детройт — 994 тыс.) К 1 января 1926 г. людность Нью-Йорка в круглых цифрах достигала 6 миллионов, Чикаго — 3 миллионов и Филадельфии — 2 миллионов, а общее количество городов в штатах — свыше тысячи. Приводим поучительную таблицу З. Х. Френкеля,[1] составленную им на основании данных Виппля.[2]

Население в Северо-американских соединенных штатах по переписям 1790—1920 гг.

ГОДЫ ПЕРЕПИСЕЙ	Все население страны	Население городов с числом 8 тыс. и более душ в каждом	Число этих городов	% городского населения (8 и более тыс. душ) в составе всего населения Сед. штатов
	в тысячах			
1790	3 929	131,5	6	3,3
1800	5 308,5	210,9	6	4
1810	7 240	357	11	4,9
1820	9 638,5	475	13	4,9
1830	12 866	864,5	26	6,7
1840	17 069,5	1 454	44	8,5
1850	23 192	2 897,6	85	12,5
1860	31 443,3	5 072,3	141	16,1
1870	38 558,4	8 072	226	20,9
1880	50 156	11 367	285	22,7
1890	62 948	18 244,2	445	29
1900	75 994,6	25 018,3	547	32,9
1910	91 972,3	35 570,3	768	38,7
1920	105 710,6	46,307,6	924	43,8 [3]

Как видно из приведенной таблицы, возникновение городов и их рост увеличивались в прогрессирующем темпе и превратили типичную сельскую страну в страну промышленно-городскую, впрочем, при значительной еще роли сельского хозяйства. По вычислениям статистиков, в среднем, ежегодный прирост крупного города достигал 4%, а людность некоторых вновь возникающих городов удваивалась за

---

[1] Основы общего городского благоустройства, М., 1926, стр. 31.
[2] G. Ch. Whipple, Vital statistic, New York, 1923, стр. 157.
[3] У проф. А. М. Гинзбурга приведены другие, повидимому, преувеличенные цифры городского населения в С. штатах Сев. Америки (в 1880 г. — 29,5 млн, в 1890 г. — 36,5 млн, в 1900 г. — 40,5 млн, в 1910 г. — 46,3 млн и в 1920 г. — 54,3 млн), и соответственно повышенное процентное соотношение. (Экономия промышленности, ГИЗ, 1925 г., стр. 20.)

пять лет, увеличиваясь из пятилетия в пятилетие в геометрической прогрессии.

Из западноевропейских стран наибольшей закономерностью и интенсивностью роста городского населения за счет сельского отличается Англия. Этот процесс начался там с конца XVIII столетия и, повидимому, заканчивается в наше время. Первоначальный прилив сельских жителей в промышленные центры был вызван упадком ремесл и местных промыслов в деревнях, которые не могли соперничать с быстро развивавшимся фабричным производством. Весь избыток сельского населения устремляется в города, которые до 30-х годов XIX века решительно не справлялись с новыми условиями. В сочинениях Рикардо, Мальтуса и особенно К. Маркса картинно изображается указанный период. Вновь образованные из деревушек фабричные города не имели ни самостоятельного управления, ни представителей в парламенте и были лишены самого элементарного благоустройства. Построенные кое-как лачуги были наскоро приспособлены для размещения фабричных рабочих, и бедствия от скученности превосходили всякое вероятие. Эти постройки были битком набиты людьми от подвала до чердака: по две и даже по три семьи ютились в одной комнате. Улицы находились в отвратительном состоянии, а водоснабжение и канализация были совсем неизвестны. Многочасовой труд мужчин, женщин и детей ничем не регулировался, а немногие свободные часы посвящались пьянству и разврату.[1] Немудрено, что смертность в таких городах доходила до 70 на 1000 населения в год, причем эпидемические болезни протекали без всякого надзора. Это было время, когда Роберт Оуен, отчаявшись в будущем промышленного общества, пытался провести свои известные утопии. Однако описанные ужасы жизни «медовых месяцев» капитализма[2] в новых английских городах не могли остановить бегства населения из деревни, происходившего под кнутом экономической необходимости. Рост городского населения еще усилился после реформ 1832 — 1833 г. (в Шотландии) и муниципальной реформы 1835 г., которая в корне преобразовала организацию городского управления и дала корпоративные привилегии 125 вновь образованным промышленным городам. Максимальный и притом довольно равномерный рост городского населения в Англии относится к периоду 1861—1911 гг. По данным Вебера,[3] из 100 жителей Англии и Уэльса жили в городах в 1851 г 50, в 1861 — 54, в 1871 — 62, в 1881 — 68 и в 1891 — 72 (в круглых цифрах). В 1911 г. из 36 070 492 общего населения Англии и Уэльса в 1 154 городских округах жило 28 540 327 и только 7 530 165 — в сельских округах, а по последней переписи (в 1921 г.) из 37 886 699 всего населения в городских округах жило 30 035 417 и в сельских — 7 851 282. Как видно из приведенных цифр, Англия пре-

---

[1] Ср. Альберт Шоу, Городские управления в Зап. Европе, пер. с английск., М. 1898, стр. 24 и 25.

[2] Любопытно, что в это же время в Англии и Франции появляется так называемая «оптимистическая школа» политической экономии, как признак полного удовлетворения господствующего класса.

[3] Цит. соч., стр. 46.

вратилась в типичную промышленно-городскую страну с ничтожным сравнительно сельским хозяйством. Общие наблюдения урбанистов (Гуго, Шоу, Вебера) над движением городского населения в Англии привели к установлению нескольких эмпирических правил, которые в общих своих чертах сводятся к следующему.

1) В XIX веке крупные города росли в Англии быстрее, чем средние, а средние — быстрее, чем малые, последние же — быстрее, чем сельское население, т. е. быстрота роста населения в английском населенном пункте была прямо пропорциональна его величине. Это наблюдение соответствует так называемому социологическому «закону Левассера» [1], по которому «сила притяжения, обнаруживаемая соединениями людей, пропорциональна их размерам». Впрочем, при спорности и эмпиричности еще большинства законов социологии, мы остерегаемся безусловно признавать это местное наблюдение общезначимым законом, тем более, что геометрическая прогрессия в росте населения, которая обнаруживалась в развитии многих вновь возникших населенных пунктов Сев. Америки, Японии и даже Сибири, как будто прямо этому «закону» противоречит. [2] В то же время сила притяжения величайшего скопления людей в наше время — Большого Лондона (насчитывающего вместе со всеми пригородами 6 580 616 жителей) — не помешала ему за последнее время остановиться в росте населения, а Вене или бывшему Петрограду, при известных обстоятельствах, прямо регрессировать. Повидимому, притягивают не соединения людей сами по себе, а богатые экономические возможности, которые в свое время обусловили это соединение, если только они продолжают свое воздействие. Наилучшим методом в социологии вообще является конкретный экономической анализ, без коего социологические отвлеченности чаще всего провсдят к рискованным обобщениям.

2) В северной и средней Англии темп роста городов интенсивнее, чем на юге. По замечанию А. Шоу, [3] «в Шотландии и северной Англии переход от деревенских условий жизни к городским отличался почти революционным характером». В начале XIX столетия общее население Шотландии достигало 1 600 000 человек, из коих около 400 000 жило в городах, по переписи же 1891 г. общее население превзошло 4 миллиона, из коих в деревне жили только 928 500 человек, т. е. численные соотношения сельского и городского населения перевернулись. В Ирландии за счет разоренных, обезлюдевших сельских округов и прежних «сельскохозяйственных» городов выросли с редкой

---

[1] E. Levasseur, La population française, t. II, p. 345 etc.

[2] Отрицающие «историзм» изобретатели вечных социологических законов имеют обыкновение строить свои логические схемы на основе чисто местных и временных наблюдений, забывая о том, что Европа XIX и XX вв. — лишь точка на пространстве земли и веков. Известно, напр., что сто лет тому назад большие азиатские города (особенно в Китае) по количеству населения превосходили все европейские города, лишь немного уступая Лондону. Однако их рост в течение всего столетия уступал не только средним, но и мелким городам Европы (Ср. М. Н. Мошков, Метрополитены, М., 1925, стр. 15).

[3] Цит. соч., стр. 15.

быстротой центр льняной промышленности Бельфаст, мануфактурно-коммерческий Дублин и морской порт Лондондери. [1]

3) Темп роста и развития новейших промышленных центров Англии (Манчестера, Бирмингама, Ливерпуля и друг.) гораздо интенсивнее, чем таковой же темп в старых английских городах, приморских (Эксетер, Линн, Норвич), а также главных центров епархий и графств, которые еще 100 и даже 200 лет тому назад были уже крупными населенными местами и теперь сравнительно отстали в своем развитии, так как не сумели вполне приспособиться к новым экономическим условиям. Здесь сказывается то общее правило, что быстрее и богаче всего развивается город, прямо соответствующий новой эпохе, т. е. спонтанно выросший, как надстройка над новым экономическим содержанием.

4) Рос крупнейших английских городов в настоящее время приостанавливается, причем в отдельных случаях наблюдается даже тенденция к регрессу. Так, в Лондоне (без пригородов) в 1900 г. значилось 4 531 466 населения, а в 1920 г. — 4 476 258; уменьшилось на 1% и население Бредфорда. Одновременно сравнительно небольшие города продолжают быстро расти. Как будет выяснено ниже, здесь сказывается ряд причин, требующих специального анализа.

Приводим две таблицы, [2] превосходно рисующие правильный процесс превращения Англии в промышленно городскую страну и приостановку роста крупных городов в XX веке (стр. 52).

Если в американских городах средний темп роста населения в год, как указывалось, равнялся 4% и в Англии 2½%, то в Германии в течение XIX и XX веков он был равен в среднем приблизительно 2%, хотя многие крупные города Германии в конце XIX века, по сравнительным вычислениям А. Шоу, [3] росли еще интенсивнее, чем соответствующие по величине американские центры (Берлин, Гамбург, Лейпциг, Мюнхен, Кельн, Дрезден, Ганновер, Альтона, Хемниц). В первую половину XIX века сосредоточение населения в городах Пруссии и Саксонии было незначительно, и города были мелкими. В 1843 г., по данным «Jahrbuch deutscher Städte», только 3,5% всего населения жило в больших германских городах (1 229 681 жителей). В 1871 г. в городах Германии жило 36,1% всего населения империи, в 1875 — 39%, в 1880 — 41,4%, в 1885 — 43,7%, в 1890 — 47,0, в 1895 — 49,8%, в 1900 — 54,3% [4]. При этом закон Левасера оправдывался и в Германии: чем крупнее были города, тем быстрее увеличивалась цифра их населения (прирост населения больших городов за 25 лет — 490%, средних — 148%, малых — 81% и сельских — 40%.) Особенно поразителен рост Берлина: в 1870 г. он имел 887 000 жителей, в 1880 — 1 251 тыс., в 1890 — 1 854 000, в 1900 — 2 534 тыс. (без пригородов — 2 059 417) и в 1920 г. — 3 804 000, значительно обогнав Париж (в пределах его укреплений)

---

[1] Э. Вандервельде, Бегство из деревни, стр. 22.

[2] См. Виленц-Горовиц, Жилищные условия и движение городского населения в Англии, «К. Д.», 1926, № 11 — 12.

[3] Цит. соч., стр. 502 — 505. Особенно интенсивным, если не считать Берлина, был рост Лейпцига (63 тыс. в 1850 г. и 590 в 1910 г.).

[4] Зомбарт, цит. соч., т. II, 179.

Распределение населения в Англии по переписям 1851 — 1921 гг.

ГОДЫ ПЕРЕПИСИ	Англия и Уэльс	В том же году в городских округах	% населения в городских округах
1851	17 927 609	8 990 809	50,2
1861	20 066 224	10 960 998	54,6
1871	22 712 266	14 041 404	61,8
1881	25 974 439	17 636 646	67,9
1891	29 002 525	20 895 504	72,0
1901	32 527 843	25 058 355	77,0
1911	36 070 492	28 162 936	78,1
1921	37 886 699	30 035 417	79,3

Рост населения в городах Англии по переписям 1861 — 1921 гг.

ГОРОДА	% увеличения или уменьшения по сравнению с предыдущей переписью						В абсолютных числах
	1871 г.	1881 г.	1891 г.	1901 г.	1911 г.	1921 г.	1921 г.
Лондон	16,1	17,4	10,4	7,3	0,3	0,8	4 484 523 (без пригор.) [1]
Бирмингам	23,2	22,9	17,3	19,6	10,7	9,4	919 444
Ливерпуль	14,1	16,2	14,9	9,3	5,9	6,6	802 940
Манчестер	11,9	13,5	17,2	12,0	10,8	2,2	730 307
Шефильд	29,3	19,0	14,5	20,8	11,9	6,6	490 639
Лидс	25,1	19,1	18,6	16,9	4,1	0,9	458 232
Бристоль	22,7	20,5	13,8	14,4	5,3	5,6	376 975
Вестгем	64,1	105,0	58,9	30,5	8,1	4,1	300 860
Бредфорд	33,8	23,6	10,5	5,3	3,1	0,9	285 961
Кингстон	24,5	31,8	20,8	19,8	15,7	3,3	287 150
Ньюкестль	18,9	14,1	30,3	18,7	7,9	3,2	275 009
Нотингем	13,7	34,3	14,6	12,1	8,4	1,0	262 629
Сельфорд	21,8	41,2	12,4	11,5	4,7	1,2	234 045
Лейчестер	39,7	37,1	27,8	21,2	7,4	3,0	234 143
Портсмут	20,0	12,3	24,1	18,1	22,8	5,9	247 284
Кардиф	38,5	44,3	55,8	27,5	10,9	9,8	200 184

[1] В Большом Лондоне (Greatest London), т. е. со включением 87 общин графств Эссекс, Гетфорд, Кэнт, Миддльсекс, Сёррей 7 472 202 жителя (за исключением некоторых дальних поселений — 6 580 616).

и став на третье место на земном шаре после Лондона и Нью-Йорка. Так же, как и в Англии, с 1910 г. замечается тенденция к замедлению роста германских городов, за исключением крупнейших. В Австрии знаменателен регресс Вены, которая насчитывала 2 031 498 жителей в 1900 г. и только 1 841 000 в 1920 г.,[1] что вызвано, повидимому, военными событиями и политическим разделом.

В том же приблизительно темпе развивались крупные голландские и бельгийские города, успевшие за последнюю треть XIX столетия удвоить свое население (Амстердам, Ротердам, Гага, Льеж). Особенно замечателен рост столицы Бельгии. В Брюсселе в 1800 г. в пределах, ограниченных стенами, ныне уничтоженными и замененными круговыми бульварами, жило 66 000 человек, а в предместьях вне стен — 10 000. В 1893 г. общая сумма населения достигла 500 тыс. человек, из коих около 200 тыс. жили во внутреннем городе;[2] в 1910 г. общее количество населения достигло 913 135.[3] Таким образом за столетие людность Брюсселя увеличилась в 12 раз, что, конечно, объясняется быстрым развитием производства (особенно кружев, шерстяных и хлопчатобумажных изделий, мебели и металлических изделий) и международной торговли, поддерживаемой морскими сообщениями посредством каналов, а также присоединением предместий.

Во Франции указанный процесс роста городов проявлялся менее резко, но все-таки и тут цифры движения народонаселения не позволяют сомневаться в наличности этой общей для всех капиталистических стран тенденции,[4] что доказывает следующая таблица:

ГОДЫ	Городское население	Сельское	Все население вообще	Из 100 человек приходилось	
				на городское население	на сельское население
1846	8 646 743	26 753 743	35 400 486	24,4	75,6
1856	8 884 828	26 294 536	36 139 364	27,3	72,7
1866	11 595 348	26 471 716	38 067 064	30,5	69,5
1876	11 977 396	24 928 392	36 905 788	32,4	67,6
1886	13 766 508	24 452 395	38 218 903	35,9	64,1
1896	15 025 812	23 492 163	38 517 375	39,1	60,9
1911	—	—	—	44,2	55,8
1921	—	—	—	46,4	53,6[5]

[1] Виленц-Горовиц, цит. соч., стр. 83.
[2] А. Шоу, цит. соч., стр. 452.
[3] Ст. «Брюссель» («Нов. энц. сл.», стр. 324).
[4] М. А. Курчинский, Муниципальный социализм и развитие городской жизни, стр. 8.
[5] Последние четыре цифры взяты у проф. А. М. Гинзбурга, Экономия промышленности, стр. 21. У Я. Гольберга (Современная тенденция роста городов, «Журн. Ком. Хоз.» № 3 — 4, 1927 г.) даны несколько иные цифры: 46,7 и 53,3, причем 54,4% гор. населения сосредоточено в мелких городах.

Во Франции, как это показал Левассер на основании ряда пробных цифр, норма роста городов с населением более 20 тысяч жителей была выше, чем прирост всего городского населения вообще; еще быстрее росли города с населением в 100 тысяч и выше, и, наконец, наибольший прирост обнаружил Париж, начав в 1800 г. с 400 тыс. населения и окончив в 1900 г. 2 822 135 жителей. За последние 20 лет с 1900 г. прирост городов вообще и крупных городов в частности приостановился. Так Париж вырос только на 84 тыс. жителей, Марсель — на 15 тыс., а многие города остановились как бы на мертвой точке, если не считать городских поселений, непосредственно пострадавших от войны и значительно обезлюдевших. С 1921 по 1926 гг. как выяснила перепись, население Парижа, Бордо, Руана и Гавра уменьшилось.

В Италии процесс интенсивного роста коснулся преимущественно только населения крупнейших промышленных и торговых городов (Рим, Милан, Флоренция, Турин, Генуя, Неаполь, Палермо), успевшего удвоиться за последнюю треть XIX века.

Переходя к дореволюционной России и к СССР, о земледельческом характере которых столько говорилось, мы видим, что нет никакого основания признавать их стоящими вне процесса урбанизации, как это можно усмотреть из следующих цифровых данных: [1]

Годы	Все население России и СССР		Население городов	Процентное отношение населения ко всему числу жителей
1812	38 500 000		2 500 000	6,5
1856	71 243 616		5 684 000	8,96
1870	85 938 504		9 064 039	10,66
1885	108 787 235		13 947 825	12,8
1890	115 989 443		13 972 643	12
1897	126 368 827		16 280 978	12,9
1910	145 000 000	в круглых цифрах	22 000 000	15,17
1914	153 000 000		25 000 000	17,2
1923	133 504 400	в СССР	21 882 500	16,3
1926 [2]	144 800 000		24 400 000	16,9

[1] Вебер, цит. соч., стр. 103; Курчинский, цит. соч., стр. 9; Денисюк, Хозяйственная жизнь России, Петроград, 1916 г., стр. 13; Б. Веселовский и А. Гибшман, Справочник кэм. раб., М., 1925, стр. 46 — 54; Бюллетень ЦСУ 1923 г., № 77, Л. И. Лубны-Герцык, Движение населения на территории СССР, М., 1926; Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 гг., М., 1927.

[2] Цифры даны до переписи декабря 1926 г.; согласно Предварит. итогам всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. (изд. ЦСУ, М., 1927 г.), всего по Европейской части РСФСР и по республикам Белорусской, Украинской и Закавказской значится 121 285 229 человек, из коих городского населения 22 261 711, а по всему СССР городского населения 24 973 520.

Приходится отметить, что приводимые нами на основании сравнения различных источников (иногда сознательно в круглых цифрах) данные настоящей таблицы не имеют научной достоверности в виду исключительных дефектов нашей статистики, которая приводит к разногласиям почти у всех авторов. Например, добросовестный исследователь Л. И. Л у б н ы-Г е р ц ы к дает для городского населения России в 1897 г. 14 696,0 тыс. и для того же населения в 1914 г. — 23 028,2 тыс., — обе цифры, по нашему убеждению, преуменьшены.[1]

Как видно из приведенной таблицы, процесс роста городского населения сравнительно с сельским в течение XIX века был хотя и явно выраженным, но мало интенсивным.[2] С конца того же века, т. е. вместе со значительной индустриализацией страны (эпоха грюндерства Витте) и циклическим подъемом промышленности, особенно же после революционного движения 1905 г., наблюдается приблизительно такой же темп нарастания городского населения, как и в Зап. Европе. Еще более убедительны данные о крупнейших городах за то же время. Петербург с 1 267 023 населения (с Охтой и пригородами) в 1897 г. достиг 1 905 943 в 1910 г., т. е. по темпу развития (около 4% в год) сравнялся с северо-американскими городами; Москва имела 1 038 900 жителей в 1897 г. и 1 701 300 в 1917 г. (по исчислениям О. А. К в и т к и н а и Л. И. Л у б н ы-Г е р ц ы к — 2 017 173, повидимому с пригородами), т. е. темп развития выше 3%. Соответствующие цифры для развивающихся средних и крупных городов: Нижнего Новгорода — 95 тыс. и 148 тыс., Твери — 53 тыс. и 101 тыс., Воронежа — 84 и 127 тыс., Пензы — 60 и 105 тыс., Самары — 90 и 228 тыс. (около 7% прироста в год), Саратова — 137 и 223 тыс., Казани — 130 и 192 тыс. Наиболее интенсивно росли некоторые из вновь основанных городов Сибири, как, например, Новониколаевск, переименованный в Новосибирск (до 10% прироста в год), превосходя все приведенные выше примеры.

Прирост населения крупнейших центров во время мировой войны у нас не только не приостановился, но даже усилился, несмотря на массовое отвлечение мужчин на фронт, чего не наблюдалось в других воюющих странах. По данным Л у б н ы - Г е р ц ы к, в бывшем Петрограде, напр., в 1914 г. было 2 217 500 жителей, в 1915 г. — 2 314 500, в 1916 г. — 2 415 700 и в 1917 г. — 2 420 000 жителей. Отчасти это объясняется приливом беженцев: согласно переписи 29 февраля 1916 г., в Петрограде было насчитано 100 704 беженцев, осевших в столице.

Гражданская война, в связи с голодом, эпидемиями, эмиграцией, временным упадком торговли и промышленности, резко понизила цифры городского населения. В 1920 г. население Москвы упало до 952 тыс., Петрограда — до 722 тыс., Нижнего Новгорода — до

---

[1] Труды семинария по местн. хоз. ФОН Сев.-кавк. унив. за 1925 год.

[2] Исключение составляли промышленные центры южного горнозаводского, польского и подмосковного районов. Так, по данным В. Г. М и х а й л о в с к о г о («Города России по первой всеобщей переписи», статья в «И. М. Г. Д.»), с 1885 по 1897 гг. Екатеринослав вырос с 46 876 жителей до 121 216, Лодзь — со 113 413 до 314 770, Тула — на 73,7%, Иваново-Вознесенск — на 66%.

106 тыс. и т. д. Общее количество городского населения сократилось в промышленных районах на 25%, в хлебородных — на 16% и в то время едва ли превышало сумму городского населения 1897 г., т. е. произошло то же, что и в Германии после 30-летней войны. Однако уже в 1923 г., вследствие восстановления мира и нового экономического строительства, процентное отношение городского населения к сельскому успело превысить цифру 1910 г., а сведения за 1924/25 и 1926 гг. говорят о продолжающемся интенсивном росте крупных центров: Москвы, Харькова, Киева, Баку, Тифлиса, Ростова-на-Дону Некоторые города (Москва, Гомель, Вятка, Кирсанов, Челябинск, Чебоксары)[1] по своей людности уже превысили дореволюционный уровень, а около трети всех русских городов вплотную подошли к нему. Поистине феноменален рост населения некоторых городов, переименованных из сел после революции: так, число жителей города Тейкова за три года возросло с 9 985 до 16 625, т. е. на 66%, города Мытищи — на 105%, а города Родники Иваново-Вознесенской губ. — на 114% (!).

Нельзя при этом упускать из виду, что указанный процесс роста городского населения происходит пока при незначительных сравнительно оборотах внешней торговли, при крайне недостаточном жилищном строительстве и тяжелом жилищном кризисе в крупных центрах и, наконец, при не вполне еще законченном процессе восстановления коммунального хозяйства и городских промышленных предприятий. В некоторых частях СССР эти неблагоприятные факторы берут верх и обусловливают убыль городского населения. Так, напр., в Донской области, по данным А. И. Гозулова (Города Донской области, изд. ДСБ, 1924 г.), эта убыль за 1920 — 1923 гг. выразилась в цифре 5,7%. С другой стороны, раскрепощение крестьянства, более свободная классовая борьба в деревне, а также сравнительно низкие цены на сельскохозяйственную продукцию, пролетарская политика и ожидаемая индустриализация должны дать в ближайшем будущем новый сильный толчок той же урбанизации. Поэтому недооценка города и его роста в СССР (в ближайшем будущем) была бы, повидимому, пагубным заблуждением городских хозяев и государственной политики.

Вышеизложенные строки были уже написаны, когда мне были любезно доставлены, по инициативе Сев.-кавк. КСУ, «Предварительные итоги всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г.». Эти последние данные подтвердили мои предположения в неожиданной степени. Городское население в СССР с 1923 г. и по 17 декабря 1926 г. возросло с 20 130 556 до 24 973 520. Поскольку мне известно, подобного темпа возрастания не было отмечено, в среднем, ни в одном из существующих государств. Наибольший процент роста (12 — 15% в год) дали крупные индустриальные центры (Ленинград, Днепропетровск, Новосибирск, Луганск, Орехово-Зуево, Иваново-Вознесенск и др.)

---

[1] Все сведения взяты из сравнения переписей 1897, 1917, 1920 и 1923 гг. и статист. бюллетеней следующих годов. При сравнениях следует учесть расширенное толкование понятия «город» в советской статистике, на основе нового законодательства.

Москва достигла 2 018 286 жителей (1 542 874 в 1923 г.), Баку — 446 832 (335 700 в 1923 г.), Одесса — 411 111 (314 840 в 1923 г.), Харьков — 409 505 (307 801 в 1923 г.). Средние города росли слабее крупных, и меньше всего прироста дали бывшие торговые центры (Казань, Владивосток, Тамбов, Ульяновск, Благовещенск). Из городов с населением выше 50 000 только два (Чита и Семипалатинск) обнаружили за то же время ничтожное уменьшение числа жителей.

Резюмируя сказанное, надлежит отметить: 1) универсальность (в капиталистических странах и в СССР) процесса роста городского населения за счет сельского в XIX — XX вв., 2) значительную интенсивность этого процесса, 3) более интенсивный темп роста крупных западноевропейских городов сравнительно с небольшими, 4) замедление этого роста в последнее время для крупнейших городов Западной Европы и, наоборот, усиление его в СССР.

В конечном результате описанного процесса, в одной Европе теперь, по данным К. Гассерта, имеется 169 городов с населением свыше 100 000 жителей в каждом (в Америке — 63) и, сверх того, восемь «городов-гигантов» с миллионным населением,[1] а в общей сложности до 50 млн «крупногородского» населения. В Англии 38%, а в Германии 22% всего количества граждан постоянно живет в больших городах. Если, кроме того, принять во внимание руководящую экономическую, политическую и общекультурную роль этих населенных центров, а также тот факт, что процесс урбанизации далеко не ограничивается только Европой и Соединенными штатами, но захватывает ныне и Южную Америку, и английские колонии Австралии,[2] и Канаду, и Японию,[3] вплоть до Восточного Китая, то придется притти к заключению, что современная культура есть культура больших городов. Порожденный переворотом в технике, коллективным производством и торговым капиталом; закаленный в горниле буржуазно-демократической революции, современный город вырос до колоссальных размеров и распространился по всему цивилизованному миру как универсальный аккумулятор социальной энергии, как синтез городов всех предшествовавших эпох. Действительно, он выполняет в некотором отношении и защитную функцию примитивного города, и политическую функцию античного города, и, в очень расширенном масштабе, производительную функцию города средневековья, что, впрочем, будет более подробно выяснено ниже.

---

[1] Лондон, Берлин, Париж, Вена, Москва, Ленинград, Константинополь (1 200 000 в 1910 г.), Глазгоу (1 037 845 жит.), Гамбург (986 000 жит. в 1920 г. и около миллиона в 1926 г.). Близко подходят к ним Варшава (931 000), Будапешт (920 000), Бирмингам (919 438) и Брюссель (913 135 с предместьями).

[2] По Веберу, в 1900 г. в Новом Южном Валлисе и Виктории 40% населения жило в больших городах.

[3] В Японии быстрый рост городов начался с тех пор, как она из земледельческой страны сделалась торговым и промышленным государством. Еще 75 лет тому назад Иокагама и Кобе были бедными рыбачьими деревушками. Теперь в них более чем по 300 000 жителей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ РОСТА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

В предыдущей главе мы описали, опираясь на цифровой материал, универсальный рост населения в современных городах и образование большого города. Остается научно объяснить этот важный процесс, рассмотрев его причины и условия, что, в свою очередь, позволит нам подойти вплотную к более детальному анализу современного города как социально-экономического явления. Нельзя не отметить, что один из немногих серьезных теоретиков в данной области Вернер Зомбарт,[1] признает исследование образования больших городов в капиталистическом строе важнейшей задачей муниципальной теории, а социолог Макэнзи идет еще далее: по его мнению, «рост больших городов создает одну из самых крупных проблем современной цивилизации».[2]

Рассмотрение упомянутой проблемы дало повод к выступлению нескольких направлений и школ. Самое распространенное из этих направлений носит яркую печать психологизма.

Действительно, не только в популярной, но даже и в научной литературе весьма часто объясняют рост городского населения «притягательной силой городов» (attraction), которая обычно понимается чисто субъективно и психологически. Города, мол, притягивают одних людей своей наукой, искусством, политикой, оживленной общественной жизнью, а других — своим комфортом, блеском, развлечениями и многочисленными соблазнами.[3] В художественной литературе (Додэ, Золя, Прево, Чехов, Верхарн) город представляется в виде какой-то гипнотической силы, властно манящей обывателя «околдованной» деревни желанным, но невыполнимым призраком счастья. Париж гипнотизирует героев Додэ и Золя. «В Москву, в Москву!» повторяют чеховские сестры. Ученые не отстают от литераторов: Габриэль Тард пытается объяснить массовое переселение в города психологическим действием «закона подражания»; Эбенизер Гоуард, известный инициатор «городов-садов», рассматривает город как «магнит», а сельского жителя — как «иглу».[4] В свою очередь теоретики субъективно-психологической школы политической экономии, а именно школы «предельной полезности» (Менгер, Вагнер), стремились применить для объяснения процесса урбанизации свой пресловутый критерий, отвергаемый в настоящее время даже психологистами (Лифман). Однако все эти попытки до сих пор ничего не объяснили и объяснить не могли.

---

[1] Вернер Зомбарт, Современный капитализм, т. II, отдел второй, Происхождение и сущность современного города, стр. 143 — 203, пер. с нем. под редакцией В. Базарова и И. Степанова, Москва, 1905.

[2] Mackenzie, Introduction to Social Philosophy, 1891, p. 101.

[3] Любопытно, что одним из первых, давших такое объяснение «тяги в города», был Бисмарк, утверждавший, что эта тяга вызвана стремлением «к разгульному веселью».

[4] Э. Гоуард, Города будущего, стр. 7.

Хотя и трудно оспаривать тот факт, что известный процент переселяющихся в города и этим способствующих их росту руководствуется именно такими субъективно-психологическими мотивами, но корень поразительного развития городов в последние десятилетия, при значительно более слабом росте деревни или даже относительном обезлюдении ее, надлежит, конечно, искать не здесь. Не психологические соблазны и не культурные перспективы, напр., привлекали в начале XIX столетия сотни тысяч рабочих в заразные кварталы новых промышленных городов Англии, и не они теперь заполняют многочисленные рабочие кадры на вредных городских производствах. Остается непонятным также, какие наслаждения влекут в Лондон или Брюссель те десятки тысяч рабочих, которые ежедневно, немедленно после тяжелого труда на фабриках, возвращаются в свои деревни? Равным образом психологическая школа не дает решительно никакого ответа на важный вопрос: почему население одной категории деревень, не обладающих первоначально никакими притягательными чарами, растет в геометрической прогрессии, причем этот рост способствует быстрому превращению сказанных поселений в города, а другие деревни в то же время и столь же быстро оскудевают людьми? Вообще на всей упомянутой выше литературе лежит печать непродуктивного «потребительского» мировоззрения, всячески избегающего касаться производственного момента, без учета которого выяснить вопрос невозможно.

Не более удачной, хотя и более объективной, является географическая школа, главными представителями которой можно назвать основоположника ее Риттера и Коля,[1] а из наших современников, с некоторыми оговорками, Гейслера[2] и Гассерта. Эта школа стремилась построить целую «теорию образования и роста городов» на основе географических особенностей их местоположения. Урбанисты-географы признают бухты морей, проливы, перешейки, судоходные реки, некоторые типы равнин и т. п. не только благоприятными условиями образования больших городов, но подчас и прямыми, чуть ли не исключительными факторами их роста. Иногда такое же преувеличенное значение приписывается почве, климату и т. д.

В исследованиях названной школы можно почерпнуть много ценного, так как влияние естественных путей сообщения, климата и почвы на развитие тех или иных городов несомненно. Однако, вне исследования технико-экономического базиса данной эпохи, география сама по себе явно недостаточна для объяснения происхождения современного большого города. Развитие железнодорожной сети, напр., в значительной степени обесценило влияние судоходных рек, которое, как мы видели, оказывалось решающим в древней Руси. Вообще в нашу эпоху, исполненную колоссальными техническими возможностями, география все больше отступает на задний план или, вернее, должна быть учитываема только через ее влияние на эконо-

---

[1] J. G. Kohl, Der Verkehr und die Ansiedlung der Menschen.
[2] W. Geisler, Die deutsche Stadt, Stuttgart, 1924.

мику. И Вернер Зомбарт, конечно, прав, когда он задает «географам» следующие вопросы: «почему такие величавые реки, как Миссисипи, Конго или Замбези, не вызвали образования больших городов или почему в настоящее время мировые города находятся в местах, где сто лет тому назад были лишь жалкие деревушки рыбаков?» [1]

Мы не будем подробно рассматривать еще и той литературы по данному вопросу (Roscher, Picard, Schwabe, Botero, Filangieri), которая выбирает какой-нибудь один конкретный фактор, благоприятствующий росту городов, как, напр., близость каменного угля, постройка железных дорог или свобода промышленности, и старается построить на нем теорию муниципального развития. Эта литература может дать урбанисту много отдельных ценных указаний, но в общетеоретическом отношении она должна быть признана односторонней. В конечном результате так же, как и в предыдущих вопросах, только объективный технико-экономический подход и анализ всех условий данного социального явления помогут нам удовлетворительно объяснить его.

Прежде всего необходимо ясно и точно поставить самую проблему, выяснив непосредственную причину усиленного роста городского населения. Таковой рост может происходить 1) вследствие «естественного прироста» населения, а именно превышения рождаемости над смертностью, или 2) вследствие превышения иммиграции в города над эмиграцией. Исследование показывает, что первая причина либо вовсе не играла роли в процессе урбанизации, либо влияла на него сравнительно слабо. Как мы видели, последовательный рост городов начался с самого начала XIX столетия. Между тем в то время из всех столиц один только Париж имел из года в год небольшой естественный прирост населения, в большинстве же городов, благодаря неблагоприятным гигиеническим и санитарным условиям, смертность преобладала над рождаемостью: Берлин стал иметь более или менее постоянный естественный прирост лишь после 1810 г., Лейпциг — в течение 1821 — 30 гг., Франкфурт — в 1841 г., Стокгольм — после 1860 г. [2] Даже в настоящее время, когда в Германии, Голландии, Швеции и Соединенных штатах, благодаря санитарным предприятиям, уровень смертности во многих городах ниже, чем в деревне, [3] и рождаемость значительно превышает смертность, мы встречаем попрежнему в итальянских городах и в половине больших французских городов [4] превышение смертности над рождаемостью, что, однако, не препятствует их росту. То же можно сказать о таких русских городах, как, напр., Самара, Саратов, Астрахань, которые интенсивно и непрерывно росли, несмотря на преобладание в них смертности над рождаемостью. Общий естественный прирост населения в городах у нас 9 на 1 000, а в деревне — 15 на 1 000, а между тем

---

[1] Зомбарт, цит. соч., стр. 158. Впрочем, относительно Миссисипи Зомбарт жестоко ошибается. По ее течению расположены такие крупные города, как Сан-Луи и Новый Орлеан.

[2] Вебер, цит. соч., стр. 231.

[3] З. Френкель, Основы общего городского благоустройства, стр. 29.

[4] Вебер, цит. соч., стр. 239.

на самом деле города растут за счет деревни. Согласно исследованиям М. Щепкина, убыль городского населения, вызываемая сильной смертностью, напр., во время эпидемий, по общему правилу, немедленно пополняется в таком же усиленном темпе, повидимому, вследствие повышения спроса на рабочие руки и падения жилищных цен, что естественно способствует иммиграции. Таким образом как бы уничтожается действие не экономических факторов. Действительно, естественный прирост города можно, повидимому, вовсе не принимать в расчет, ибо, если бы его не существовало, экономическая потребность данной системы все-таки привлекла бы в город недостающий состав населения. Здесь есть нечто аналогичное тому эмпирическому закону, по которому убыль мужского населения в стране во время войны пополняется усиленным рождением мальчиков в ближайшие годы после войны, чем и восстанавливается нарушенное нормальное соотношение между полами. Наконец, естественный прирост еще и потому должен быть оставлен вне нашего поля зрения, что таковой имеется и в деревне; нас же интересует главным образом разница в движении населения городского и сельского и процентное отношение населения городов ко всему населению в стране.

По всем изложенным соображениям мы имеем полное основание смотреть на превышение иммиграции, т. е. прилива в города значительного количества людей, над эмиграцией, т. е. выселением из городов, как на главную причину роста современных центров. Этому логическому выводу вполне соответствуют и производимые наблюдения над количеством приезжающих в города и уезжающих из них. Так, ежегодно, в среднем, в течение ряд лет переселялось в Лондон свыше 50 тыс. человек,[1] а выселялось из него почти вдвое меньше; хотя за последние годы обе цифры почти сравнялись, но люди в большинстве случаев выселяются в предместья того же Лондона. В Берлине с 1870 г. и до 1905 г., в среднем, за год перевес количества прибывших над выбывшими равнялся 20 600 человек, а в пятилетие с 1905 г. до 1910 г., наоборот, количество выбывших превысило число прибывших на 51 622,[2] но почти вся последняя эмиграция направлялась в соседние пригороды, которые за то же пятилетие возросли на 443 000 человек и с 1921 г. вошли в состав Большого Берлина (Gross Berlin). Выселение отчасти объяснялось вздорожанием квартир.[3] Аналогичные примеры наблюдались в Брюсселе, Гамбурге и других крупных центрах. По германской переписи 1890 г. оказалось, что во всех немецких больших городах прибывшее население соста-

---

[1] Вандервельде, цит. соч., стр. 21.

[2] За то же время превышение рождаемости над смертностью в Берлине равнялось 82 700 человек. Этот исключительный случай, часто приводимый в литературе, дает повод некоторым урбанистам утверждать (см., напр., Silberstein, Bevölkerungswirtschaft u. Statistik, в Handbuch'e 1918 г., S. 401), что естественный прирост имеет одинаковое значение с искусственным в росте городов. Это мнение, однако, ошибочно: естественный прирост лишь дополняет искусственный, и как только первый замедляется, искусственный начинает расти. Все зависит от спроса данной производственной системы на переменный капитал.

[3] К. Пажитнов, Берлин по данным переписи 1910 г., «ГД», № 4 за 1914 г.

вляло 56,3% наличного населения, а отбывшее 22,3% числа природных жителей.

Считая вопрос разрешенным и переходя к рассмотрению самой сущности происходящей иммиграции, мы должны выяснить: о т к у д а она происходит и к а к и м х а р а к т е р о м отличается? Что касается первого вопроса, то, как показывает статистика, главный поток переселения устремляется в промышленные центры не из других больших городов (их жители составляют в притоке, по германской переписи 1900 г., только 6,1%), а также не из более мелких городов, но из деревни (считая в том числе и сельские городки с 2 — 5 тыс. населения, часто называемые каналами между деревней и городом), так как население средних и мелких городов тоже растет, хотя и с меньшей степенью интенсивности, чем крупных; переписи же сельских местностей положительно свидетельствуют о процессе обезлюдения — относительного в одних государствах и абсолютного в других. Напр., во Франции за 1896 — 1901 гг. в 62 департаментах из 87 констатировалась убыль населения; общее количество населения всей страны за 1901 г. увеличилось на 444 613 человек, а население городов — на 458 376 человек, [1] что очевидно свидетельствует об абсолютном уменьшении сельского населения. Тот же приблизительно процесс наблюдается и в других государствах. В Англии к началу XX в. осталось в круглых цифрах только 800 000 земледельческих рабочих, а к 1925 г. — не более 750 тыс. По данным правления бельгийских железных дорог, до 80 тыс. рабочих ежедневно отправляются с деревенских станций искать заработка в бельгийских городах, и не менее 50 тыс. с той же целью переезжают границу, направляясь в северную Францию и Люксембург. [2] Профессор З е р и н г, наблюдая громадное передвижение земледельческих рабочих из саксонских деревень по направлению к промышленным центрам, из Западной Пруссии — в Саксонию, поляков — в Померанию и т. д., открыто заявил, что «это движение деревень в индустриальные центры по массам, участвующим в нем, гораздо важнее великого переселения народов!» Упомянутое явление, как известно, вызвало в целом ряде стран так называемый «рабочий вопрос» в крупном сельском хозяйстве, а в Западной Пруссии — особую финансовую политику, направленную к удержанию в деревне рабочих рук (раздача государственного земельного фонда земледельцам). [3] В других странах, как, напр., в дореволюционной России, недостатка в земледельцах обычно не наблюдалось, а устремлялись в города только и з л и ш к и рабочей силы, в виду аграрного перенаселения. Таким образом, источник иммиграции не может вызывать никаких сомнений.

---

[1] В а н д е р в е л ь д е, там же, стр. 25.

[2] Притягательная сила городов, Спб, стр. 6 — 8, пер. с французского.

[3] О з е р о в, Основы финансовой науки, стр. 84. Правильно выяснив финансовую политику прусского правительства, почтенный профессор не может, однако, удержаться от модного объяснения переселения рабочих в города: «Городская жизнь представляет много п р е л е с т е й». К сожалению, однако, профессор не выясняет, какие именно «прелести» приуготованы в крупных капиталистических центрах для фабричных рабочих.

Переходя ко второму вопросу, а именно о характере иммиграции, мы видим, что она носит отчасти временный (сезонные работы, отхожие промыслы), а отчасти постоянный характер, и что именно переселение в города на постоянное жительство непосредственно обусловливает собою рост городов. Данные переписей городского населения указывают на решающую роль окончательной иммиграции в росте крупных центров. Так, согласно исследованиям С. Новосельского, [1] коренные уроженцы данного города в составе его жителей составляли до войны в Москве 27,7% (и, следовательно, пришлых было 72,3%), в бывшем Петрограде 32%, в Париже 35% (по другим данным — 31,8%), [2] в Мюнхене 36%, в Дрездене 38%, в Стокгольме 40%, в Берлине 41%, в Христиании 44%, в Гамбурге 50% и в Лондоне 66,5%. Статистика народонаселения изобилует аналогичными вычислениями, указывающими на крупную роль в городах пришлого населения. [3]

После всего сказанного общая картина ясна и несомненна: рост городского населения и образование крупных центров вызывается массовым переселением деревенских жителей в города на постоянное жительство. Установив таким образом твердо непосредственную причину процесса урбанизации, необходимо, в свою очередь, исследовать причины упомянутого переселения.

Всякое сложное социальное явление обыкновенно вызывается действием целого комплекса причин, которые в конечном счете всегда сводятся к одному или немногим основным факторам. В данном случае причины, вызывающие массовую иммиграцию сельских жителей в города, могут быть логически разбиты на 4 категории: 1) причины, коренящиеся в общих законах социально-экономического строя; 2) причины, лежащие в условиях жизни современной деревни; 3) причины, относящиеся к передвижению между деревней и городом, и 4) причины, лежащие в условиях жизни городов.

Что касается первой категории причин, касающихся общих условий концентрации населения в городах, то еще Адам Смит установил следующее основное положение: «Только избыточный продукт производства страны... может поддержать существование города; последний поэтому может расти лишь постольку, поскольку растет этот избыточный продукт (surplus produce) [4].

---

[1] С. Новосельский, Коренное и пришлое население Ленинграда. Бюлл. Ленинград. губ. стат. отд., 1925 г., № 13, стр. 205 (цит. по З. Френкелю, цит. соч., стр. 28).

[2] Большие города Зап. Европы, под ред. И. Е. Любимова, М., 1926 г., стр. 39.

[3] См., напр., работы Георга Майра. Между прочим в его лекции «Население больших городов» указывается, что, согласно «Reichsanzeiger», 27 октября 1902 г., цифра городских рождений среди жителей немецких городов с населением в сто тысяч и выше в среднем равна 43,3, колеблясь в пределах между 18,9% (Шарлоттенбург) и 65% (Ахен).

[4] Адам Смит, книга III, глава I.

Вернер Зомбарт, всецело принимая это положение и заменив лишь устарелый термин «избыточный продукт» прибавочным продуктом, со своей стороны строит на нем следующие выводы: «1) величина города определяется количеством продукта питающей город области и размерами участия города в потреблении этого продукта; 2) при данной величине питающей город области и данном количестве всего продукта, величина города зависит от величины прибавочного продукта; 3) при данных размерах питающей город области и данной высоте прибавочного продукта, величина города определяется плодородием почвы и уровнем сельскохозяйственной техники, — отсюда: плодородные страны при прочих равных условиях могут иметь более крупные города, чем неплодородные; 4) при данной высоте прибавочного продукта и данной производительности почвы, величина города определяется размерами питающей его области, — отсюда возможность образования более крупных торговых городов и более крупных столиц в более крупных государствах; 5) размеры питающей город области определяются уровнем развития техники сообщения, — отсюда «расположение города на берегу моря или реки, при прочих равных условиях, благоприятствует его росту»: в стране с шоссейными дорогами города могут быть населеннее, чем там, где имеются только грунтовые; в стране с железными дорогами — населеннее, чем в стране с шоссейными».[1]

Приведенные законы Адама Смита и Зомбарта действительно могут объяснить некоторые явления, относящиеся к движению населения в городах и между прочим рост городского населения, соответствующий росту прибавочного продукта, или хотя бы факт быстрого упадка городов в СССР и массового выселения горожан в годы гражданской войны и военного коммунизма, когда прибавочный продукт деревни был сам по себе недостаточен и не мог быть привлечен в города в нужном количестве. Однако приходится заметить, что 1) в тезисах Смита и Зомбарта речь идет не о всем прибавочном продукте, а лишь о продукте сельского хозяйства, и что 2) приведенные законы имели гораздо больше значения во времена Адама Смита, чем в нашу эпоху мирового хозяйства и развитых средств сообщения, когда областью, питающей любой крупный город, является не ближайшая сельскохозяйственная территория, а весь мир. Достаточно указать на Лондон, получающий хлеб из Северной Америки, Индии и Голландии, мясо из Австралии и Аргентины, яйца из Франции, масло из Дании и Н. Зеландии и т. д. По мысли Адама Смита, которую без критики повторяли Милль, Рикардо и приводят многие современные урбанисты и на которую сильно повлиял физиократизм с его «чистым продуктом» (produit net), город является как бы безусловным эксплуататором деревни, подобно античному потребительному городу.

---

[1] В. Зомбарт, цит. соч., стр. 162. Мы помещаем законы А. Смита и В. Зомбарта не в отделе «Теории городов» и не в главе «О законах урбанизма», а в историческом отделе по той причине, что они не соответствуют эпохе мирового хозяйства, а носят чисто исторический характер и всецело применимы лишь к миновавшей эпохе.

Между тем в большинстве современных индустриальных центров жестоко эксплуатируется не столько деревня,[1] сколько городской пролетариат, индустриальные же города в целом, как будет указано ниже, живут не только за счет прибавочного продукта деревни, но главным образом за счет собственной обрабатывающей промышленности, обменивая свою продукцию на сельскохозяйственные товары. Современный производительный город часто еще больше нужен деревне, чем деревня городу; и с тем же правом можно было бы сказать, что культурная деревня живет за счет «прибавочного продукта» городской обрабатывающей промышленности, а также за счет тех сравнительно высоких хлебных цен, которые город обусловливает своим усиленным спросом, повышая тем дифференциальную земельную ренту. При современном общественном разделении труда город выполняет свою важную производительную функцию, а деревня — свою, и оба эти элемента объективно необходимы для капиталистической системы. Поэтому в законе Адама Смита и выводах Зомбарта для нашего времени содержатся в сущности лишь те избитые истины, что без питания извне город существовать не может (как не может существовать и культурная деревня без городской продукции) и что при натуральном хозяйстве деревни, когда она потребляет сама почти все, что производит, значительная концентрация населения в городах невозможна, если в то же время международный обмен недостаточен. Во всяком случае изложенные «законы» не объясняют непосредственной связи между ростом прибавочного продукта в стране и ростом городского населения.

Гораздо больше можно извлечь для теоретического познания, анализируя вторую категорию факторов и устанавливая зависимость между ростом городов и капиталистической системой хозяйства, во-первых, в современной деревне, а затем и в современном городе.

Все писатели, которые занимались вопросом о «деревенском отходе», констатируют, что деревенские жители и сельские рабочие решаются на переселение лишь под влиянием крайней необходимости. «На опыте оказывается, — говорит еще Адам Смит, — что из всевозможных предметов, способных к передвижению, труднее всего перемещается человек».[2] «Нет ничего более характерного, — говорит Вандервельде, — как упорная привязанность крестьянина к тому уголку земли, где он всегда жил». «Нет надобности верить в чудо, — указывает Зомбарт, — будто бы массы, тысячелетия мирно и спокойно державшиеся за родную почву, внезапно, без всякой видимой причины, отрясли прах родины от ног своих и, одержимые духом бродяжничества и жаждой наслаждения, устремились в крупные города».[3] Действительно, чтобы создать такое явление, как массовое переселение людей, которые бросают свой

---

[1] О эксплуатации деревни городом см. главу XIV.

[2] Адам Смит, Исследование о природе и причинах богатства народов, пер. Бибикова, Спб.

[3] Зомбарт, цит. соч., стр. 199.

традиционный труд, свое привычное местожительство и нередко своих близких — для приспособления к новым, часто более тяжелым трудовым и жилищным условиям в незнакомой им среде, — требуются не «чары города», а какие-то специальные экономические условия, которые с железной необходимостью выталкивают деревенских жителей из деревни. Анализируя положение вещей в сельской Англии в период капиталистического накопления, Карл Маркс определенно указывает на эти условия в своем «Капитале»: «Расхищение церковных имений, мошенническое отчуждение государственных имуществ, захват общинной собственности, насильственное обращение феодальной собственности в современную частную собственность, произведенное с беспощадным терроризмом, — вот идиллические способы первоначального накопления. Ими завоевано было поле для капиталистического земледелия, земля присоединена к капиталу, и создан необходимый прилив «свободных» пролетариев к городской промышленности». [1] Рассматривая те же условия и в той же Англии, но в более поздний период (не изжитый еще и в настоящее время), Карл Маркс пишет: «Постоянное переселение в города, постоянное образование «относительного избытка населения» в сельских округах, вследствие сосредоточения земли в меньшем числе рук, употребления машин, обращения пашен в пастбища и т. д., идет рука об руку с постоянным лишением крова сельского населения вследствие разрушения его жилищ». [2] Действительно, еще в семидесятых годах прошлого века две трети Англии и Уэльса принадлежало 10 207 лицам и две трети Шотландии — 330 лицам.

Однако вопрос о концентрации капитала в сельском хозяйстве, на которую ссылается Маркс, возбудил, как известно, горячие споры, продолжающиеся и сейчас: многие экономисты (напр., Давид, Герц, Туган-Барановский) доказывали, что на самом деле мелкое землевладение во многих странах распространяется за счет крупного и вообще обнаруживает огромную живучесть, сохраняя свои позиции. Мы не можем, за недостатком места, входить в обсуждение этого спора, изучаемого в курсах политической и сельскохозяйственной экономии. Однако целым рядом исследований [3] несомненно установлен тот факт, что капиталистический процесс в общем и целом захватил и сельское хозяйство, в частности вызвав целый ряд явлений, клонящихся к выталкиванию из деревни значительной части коренных земледельцев. Явления эти следующие:

1) Окончательная ликвидация общинных полей и лугов. Эти пережитки древней сельской общины, которые еще не так давно существовали в Англии, Франции, Германии, Бельгии, всемерно опекая и задерживая крестьян в деревне, были

---

[1] Маркс, Капитал, т. I, глава XXIV, Экспроприация сельского населения, стр. 641.

[2] Там же, глава XXIII, стр. 606, 607.

[3] См., напр., Каутский, Agrarfrage, Н. Ленин (В. Ульянов). Аграрный вопрос и марксизм, ГИЗ, Л., 1924, а также работы Скворцова, Кажанова, Брушкуса и др.

отчасти ликвидированы во Франции законом 10 июня 1793 г., в Англии — биллями «Об огораживании» в течение XVIII и начала XIX в., в Германии — захватами, скупкой за бесценок, дроблением и т. д. Эти акты прямо и быстро способствовали опустению деревни, так как пролетаризировали беднейших крестьян.[1] То же произошло в России после земельной реформы Столыпина (указ 9 ноября 1905 г. и закон 10 июня 1910 г. о выходе крестьян из общины): быстрая ликвидация общинных отношений и пролетаризация беднейшей части крестьянства в 1905 — 1914 гг. не случайно совпали с интенсивнейшим в то время ростом городского населения. Впрочем, общинные отношения до сих пор еще не вполне ликвидированы даже в капиталистических странах: так, напр., общинное пользование сенокосом, лесами и лугами сохранилось в Швейцарии и Южной Германии, под названием альменды.

2) Машинизация сельского хозяйства. Применение машин в сельском хозяйстве, особенно усилившееся в конце XIX столетия (эпоха наибольшего роста городского населения), т. е. повышение органического строения капитала в земледелии, сильно сокращало количество рабочих рук, раньше применявшихся в сельском хозяйстве. Германская перепись земледельческих хозяйств 14 июня 1895 г. установила громадное распространение машинизации уже в то время, особенно в крупном сельском хозяйстве (94,16% хозяйств в 100 и больше гектаров употребляли сельскохозяйственные машины, в том числе сеялки — 50,14%, косилки и жатки — 31,75%, а паровые молотилки — свыше 80%). «Паровая молотилка, — говорит Каутский, — будет продолжать свою революционную работу: она будет гнать сельских рабочих в города».[2] Согласно образцовым данным монографии Chevalier, число земледельческих рабочих в общине Soing (Haute-Saône) было в 1852 г. 49 при 310 рабочих днях, а с применением машин для той же работы, в 1899 г., только 9 при 125 рабочих днях, причем аналогичные цифры мы встречаем и в других французских общинах. Последние труды доктора Pringsheim и P. Mack об электрификации сельского хозяйства доказывают на основании детальных вычислений, что массовое производство электрической силы для сельских хозяев сейчас единственное средство сделать земледелие снова доходным путем сокращения расходов на рабочую силу, лошадей и волов. Эта же внегородская электрификация, практически применяемая в Соединенных штатах и сокращающая роль рабочей силы в сельском хозяйстве, последовательно вытесняет земледельческих рабочих в города, что и служит, повидимому, одной из причин роста последних, который продолжается там и в наше время с прежней интенсивностью.[3]

---

[1] См. об Англии — Маркс, Капитал, глава XXIV, стр. 635; о Франции — Caucher, De la propriété communale, p. 38; о Германии — H. Sohnrey, Der Zug vom Lande, стр. 24; о Бельгии — Вандервельде, Бегство из деревни, стр. 63 — 74.

[2] Каутский, цит. соч., стр. 41.

[3] Вопрос о машинизации сельского хозяйства вызвал горячие споры, продолжающиеся и сейчас. Э. Давид и вся школа ревизионистов доказывали, что

3) Разъединение промышленности и земледелия. Обезземеленное в значительной своей части ликвидацией общинных полей и лугов, вытесняемое сельскохозяйственной машиной, беднейшее крестьянство пытается остаться на своей родине, т. е. в деревне, практикуя подсобные крестьянские промыслы, т. е. ремесло, кустарничество, мануфактурные занятия, но развитие капитализма и фабричного производства вытесняет их также из этого последнего убежища. Этот процесс всесторонне выяснен ныне в обстоятельных исследованиях [1] и многочисленных монографиях, [2] мы же дадим здесь лишь краткий его очерк.

Известно, что в виду сезонного характера земледельческого труда, дающего земледельцу возможность продуктивно работать на сельское хозяйство лишь известную часть года, остающаяся часть года у него остается свободной, и рабочий труд может быть употреблен на другие занятия. Не менее известно, что это обстоятельство особенно сильно сказывается в тех странах, где, как, напр., в РСФСР, приблизительно 7 — 8 месяцев в году вследствие климатических условий неудобны для сельскохозяйственной работы. Побочные промыслы для земледельца становятся не только возможными, но и необходимыми, когда земледелие дает недостаточно дохода и не покрывает обязательных расходов крестьянства (особенно по уплате налогов и податей).

В период натурального хозяйства земледелец всегда прибавляет к своему урожаю продукты, добытые из леса или соседней реки, и посвящает свой вынужденный досуг на домашнее производство большинства предметов, предназначенных для собственного потребления. В эпоху более развитого обмена соединение чисто земледельческого труда и побочных промыслов продолжает господствовать в деревнях в тех случаях, когда земли или урожая недостаточно. Даже в начальный период капиталистического строя наблюдается, как правило, то же соединение земледельческого и промышленного труда, но уже в других формах: поселяне переходят, в виде подсобного или главного занятия, к кустарничеству и сельским промышленным производствам, продавая свои продукты на рынок соседнего города. Часть этих занятий тесно связана с земледелием. К таким промыслам и занятиям следует отнести лесные промыслы (рубка, обделка материала, расчистка, посадки), мукомольный промысел, производство деревян-

---

сельское хозяйство в процессе интенсификации требует все большего количества ручного труда, относительно суживая работу машин. Факты доказывают обратное. В Соединенных Штатах, стране недавно еще экстенсивного, но ныне усиленно интенсифицирующегося сельского хозяйства, американская ферма с 100 головами рогатого скота и с посевами 200 — 350 десятин обслуживается 3 — 4 рабочими (доклад Юрмалиата, «Вестн. С. Х.», 1924 г., № 4, стр. 24, цитировано по Конюкову, С.-х. экономия, ГИЗ).

[1] См. особенно классическую работу В. И. Ленина (В. Ильин), Развитие капитализма в России (несколько изданий) и наиболее ценные части цитированных уже нами работ Вандервельде: Бегство из деревни, стр. 80 — 102, Деревенский отход, стр. 46 — 67, и Притягательная сила городов, стр. 6 — 20.

[2] Ansiaux, Génart, de Laveley, Dubois, Sohnrey, Fletcher.

ной обуви и лаптей, винокурение, плетение корзин и соломенных шляп, ручное ткачество, производство кружев, гвоздарный и веревочный промысел, производство простейшей мебели, деревянных изделий, гончарное, щеточное, замочное и даже оружейное производство. В конце XVIII и начале XIX столетий эти промыслы были широко распространены среди сельского населения, давая ему подсобные заработки, пока машинная техника, увеличивающая во много раз производительность труда и уменьшающая цену товаров, не вступила в конкуренцию с элементарными орудиями мелких крестьянских промыслов. Вандервельде показывает, как шаг за шагом убивались эти промыслы городским фабричным производством. Его исследование касается одной Бельгии, единственной страны, где правильно организована статистика передвижения населения, но может быть отнесено ко всем другим капиталистическим государствам, в которых указанный процесс происходил в то же время и с той же силой.[1]

В 1843 г., согласно анкете бельгийского правительства, 328 249 крестьян работали у себя дома в льняной домашней промышленности. В конце 50-х гг. текстильная промышленность обращается в фабричную механическую промышленность, и 300 тысяч сельских рабочих, не выдержавших ее конкуренции вследствие понижения цен, были выброшены на улицу, причем свыше 75% из них переселились в города. В 1880 г. оставалось только 18 тыс. домашних рабочих в этой отрасли мелкой промышленности, а в настоящее время они совсем исчезли. В 1835 г. в бельгийских деревнях было до 2 000 мелких водочных и пивоваренных заводов, в настоящее же время их осталось только сто, а остальные погибли в борьбе с 12 крупными городскими заводами, причем работники из сел переселились в города, поступив на крупные заводы. Попытка кооперации поддержать деревенские заводы выпуском акций в 1896 г. ни к чему не привела. Так же погибли мелкие оружейники в окрестностях Льежа, кустари, выделывающие сабо (деревянную обувь) в Арденнах, ножевщики в окрестностях Gembiaux. Кустарное производство бумажных материй в Ватерлоо убито механическим ткацким станком, и ткачи-кустари отправляются в Брюссель на каменные и штукатурные работы. Пильщики исчезли после применения локомобилей к пилению леса. Старинное национальное производство в долине Geer — плетение соломенных шляп из ячменной и пшеничной соломы, прославленной своей крепостью, гибкостью и белизной, — доставляло заработок тысячам женщин, девушек и детей. В 80-х годах его убивает механическое шляпное производство Брюсселя и Парижа в связи с новой модой, враждебной кустарному производству. Общая картина ясна: машина, цены, мода, вся конъюнктура капитализма — убивают крестьянские промыслы, и деревенские кустари по необходимости поступают на городские фабрики. Так город поглощает промышленную деревню,

[1] Нами излагается исследование Вандервельде потому, что оно дает наиболее яркую и краткую картину вытеснения фабрикой мелкого крестьянского производства и притом в связи с проблемой городов. В рассматриваемом отношении цитированные работы названного автора пользуются репутацией классических.

не околдовывая ее своими гипнотическими чарами, как поет бельгийский поэт Верхарн, а самым простым и прозаическим технико-экономическим путем.

В. И. Ленин[1] рисует нам в России тот же процесс постепенного превращения домашнего крестьянского производства в ремесло, которое, в свою очередь, постепенно подчиняется торговому капиталу, превращаясь в кустарничество; последнее с течением времени становится все более и более зависимым от этого торгового капитала вплоть до возникновения домашней системы крупной капиталистической промышленности, которая имеет свою главную резиденцию уже в городе. Отчасти и у нас кустарничество погибает в непосильной борьбе с фабрикой.[2] Однако этот процесс как в дореволюционной России, так и в СССР еще далеко не завершился. Потерпев крупный урон в эпоху гражданской войны и военного коммунизма, несколько миллионов сельских кустарей теперь сильно оправились, отчасти в связи с новой экономической политикой, отчасти вследствие общей отсталости нашей индустрии. Крестьянский быт и рынок еще всецело довольствуются кустарным производством в целом ряде промышленных отраслей. Напр., грубая мужицкая телега, сколоченная кустарем, гораздо более приспособлена к езде по варварским проселкам, чем дитя фабрики — автомобиль. Заключительный акт процесса, описанного Вандервельде и В. Лениным, у нас еще впереди, и предстоящая индустриализация страны, как и в Бельгии, без сомнения, еще долго будет служить фактором роста городского населения.

4) Земледельческий кризис. Соединенному действию описанных факторов, выталкивающих из деревни излишки населения, сильно способствовал в 90-х годах XIX в. земледельческий кризис, вызванный понижением морских транспортных цен, усиленным сооружением железных дорог и приливом в Западную Европу хлеба не только из Северной Америки, но также из Индии, Бразилии, Аргентины и других заокеанских стран при соответствующем этому усиленному предложению падении цен на сельскохозяйственную продукцию. Этот кризис, давно подготовлявшийся, но внезапно разразившийся, вызвал обширную литературу[3] и вопли аграриев в парламентах; тогда же было произнесено известное крылатое словечко министра Бюлова о том, «что наплыв хлеба из Америки, Индии и России более страшен, чем бури Атлантического океана, эпидемии Ганга и набеги казаков».

До конца XIX столетия земельная рента непрерывно росла в Европе, удвоившись в период с 1850 по 1890 гг., что объяснялось общим ростом населения, а в частности ростом городов и, следователь-

---

[1] В. И. Ульянов-Ленин, Развитие капитализма в России, Собр. изд., М., 1926 г., стр. 226 и след.

[2] Этот вопрос подробно разрабатывается в ценной работе М. Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем», изд. «Моск. Рабочий», М., 1922, см. часть II, глава IV. Борьба фабрики с кустарем.

[3] См. напр. обстоятельный очерк Leplae, La crise agricole anglo-belge, 1894.

но, увеличивающимся спросом на продукты земледелия. О том, как увеличивалась в середине прошлого столетия во Франции и Бельгии упомянутая рента на гектар, может дать представление следующая табличка средних арендных цен на пахотную землю: [1]

1846 — 1849	68	франков
1850 — 1854	70	»
1855 — 1859	82	»
1860 — 1864	102	»
1865 — 1869	108	»
1870 — 1874	116	»

Этот рост земельной ренты обогащал, конечно, не сельскохозяйственных рабочих, а землевладельцев и фермеров, но внезапное падение упомянутой ренты в конце XIX в. всей своей тяжестью обрушилось на наемный земледельческий труд, ибо снизило спрос на рабочие руки, усилило распространение сельскохозяйственных машин, а в Англии привело к расширению пастбищ за счет пахотной земли в виду окончательного перехода к скотоводству и производству шерсти. Между тем везде, где пашня превращается в луг, число рабочих рук уменьшается, и начинается эмиграция.

Этот дешевый хлебный продукт отсталых стран, отличающихся своим аграрным простором, экстенсивными системами земледелия и низким сложением капитала, — продукт, добываемый притом людьми с еще скромными потребностями и привыкшими к сравнительно низкой заработной плате, произвел в Западной Европе настоящий экономический переворот, который особенно сильно сказывается и в настоящее послевоенное время: с 1920 г. рецидив сельскохозяйственного кризиса несомненен. Капитал в Западной Европе начинает избегать зернового хозяйства, как сравнительно малодоходной сферы применения. То разделение труда, которое началось еще в античном мире в мелких хозяйственных единицах, привело в средние века к противоположению ремесленного города и сельскохозяйственной деревни, а теперь начинает обнаруживаться в международном масштабе. Капиталистические страны все охотнее переходят к промышленности, отчасти просто сокращая площадь запашки, как это было во Франции после войны (под хлебные злаки было засеяно в гектарах в 1913 г. — 13 511 360 и в 1923 г. — 9 590 370), [2] отчасти, как в Англии, переходя к пастбищному скотоводству с целью выделки шерсти и, наконец, как в Германии и Бельгии, обращаясь от зерновой культуры к огородничеству, садоводству, птицеводству, молочному хозяйству. Правда, из капиталистических стран Соединенные штаты Северной Америки на первый взгляд составляют исключение, так как, пользуясь временным повышением цен на сельскохозяйственные продукты во время войны и беспомощным положением Европы, они расширили сельскохозяйственную деятельность, причем, по данным А. Деманжона, [3] к 1918 г. сбор пшеницы возрос от 190 до 334 млн гектолитров,

---

[1] H. Denis, La dépression économique et sociale et l'histoire des prix, 1895.

[2] Материалы для изучения мирового хозяйства, 1924, III — IV, 108.

[3] А. Деманжон, Экономический упадок Европы, М., 1922, стр. 12.

сбор овса — от 294 до 560 и сбор картофеля — от 77 до 135 млн гектолитров. Однако и Соединенные штаты не избежали с 1923 г. сельскохозяйственного кризиса, а в некоторых штатах дело дошло до того, что процент, уплачиваемый за сельскохозяйственный кредит, оказывался выше, чем общий процент прибыли сельскохозяйственных предприятий.

Указанный процесс не имеет еще всеобщего характера, но соответствующая тенденция вырисовывается достаточно рельефно. Падение рентабельности сельского хозяйства, способствующее бегству поселян в города (в Западной Европе), видно хотя бы из следующих цифр. Во Франции индекс оптовых цен на промышленные изделия поднялся с 1913 г. по 1924 г. от 116 до 500, а индекс цен на зерновые хлеба — с 116 только до 399, причем заработная плата французского земледельца поднялась за то же время на 300%, а парижского землекопа — на 400%[1]. Наоборот, страны со слабо развитым капитализмом расширяют распашки и сбывают на европейских рынках свой дешевый хлеб. Одновременно капиталистические страны ведут колониальные войны, отыскивая рынки для сбыта своих промышленных изделий, и империалистические войны между собой в той же борьбе за эти рынки. В результате сельскохозяйственная деревня в капиталистических странах, при развитии мирового обмена, как бы теряет свой смысл существования и жмется к индустриальным центрам обрабатывающей промышленности, всемерно способствуя их росту.[2] Этот процесс международного разделения труда подробно рассматривается в современных исследованиях по экономии промышленности, но он должен быть учтен и муниципальной теорией, как один из важнейших факторов роста промышленных центров.

Наш очерк был бы неполным, если бы мы не остановились на последней общей, коренной причине выталкивания поселян из деревни, а именно на законе падающей производительности затрат в сельском хозяйстве. На этом законе, который, впрочем, напрасно признается некоторыми социологами (напр., Л. Брентано) единственным фактором относительного опустения деревни, основана так называемая земельная рента № 2, т. е. сверхдоход, получаемый землевладельцами, сделавшими первые затраты на участок земли, по сравнению с лицами, делающими последующие затраты на тот же участок. Правда, некоторые марксистские экономисты признают за этим законом не экономическое, а лишь техническое значение, но и в последнем его понимании роль падающей производительности затрат остается весьма важной.[3]

---

[1] А. М. Гинзбург, Экономия промышленности, стр. 71.

[2] Указываемые Н. Бухариным, на основании исследований Emil Lederer, цифры (см. Экономика переходного периода) о временном повышении цен на сельскохозяйственную продукцию и повышении рентабельности сельского хозяйства во время войны не могут поколебать наших выводов, по крайней мере для Европы послевоенной.

[3] Вопрос о законе падающей производительности затрат — один из самых спорных в экономической литературе. Тюнен, Аверофов, Людогов-

Еще К. Маркс указывал на то, что в индустрии человек, имея дело с механическими законами и мертвой природой, всецело господствует над ней и что, наоборот, в сельском хозяйстве, встречаясь с биологическими законами и живой природой, он лишь о к р у ж а е т ее. Отсюда, при последовательных затратах труда и капитала в индустрии, мы получаем пропорционально увеличивающийся эффект, а в сельском хозяйстве каждая новая затрата труда и капитала на тот же земельный участок дает все меньший эффект, и вскоре дальнейшие затраты делаются экономически невыгодными. Одним словом, наступает естественный предел интенсификации хозяйства, и если бы его не было, то с логической точки зрения можно было бы весь мир прокормить одним участком земли. Правда, развитие техники — применение машин, удобрений, переход к многополью и т. п. — может видоизменить действие этого закона, но в сельском хозяйстве остается безусловным фактом о г р а н и ч е н н о с т ь земли. Если в индустрии мы можем рядом с одной машиной поставить другую, удвоив тем произьодственный эффект, то, напротив, удвоить количество пахотной земли и продуктивность естественных факторов плодородия в большинстве случаев невозможно.

Отсюда, при растущем количестве населения и при полном использовании земли, сельскохозяйственная деятельность становится все менее выгодной, и наконец наступает тот технико-экономический предел, за которым излишки рабочего населения вынуждены переменить занятия, при безраздельном же господстве фабрики — переселиться в индустриальный центр.

Сторонники субъективизма и эклектики очень часто присоединяют к изложенным нами вкратце главным экономическим факторам выталкивания поселян из деревни, которые почти все могут быть сведены к одной причине, а именно к развитию капитализма, еще целый ряд разнообразных причин. К таковым относятся, напр., воинская повинность, «приучающая солдат к праздности и отучающая их от тяжелой полевой работы» (М а н с е а u), социальная «капиллярность», толкающая наиболее развитых рабочих к менее тяжелым занятиям, желание избавиться от однообразия и скуки деревенской жизни, недостаточная медицинская помощь в деревне, при которой болезнь одного из членов семьи часто гонит в город всех его близких (М е l o t). Нам думается, однако, что перечисление и разбор всех возможных «мотиваций», объективно трудно учитываемых, по существу спорных и совершенно ничтожных по сравнению с решающими производственными моментами, которые лежат в самой основе экономического строя данной эпохи, могли бы только затемнить проблему. Мы считаем факторы, относящиеся к деревне, достаточно выясненными и переходим к рассмотрению третьего разряда причин муниципального роста, а именно к у с л о в и я м п е р е д в и ж е н и я.

ский, П. Маслов, Косинский, Бруцкус, Суханов — безусловные его сторонники; Родбертус, Прудон, Кропоткин, Каблуков, Скворцов, Бажаев категорически отрицают его. В. И. Ленин признает за ним техническое значение, но отрицает экономическое.

Вопрос этот не требует сложного анализа. Ясно, что быстрота и дешевизна сообщения между деревней и городом должны способствовать как переселению в город на постоянное жительство, так и временной эмиграции на отхожие промыслы и, наконец, в особенности той форме выселения, которую Вандервельде называет «ежедневной эмиграцией». [1] В последнем случае рабочий ночует в деревне и ежедневно ездит на работу в город.

Как показывает опыт, о к о н ч а т е л ь н о е п е р е с е л е н и е в г о р о д, т. е. решающий фактор роста последнего, редко бывает результатом «авантюры» или актом «искания счастья на стороне». Убеждают земледельца решиться на этот шаг предварительная ориентировка, более или менее частые сношения с городом, связь, установленная с родственниками или знакомыми, живущими в городе. Переписи населения показывают, что около 40% пришлого населения города принадлежит к уроженцам соседнего округа. Приводим по этому поводу поучительную таблицу статистика H. L l e w e l l y n S m i t h,[2] разделившего английскую провинцию на шесть концентрических зон и доказавшего, что эмиграция провинциальных жителей в Лондон имеет тем меньше значения, чем дальше удалены их провинции от столицы.

П О Я С А	Среднее расстояние от Лондона в милях	Отношение на 1000 населения каждого пояса, живущего в Лондоне	Плотность населения на 1000 акров
1-й	23,8	166,0	800
2-й	52,5	121,4	488
3-й	90,9	61,2	540
4-й	126,0	32,0	516
5-й	175,7	16,2	800
6-й	236,9	24,9	406

До постройки железных дорог и регулярного действия почты в странах с небольшим количеством городов каждая деревня составляла своеобразный неподвижный и консервативный мирок, обитатели которого в массе своей часто не видели ни одного города и знали о городах лишь по наслышке. Еще недавно, до войны, в селениях Белоруссии с ее неразвитым сообщением и варварскими дорогами не редкость было встретить взрослого малого, не знающего даже названия ближайшего города. И если среднему городу в Западной Европе удалось поглотить окружающую его деревню, а крупному центру сосредоточить в себе лучшие соки целой страны, если американскому городу-гиганту в роде Нью-Йорка удается составлять особые квар-

---

[1] Цит. соч., стр. 141 — 163.
[2] H. L l e w e l l y n S m i t h, Influx of population, London, 1924.

талы из сотен тысяч эмигрантов заокеанских стран, то они во многом обязаны паровому двигателю на суше и на море, всемерно об. чившему как сношение с городом, так и вообще передвижение.

Что касается временных переселений сельских жителей в города на заработки или отхожие промыслы в периоды, свободные от земледельческих занятий, то это бытовое явление в дореволюционной России (крестьянский отход), почти прекратившееся в первые годы революции и теперь постепенно возрождающееся вместе с индустриальным и торговым оживлением городов, всецело покоится на железнодорожном и отчасти на пароходном сообщении. До постройки железнодорожной сети и введения правильных пароходных рейсов Россия указанных временных переселений не знала. На первый взгляд представляется, что это явление не имеет никакого отношения к росту постоянного населения городов. Однако статистика показывает, что у нас до 23% временных переселенцев переезжает, в конце концов, в города окончательно. В Италии и восточных провинциях Германии этот процент значительно выше и достигает максимума (60%) в Англии. Таким образом, временное переселение является лишь переходной ступенью к постоянному жительству в городе.

Наконец, что касается так называемого ежедневного переселения людей, живущих в деревне, но занятых в городе, всецело обусловленного дешевизной и легкостью передвижения на специальных рабочих поездах, пароходах, трамваях, а в Соединенных штатах — на автомобилях, чрезвычайно распространенных даже в рабочей среде, то это явление на первый взгляд действует в направлении, прямо противоположном росту города, ибо позволяет городским рабочим жить в деревне, но на самом деле и оно в конечном счете часто благоприятствует городам. Окрестные деревни благодаря этому застраиваются, втягиваются в орбиту крупных центров, входя первоначально в их предместья и пригороды, а затем, после присоединения последних, — в составную часть больших городов. Правительства и коммуны, находящиеся в руках буржуазии, всячески покровительствуют легкости и дешевизне рабочих сообщений между деревней и городом, так как капитал, при его расширенном воспроизводстве, предъявляет все новый спрос на рабочие руки и притом заинтересован в наиболее широком предложении труда, понижающем заработную плату. Отсюда — «бесплатные» четвертые классы на колоссальных трансатлантических пароходах, доставляющих рабочую силу в Америку,[1] уменьшенные тарифы для рабочих в обыкновенных поездах, введение специальных рабочих поездов, недельных абонементных билетов и т. п. Таким образом не только развитие техники передвижений, но и государственная транспортная политика действуют,

---

[1] Нам лично пришлось убедиться в 1907 г., чего стоит эта «бесплатность». Во-первых, переезд через океан при невозможных условиях, вповалку, и голодное питание; во-вторых, длительный карантин близ Нью-Йорка и отправка обратно всех заболевших или недостаточно сильных; в-третьих, после дующая «отработка» бесплатного переезда, чаще всего на самых тяжелых и вредных производствах. Все это резко контрастирует с обстановкой пассажиров первого класса.

часто несознательно, все в том же направлении, способствуя росту городов. Напр., необычайно быстрый рост Брюсселя, столицы маленького государства, ныне приближающегося по массе своего населения к городам-гигантам, был во многом обязан крайней дешевизне рабочих абонементных билетов, введенных еще в 1870 г. За недельный купон, дающий право сделать шесть поездок, рабочие платят только 2,25 франка за 50 *км*. Между тем обыкновенному пассажиру о д н а поездка на то же расстояние в 3-м классе обходится в 3 франка. В 1870 г. число выданных дешевых билетов равнялось 14 223, в 1875 г. — 193 675, в 1880 г. — 355 556, в 1885 г. — 667 522, в 1890 г. — 1 188 415, в 1895 г. — 1 759 025, в 1900 г. — 4 515 214, и лишь в начале XX столетия, благодаря промышленному кризису, это число начало временно едва заметно падать. Как видно, ежедневное переселение приняло массовый характер, и в настоящее время свыше 150 тыс. городских рабочих живут вне бельгийской столицы на более дешевой земле, занимаясь подчас при помощи семьи еще и обработкой земельных парцелл, содержа лошадей, коров, свиней у себя дома. В результате, пригородные местности Брюсселя и более далекие окрестности усеялись частыми деревнями и почти сплошь застроенными пространствами, постепенно входившими в городские предместья, а затем и в селитебную черту. Аналогичные данные приведены П. Ф о й г т о м[1] о Берлине. В этот город ежедневно ездит на работу и отчасти на учение из далеких предместий до 25 тыс. владельцев месячных и недельных рабочих билетов, и до 35 тыс. для той же цели пользуется городской и круговой железной дорогой. Вместе с их семействами это составляет население в 250 000 душ. Приведенные цифры за каждое пятилетие увеличиваются приблизительно в полтора раза. А. Б е б е л ь так характеризует это явление:[2] «В непосредственной близости городов все окружающие деревни принимают также городской характер, и пролетариат скопляется в них большими массами. В конце концов город и деревня вплотную примыкают друг к другу, и тогда последняя поглощается первым, как планета, чересчур близко подошедшая к солнцу».[3] Иногда та же транспортная политика приводит к образованию новых городов в соседстве большого города (города-спутники, или сателиты) и притом всегда способствует разгрузке центральных и деловых частей крупного центра, о чем речь будет впереди.

Резюмируя сказанное, мы видим, что одно и то же основное явление эпохи, а именно развитие капитализма, породило целый ряд явлений, которые на первый взгляд мало связаны между собой, но почти всегда «льют воду на мельницу больших городов». Капитализм, выталкивая из деревни излишки населения, а иногда и разрежая это население, концентрировал его в колоссальных агломерациях людей, занятых обрабатывающей промышленностью и торго-

---

[1] Paul V o i g t, Grundrente und Wohnungsfrage in Berlin und s. Vororten, 1901, S. 175.

[2] А. Б е б е л ь, Социализация общества, пер. с нем., стр. 80 и след.

[3] Георг М а й р правильно называет это явление и н к о р п о р а ц и е й новых общин (см. «Население больших городов»).

злей. Сельское население в массе своей никогда не было «околдовано» городом, подчас проклинало его и цеплялось за свои привычные занятия и быт, но экономическая необходимость оказывалась сильнее, чем челогеческая психология, и заставляла поселян привыкать к городу. Только в XX в. обнаружилась обратная волна, которую Вандервельде назвал «возвращением к полям»; однако эти «поля», как мы увидим ниже, имеют уже мало общего с традиционной деревней.

Остается неразработанной четвертая категория причин урбанизации, а именно факторы, относящиеся к самим городам. Выяснив внешние причины и условия роста городов в их исторической обстановке, мы не коснулись еще внутренних сил их развития и той присущей городу собственной притягательной мощи, о которой столько говорится. В общем и целом этот последний вопрос кажется ясным. Современные города — опорные пункты и центры торгового, промышленного и финансового капиталов, которые предъявляют вследствие закона о воспроизводстве и закона об абсолютном возрастании переменного капитала в промышленности не прекращающийся и все время растущий спрос на простую и квалифицированную рабочую силу.[1] Те массы сельского населения, которые были вытолкнуты экономикой из своих насиженных мест и к услугам которых имеются развитые средства передвижения и сношений, находят в городах естественный выход из своего положения и надежное пристанище. В тех случаях, когда предложение рабочей силы недостаточно, как это было в Соединенных штатах, цена на товар, т. е. на рабочую силу, растет, заработная плата повышается и привлекает трудовое население издалека. Одним словом, происходит то же самое явление, что и с мертвым товаром, естественно устремляющимся в пункты наибольшего спроса, т. е. наивысших рыночных цен. Все это так, но главный вопрос, как именно и почему данное место, а не другое место рядом делается центром сосредоточия капитала, продолжает оставаться в тени. Выяснению поставленного вопроса, а также и многих других не менее важных, поможет только тот внимательный анализ современного города, которому будут посвящены следующие главы.

---

[1] Карл Маркс так формулирует разрешение этого вопроса: «По самой своей природе, капиталистический способ производства постоянно уменьшает земледельческое население сравнительно с неземледельческим, так как в промышленности (в узком смысле) возрастание постоянного капитала на счет переменного связано с абсолютным возрастанием переменного капитала, несмотря на его относительное уменьшение. Наоборот, в земледелии переменный капитал, требуемый для обработки данного участка земли, уменьшается абсолютно; следовательно, возрастание переменного капитала возможно лишь тогда, когда подвергается обработке новая земля, а это опять-таки предполагает еще большее возрастание неземледельческого населения» (Das Kapital, III, 2, 177, русск. пер., стр. 526). Переводя эту цитату на более популярный язык, мы скажем так: «В промышленности потребное количество рабочих рук все время растет, несмотря на увеличение количества машин и прогресс техники, а в земледелии машинизация уменьшает потребное число рабочих, и последнее будет расти лишь с обработкой новых земель. Между тем к этой обработке приступают лишь при увеличении спроса на продукты питания со стороны растущего населения, и в свою очередь увеличение источников питания делает возможным рост неземледельческого населения»

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ТЕОРИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

МЕТОДОЛОГИЯ

Историческая часть нашего исследования закончена. Приступая к анализу капиталистического города, необходимо прежде всего наметить пути исследования и методы его изучения. Эти пути еще далеко не установлены, так как общее учение о городе — дисциплина молодая, находящаяся только в периоде образования и не знавшая до сих пор концентрированного изложения. Правда, практические требования жизни вызвали обширную литературу о современном городе, но последняя отчасти распылена в монографиях по отдельным муниципальным вопросам, а отчасти содержится в соответствующих разделах целого ряда научных дислиплин.

Действительно, современный город, в виду крайней многогранности уклада его жизни, может быть изучаем с разных сторон и с различными целями. Его рассматривают географ, историк, социолог, экономист, строитель, санитарный деятель, психолог, даже эстет и моралист, — каждый со своей точки зрения и со своими методами исследования. Эти специфические уклоны или профессиональный субъективизм в изучении современного города проявляются очень ярко и до сих пор не привели к построению единой систематической теории урбанизма.

Некоторые урбанисты[1] рекомендуют еще комплексно-синтетический метод, который стремится подойти к «целому», т. е. к городу, путем учета всех перечисленных критериев. Как вспомогательное средство к проведению последнего метода предлагается экскурсия в город, которая «позволяет исследовать все ее элементы в их конкретной, естественной обстановке».

Однако едва ли можно сомневаться в том, что такой комплексно-синтетический метод и вспомогательные экскурсии для изучения всех элементов города и его синтетического целого могут быть подходящим средством только для средней школы, как толчок к поучительным беседам и орудие первоначального развития молодежи, с научной же точки зрения они привели бы лишь к самому непродуктивному

---

[1] См., напр., Н. П. Анциферов, Пути изучения города как социального организма, опыт комплексного подхода, Л., 1925, стр. 719; А. А. Коленкин, Русский город и его роль в прошлом и настоящем, дальняя экскурсия, Л., 1924; Информационный бюллетень Ленинградского Губоно № 36.

плюрализму и дилетантскому эклектизму. В современном городе бьется пульс всей нашей богатейшей культуры, и попытка охватить последнюю с ее бесчисленными элементами и с различных точек зрения за раз, конечно, оказалась бы безнадежной.

Такой же антинаучной представляется и часто повторяемая не только у нас, но и на Западе попытка построить теорию города на сравнении его с естественным организмом, выдвигая «анатомию города», его «физиологию» и «психологию», сравнивая городские улицы с артериями, свободные пространства или парки — с легкими, центральный рынок — с пищеварительным аппаратом и т. д. Несостоятельность органической школы в социологии Герберта Спенсера, Лилиенфельда, Вормса и других выяснена уже давно,[1] причем была доказана полная бессодержательность поверхностных аналогий между социальными и естественными «организмами». Так же, как и общество, город — не есть организм: сознают, чувствуют, действуют лишь его «клеточки», т. е. граждане, а не сам «организм», т. е. город, лишенный единого и собственного чувствилища; граждане могут покидать город, эмигрировать из него, переезжать из города в город, а части «организма» лишены этой возможности, и т. д. Перечислять все выставленные против органической теории аргументы, за недостатком места, мы считаем излишним.

Наконец, и чисто индуктивный метод построения общего учения о городе — посредством эмпирического изучения индивидуальных случаев и их обобщения — сказывается недостаточным. Применяя только этот метод, мы бы повторили ошибку исторической школы в политической экономии (Вильгельм Рошер, Бруно Гильдебранд, Карл Книс и пр.), которая стремилась вывести экономические законы исключительно из наблюдения над отдельными и конкретными хозяйственными явлениями в их историческом развитии. Существующие города слишком разнообразны, сложны и многочисленны и чересчур связаны с другими социальными образованиями, чтобы можно было, анализируя их конкретные элементы, подняться от частного к общему и построить муниципальную теорию как нечто самостоятельное и независимое от общей социально-экономической науки.

При всех изложенных неудачах, найти рациональный метод для построения теории современного города возможно, и после всего изложенного в семи предшествующих главах этот метод уже начинает выясняться. Необходимо лишь вполне отрешиться от профессионально-субъективных взглядов на современный город как на «организм» или жилище (одна из функций города), или географический пункт. Равным образом надо признать, что все модные рассуждения о больших городах как о спрутах, головоногих, вампирах, обладающих таинственной и развращающей силой, о «лике и душе» городов, относятся к области поэзии, художественной публицистики и лишены теоретического значения.

---

[1] См., напр., исчерпывающую критику органической теории в сочинениях Плеханова, Меринга, Трахтенберга, де-Роберти, Дюргхейма, Зиммеля и др.

Современный город как объект научного исследования есть раньше всего определенная социальная система, — это есть активный конгломерат людей, объединенных, во-первых, производственным и распределительным моментами и затем моментом потребительным в широком смысле этого слова. Между тем только экономика определяет общественную систему, и только через учет и исследование экономических отношений мыслимо этой системой овладеть. Поэтому единственным рациональным методом в создании теории современного города может быть лишь комбинированная индукция и дедукция при участии статистического метода или массового подсчета социальных явлений; т. е. тот же метод, каким Карл Маркс, с помощью умственной изоляции и абстрагирования, построил теорию политической экономии. Вся методологическая разница будет заключаться в том, что в политической экономии теория строилась посредством индукции и абстрагирующего синтеза, причем дедукция служила к построению деталей, прикладных сторон науки и для проверки экономических законов, а муниципальная теория должна быть по возможности целиком дедуцирована из готовой уже экономической науки, при постоянной и тщательной проверке ее в данной области индуктивным путем, посредством 1) анализа структуры и функций отдельных типичных городов и 2) анализа статистических данных. Одним словом, мы будем рассматривать современный город не только как «выразителя» господствующей системы хозяйства или надстройку над ней, но как естественную часть этой системы. Изложенным методом всецело пользовался Вернер Зомбарт, которым и были до сих пор достигнуты наилучшие результаты: первый, хотя и весьма скудный еще, остов теории капиталистического города построен им. Что же касается всей той богатой урбанистической литературы, в которой авторы (историки, географы, социологи, строители, художники и пр.) применяли другие подходы и критерии, то ими следует пользоваться «mutatis mutandis» как полезным вспомогательным материалом. Так, напр., историческими монографиями мы уже воспользовались при изложении краткого очерка истории городов, применив в этом очерке диалектический и абстрагирующий методы; в свою очередь географический материал будет вкратце использован в главе десятой и т. д.

Наконец, остается ответить на неизбежный вопрос: возможно ли рассматривать современный город в СССР как часть «капиталистической» системы и применять к нему, путем дедукции, законы политической экономии? По этому поводу надлежит указать, что города в СССР с их планировкой, хозяйственным и техническим оборудованием, с их бытом и даже идеологией, которые не могли быть в корне изменены в течение одного десятилетия, остались нам в наследство от капиталистической эпохи, и лишь постольку законы этой эпохи сказываются и на них. Вместе с тем в структуре и функциях этих городов уже произошли глубокие изменения, в зависимости от коренной революции в общей экономической и государственной системе; так, напр., от типичной для капиталистических и отчасти дворянских городов (какими были наши города до Октября) иерархии

классов, особенно резко выражавшейся в иерархии жилищ, не осталось и следа. Однако это обстоятельство не меняет принятого метода исследования. Города в СССР, их структура и функции должны рассматриваться как часть системы переходного времени: их классовый состав, учреждения, жизненные отправления, даже внешний облик, а тем более финансы и хозяйство — несомненно определяются диктатурой пролетариата, новой экономической политикой и проводимыми в жизнь элементами социализма. Впрочем, общая теория «переходного города» в данный момент еще не может быть построена за полным отсутствием научных исследований в этой области и за недостаточной еще теоретической разработанностью экономики переходного периода.[1] Общие же вехи упомянутой теории будут нами намечены в одной из следующих глав.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

КЛАССИФИКАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДОВ

Этот третий шаг в последовательном исследовании научного явления (вслед за рассмотрением дефиниционной и методологической проблем) имеет особо важное значение в урбанистической теории в виду крайнего разнообразия видов и форм городов. Ясно, что структура, функции и хозяйство такого города-гиганта, как, напр., Лондон, мало напоминают несложный уклад и скромную жизнь какого-нибудь городка, населения которого хватило бы не более чем на один многоэтажный столичный дом. Все финансовые расчеты и все технические приемы, начиная от типов планирования, строительства, освещения, средств сообщения и кончая социальной политикой, самые проблемы, наконец, жилищного обеспечения, оздоровления и их постановка будут в корне меняться в зависимости от размеров и предназначения города.

Известно, что классификации не имеют в науке абсолютного значения. Это прагматический прием, облегчающий достижение господства над явлениями, но и только. Классификаций в природе нет; их создают сами исследователи, в зависимости от поставленной задачи. Нами уже указывалось, что город исследуется различными дисциплинами, вследствие чего и урбанистических классификаций в литературе встречается много. Одна из возможных классификаций городов в их историческом развитии (с нашей точки зрения, наилучшая) была проведена в IV и V главах. В настоящей главе требуется найти такую классификацию, которая оказалась бы самым рациональным средством для анализа социально-экономической природы современных городов и их хозяйства.

---

[1] Единственной систематической работой, имеющей теоретический интерес в данной области, является до сих пор «Экономика переходного периода» Николая Бухарина, которая между прочим разрабатывает и вопрос о взаимоотношениях города и деревни в процессе общественной трансформации (стр. 73 — 87). К сожалению, однако, многие из соображений и выводов автора с 1920 г. (год издания труда) уже успели устареть.

Последняя задача нелегка, так как в молодых, еще неустановившихся дисциплинах, при некоординированности попыток различных исследователей и соответствующих практик разных стран, данный конкретный вопрос разрешается многообразно. Единой общезначимой классификации еще не выработано, что приводит к целому ряду нежелательных последствий, особенно же к трудности сравнений статистических данных в муниципальной области, а также формулировки синтетических выводов, а в результате — вообще к трудности построения общезначимой урбанистической теории. При данных условиях остается привести существующие важнейшие системы классификаций городов и попытаться дать им оценку. Одно из необходимых разделений городов — на город ю р и д и ч е с к и й (номинальный или официальный) и э к о н о м и ч е с к и й, т. е. город в научном смысле слова, — уже было нами сделано в первой главе.

Затем, с точки зрения социально-экономической и в частности с точки зрения городского хозяйства, весьма важным фактором, определяющим как социальный вес, так и систему хозяйства городов, является количество городского населения, тем более, что самым общим признаком города мы признали сгущение и сосредоточение граждан в одном месте. Поэтому сейчас первой нашей задачей будет найти целесообразную к о л и ч е с т в е н н у ю к л а с с и ф и к а ц и ю, которая могла бы указать на характерные с т у п е н и в росте городов и разделить их на количественные г р у п п ы с их характерным удельным весом и своеобразными хозяйственными потребностями. К сожалению, в этом отношении как административная, так и статистическая практика различных стран, за коими неизбежно следуют и урбанисты и ученые статистики соответствующей национальности, далеко не однородны. В Соединенных штатах, в которых, по законам большинства штатов, лишь поселение с 8 000 и более душ считается городом, чаще всего учитываются в первой группе города от 8 до 20 тысяч населения, во второй — от 20 до 50, в третьей — от 50 до 100, в четвертой — от 100 до 500 и в пятой — свыше 500 тысяч населения. Впрочем, в некоторых штатах даже миниатюрные поселения от 250 и до 5 000 человек называются официально городами (cities). В Англии обыкновенно учитываются группы городов с населением в 3 — 10 тысяч, 10 — 20, 20 — 50, 50 — 100, 100 — 250 и свыше 250 тысяч жителей (иногда же вводится дополнительно группа в 250—600 т. жителей). В Германии города с 2 — 5 тысячами жителей носят название Landstädte (города сельские), города от 5 до 20 тысяч жителей называются м е л к и м и, от 20 до 100 тысяч — с р е д н и м и и свыше 100 тысяч — б о л ь ш и м и (grosse Städte). Однако известное статистическое издание «Jahrbuch deutscher Städte» считает к р у п н ы м и городами населенные центры свыше 50 тысяч жителей, с чем согласен и Вернер З о м б а р т.[1] Во Франции соответствующие группы имеют: 1) от 2 до 10 тысяч жителей, 2) 10 — 20 тысяч, 3) 20 — 100 тысяч и 4) более 100 тысяч (L e v a s s e u r). Некоторые ранние

---

[1] Цит. соч., стр. 150.

статистики (Л е г у а, П а с с и)[1] начинали от 3 000 жителей, а современный французский закон признает городами лишь поселения в 5 тысяч жителей.

В дореволюционной России была принята с небольшими изменениями германская система, как ближе всего соответствующая административному признаку. Г о р о д а м и - с е л а м и признавались города менее 5 тысяч жителей (большинство безуездных и заштатных городов); м а л ы м и назывались города от 5 до 20 тысяч жителей (большинство уездных городов); с р е д н и м и — от 20 до 100 тысяч жителей (большинство губернских городов) и б о л ь ш и м и — свыше 100 тысяч населения. В СССР, соответственно закону, по которому всякое поселение не менее 1 000 жителей при определенном социальном составе (не более 25% земледельцев, согласно ст. 3 Общ. пол. о гор. и сел. пос.) является городом, приняты, при обработке данных переписей, следующие количественные группы: 1) от 1 000 до 10 тысяч жителей, 2) от 10 до 20 тысяч жителей, 3) от 20 до 50 тысяч, 4) от 50 до 100 тысяч и 5) свыше 100 тысяч жителей.

Солидный исследователь русских городов В. С е м е н о в - Т я н - Ш а н с к и й предлагает, по целому ряду соображений, нижеследующую классификацию:[2]

1) миллион жителей и свыше	столичные города
2) 100 000 — 1 млн жителей	крупные „
3) 40 000 — 100 тыс. „	большие „
4) 10 000 — 40 тыс. „	средние „
5) 5 000 — 10 тыс. „	малые „
6) 1 000 — 5 тыс. „	городки „
7) юридические города, не имеющие экономического оправдания	административные пункты
8) села с экономическими признаками городов	будущие города

Со своей стороны А. И. В о е й к о в[3] устанавливает общий минимум для настоящих городов земного шара в 20 тысяч человек.

Группировка В. С е м е н о в а - Т я н - Ш а н с к о г о едва ли может быть признана удачной: 1) из европейских столиц только пять обладают миллионным населением, 2) норма в 40 000 произвольна и ни одной из европейских практик не соответствует, 3) разделение на «крупные» и «большие» города терминологически неожиданно и может внести путаницу, 4) предсказание о «будущих городах» лишено объективности.

Переходя к общей оценке всего приведенного материала, мы прежде всего усматриваем его огромную пестроту, некоординированность и, принимая во внимание поставленную нами цель, чрезмерную сложность. Построить особо нормы городского хозяйства для 5 — 8 групп городов, при недостаточной еще разработанности муниципальной проблемы в целом, едва ли возможно. Излишняя дифферен-

---

[1] H. P a s s y, Des systèmes de culture en France.
[2] Город и деревня в Европейской России, стр. 73.
[3] В о е й к о в, Распределение населения земли в зависимости от природных условий и деятельности человека, стр. 656.

циация может лишь затруднить ее разрешение. На практике мы встречаем в настоящее время только три т и п а городского хозяйства, а именно: небольшие, средние и крупные города, и весь вопрос заключается в том, какие количественные нормы надлежит для них принять.

Повидимому, наиболее целесообразным путем в соответствующей ориентировке будет путь отыскания какой-то средней линии, которая, с одной стороны, не расходилась бы резко с господствующей научной и административной практикой, а с другой — соответствовала бы реальным городам в СССР и их хозяйству. Нет никакого сомнения в том, что норма в 1 000 человек, принятая и притом чисто декларативно и нашем советском законе, слишком низка. Что такое русский «город» в тысячу жителей? Среднее количество жителей в одном городском жилом строении у нас колеблется между 5 (Шенкурск, Вельск, Сольвычегодск, Медынь, Суздаль, Чигирин, Ставрополь, Георгиевск, Майкоп, Кутаис, Нарым, Минусинск) и 52 (Ленинград); в среднем для небольшого города оно составляет 8 человек. При подавляющем большинстве деревянных строений в небольших русских городах, «город» в тысячу жителей заключал бы в себе около 125 деревянных домиков. Обращаясь к годовому бюджету, мы отметим, что муниципальный расход на одного жителя небольшого города СССР в среднем составляет 4 рубля, понижаясь в отдельных случаях до 75 копеек. Следовательно, годовой бюджет города в тысячу жителей составлял бы в среднем 4 000 рублей, т. е. не более потребительного бюджета о д н о й зажиточной семьи, а в единичных случаях — 750 рублей. При таких условиях, о каком собственно городском, т. е. общественном, хозяйстве может итти речь?

Независимо от этих соображений, надо только удивляться той бедности социальной терминологии, по которой г о р о д о м, с одной стороны, называется колоссальный конгломерат людей в 6 — 8 млн (Нью-Йорк, Лондон), а с другой — рабочий поселочек в 1 000 жителей, и, напротив, легко понять, что «статья третья» Общего положения о городских и сельских поселениях осталась во многих случаях декларативной. Применив ее на деле, мы бы получили сотни городов в одном Донбассе или на Урале с их хозяйством, не выдвигающим ни одной типичной городской проблемы.

Теоретически правильнее всего было бы начинать счет городов с поселений в 10 000 человек, но, имея в виду европейскую практику, также и современное положение вещей в СССР, мы условимся начинать учет городов и городского хозяйства с поселений в 5 тысяч жителей. Грань между небольшим и средним городом, конечно, всегда останется условной, но, базируясь на господствующей европейской практике, а также и на том факте, что коммунальное хозяйство русского города не свыше 20 тысяч жителей, обычно лишенного водопроводов,[1] канализации,[2] трамваев,[3] культурного освещения, боен

---

[1] Из небольших городов (до 20 тыс.) имеют в настоящее время водопроводы только Арзамас (построен в 1912, длина 5 верст, с фильтром Джуэль), Нинчов (длина 250 саж., ключевой), Малмыж (построен в 1865 г., 480 саж., из родника), Спасск (в 1896, 2 версты, ключевой), Красноводск (в 1903 г., 3 вер., опреснитель), Мензелинск (2 вер., ключевой, из родника), Кинешма (в 1904 г., 5 вер.), Бузулук

и пожарного оборудования, до сих пор мало отличается от волостного хозяйства, мы примем указанную грань. Труднее установить границу между средним и крупным городом. Здесь, в виду практики Западной Европы, Америки и СССР, приходится колебаться между 50 и 100 тысячами. Одни из европейских специалистов (З о м б а р т, Д а ш к е) склоняются к первой цифре, видя в ней естественную грань между средним и крупным городом, а другие (Георг М а й р), напротив, предпочитают исходить из второй цифры.[1] Европейские и американские города с населением в 50 тысяч жителей действительно ведут крупное хозяйство, обладая миллионными бюджетами. Не так обстоит дело в СССР. По последней переписи Вологда, Вятка и Архангельск имели (в круглых цифрах) по 53 тысячи населения и Кострома 59 тысяч; за тот же год эти города имели соответственно коммунальных доходов 585, 464, 394 и 649 тысяч рублей, при таких же приблизительно расходах. Едва ли можно оспаривать тот факт, что общественное хозяйство приведенного масштаба есть не крупное, а с р е д н е е хозяйство. Кроме того, если бы мы приняли за грань между средним и крупным городом цифру в 50 тысяч, то в числе средних городов оказались бы одни губернские центры, напр., Владимир, Калуга, Новгород, Псков, Рязань, а в числе крупных — другие губернские центры, напр., Архангельск, Вологда, Вятка, Кострома, Витебск, Смоленск, Курск, Орел, Ульяновск. Между тем хозяйства Владимира, Калуги (коммунальные доходы 881 тыс.), Пскова (642 тыс. руб.), Рязани (626 тыс. руб.) как раз крупнее, чем хозяйства Архангельска, Вологды, Вятки. Из губернских центров крупными городами с соответствующим хозяйством могут почитаться только такие торгово-промышленные города с населением с в ы ш е с т а т ы с я ч, как Нижний Новгород, Астрахань, Самара, Саратов, Казань и др.

По всем изложенным соображениям, мы предлагаем следующую простую классификацию:

Небольшие (или мелкие) города	5 — 20 тыс. жителей
Средние города	20 — 100 тыс. »
Крупные (или большие) города	свыше 100 тыс. »

«Города» же ниже 5 000 населения даже с преобладающим торгово-промышленными занятиями мы будем называть ю р и д и ч е с к и м и городами, а города свыше миллиона населения, по установившейся терминологии, г о р о д а м и - г и г а н т а м и, или м и р о в ы м и г о р о д а м и. Всякое иное разрешение этого важного вопроса, определяющего одно из основных разграничений типов городского

(в 1903, 8 вер.), Сенгилей (в 1904 г., 4, 5 вер., из горного родника), Елабуга (в 1900 г., 8 верст, из родника).

[2] Из небольших городов имеют канализацию стоящее на грани среднего города Детское Село (по раздельной системе с биологической очисткой при 28 усадьб, присоединенных к сети) и Петергоф (по разд. систем).

[3] Из небольших городов только Ливны имеют трамвай (с паровой тягой). Город стоит на грани среднего города (около 20 тыс. населения).

[1] Георг М а й р, Население больших городов (сборн. «Большие города»), Спб., стр. 28.

хозяйства, было бы, по крайней мере для городов СССР, по нашему мнению, искусственным.

На ряду с количественной, т. е. социологической, классификацией естественно существует классификация городов с точки зрения их а д м и н и с т р а т и в н о й роли. Эта классификация является вопросом политического и административного юридического факта: она целиком и непосредственно вытекает из самой структуры государства, его законов и отчасти обычаев. Сколько существует государств, столько есть и классификаций их административных центров, главных и второстепенных. Как правило, место резиденции главы государства, законодательных учреждений и центральных учреждений исполнительной власти носит название с т о л и ц ы государства.[1] Если государство разделено на составные части — более или менее автономные края, провинции, штаты, области, губернии, графства, департаменты, округа, районы и т, п., а также зависимые государства, колонии, — то в каждой из этих частей обычно существует свой г л а в н ы й г о р о д, т. е. административный центр, место резиденции начальника данной политической или административной единицы с подчиненными ему учреждениями.

Господствующая административно-политическая роль города иногда не совпадает с его социально-экономической ролью, и какой-либо крупный торгово-промышленный центр может быть и населеннее и экономически сильнее государственной столицы или главного города провинции. Так, Нью-Йорк во много раз более люден и экономически мощен, чем официальная столица Соединенных штатов Вашингтон; торговый и цивилизованный Шанхай в экономическом и культурном отношении сильнее чиновного Пекина; Москва в сфере внутренней торговли успешно конкурировала с дореволюционным Петербургом и носила название второй столицы; Барцелона побивает в торгово-промышленном отношении Мадрид; Одесса, Лодзь, Ростов-на-Дону были до революции уездными городами, но почти во всех отношениях превосходили соответствующие губернские и областные центры.

Гораздо чаще, однако, административно-политическая и социально-экономическая роль города с о в п а д а е т, во-первых, потому, что столицы создавались обычно из самых богатых и значительных городов данного административного района и, во-вторых, потому, что административно-политическое господство города само по себе усиливает его экономическую мощь, как это будет более подробно выяснено ниже. Действительно, экономическая политика государства, как правило, почти всегда благоприятствует государственной столице, а в провинциях — их главным городам, и, кроме того, административное господство привлекает в город, так сказать, механически много-

---

[1] Столицы далеко не всегда имеют неподвижный характер. Г а с с е р т («Города», Москва, 1912 г.) указывает на любопытный процесс с м е н ы столиц, особенно типичный для Африки. Однако тот же процесс наблюдался и в Европе: столицами Венгрии по очереди были Гран, Вышеград, Штульвейсенбург, Будапешт, Прессбург и опять Будапешт; в Испании—Толедо, Севилья, Кордова, Бургос, Вальядолид и Мадрид; в России—Новгород, Киев, Суздаль, Владимир, Москва, Петербург и опять Москва сменяли друг друга в качестве столиц.

численные штаты оплачиваемых государственных служащих, охрану и другие обслуживающие административную власть учреждения. Одним словом, та прибавочная ценность, которую государство присваивает внеэкономическим путем, посредством налогов, густо оседает в главных административных центрах. Наконец, в монархических государствах резиденция монарха привлекает в столицы землевладельческую аристократию, штаты придворных и специальных служащих, расходующих там свои средства.

В дореволюционной России различались по своему административному значению губернские и областные, уездные и окружные, безуездные и заштатные города. Из губернских городов государственная столица, С.-Петербург, со своим особым муниципальным устройством стояла особняком. Степени административного и социально-количественного значения городов в большинстве случаев совпадали. Больших городов (свыше 100 тысяч жителей) насчитывалось 20, и из них 17 относились к губернским городам; средних городов было 175, из коих 65 принадлежали к губернским, 93 — к уездным и 17 — к безуездным и заштатным. Из всего числа малых городов (455) губернских было 6, уездных — 343 и безуездных — 106. Так называемые «города-села» (менее 5 000 жителей) распределялись так: 173 из них принадлежали к уездным и 120 — к безуездным и заштатным городам. Из общего числа негородских поселений (171), имеющих свыше 10 тысяч жителей, 30 относились по численности к средним городам (!) и 141 — к разряду малых. [1]

Революция, политический раздел и новое законодательство, в связи с новым районированием, внесли в наш административно-урбанистический уклад серьезные изменения. Общее число официальных городов в СССР увеличилось с 949 (кроме Финляндии) до 2 241 (в РСФСР — 1 477), [2] считая в том числе и многие поселения городского типа (согласно ст. 3 Общ. пол. гор. и сел. пос.), [3] с общим количеством жителей в 21 882 тысячи (в РСФСР — 15 393 тыс.) по переписи 1923 г. С другой стороны, вследствие отпадения привислинских, прибалтийских и некоторых северо-западных губерний и Бессарабии, отошло к другим государственным образованиям до 184 городов (по другим данным—120), не считая Финляндии, и в том числе такие крупные, как Варшава, Рига, Лодзь, Кишинев. В связи с новым политическим и административным делением СССР, административная роль многих городов оказалась сильно измененной: образовались новые столичные, краевые и областные города; многие города из уездных превратились в губернские и окружные и наоборот. В общую систему административной классификации городов также внесено значительное изменение: понятие безуездных и заштатных городов

---

[1] См. «Города России в 1904 году».

[2] При этом, по данным Ал. Колычева, 54 города и 2 посада перечислено в разряд сельских поселений, а в том числе и такие быстро растущие города, как Землянск Воронеж. губ. (14% жителей, занимающихся сельским хоз.) и Кромы (4% сельских хоз.). См. «Новые и упраздненные города», «К. Х.», № 9 — 10, 1926 г.

[3] По данным Ал. Колычева, собственно новых городов имеется лишь 53.

упразднено, и взамен входит в употребление понятие районных городов. Реформа еще не получила своего завершения, и детальное рассмотрение как старого порядка, в административно-урбанистическом отношении, так и соответствующих преобразований выходит из рамок настоящего курса.

Самой важной, но вместе с тем наиболее сложной системой классификации, в виду трудности найти объективный критерий разграничения, является классификация по назначению городов, или, точнее, по тем социально-экономическим функциям, которые города выполняют. Еще К. Маркс указывал, что между населенными центрами существует своеобразное «разделение труда», и оно за последние десятилетия, вместе с развитием капиталистического города, проявилось еще более рельефно. Прежде всего необходимо различать две группы: города чисто экономические (хозяйственно-производительные) и города особого предназначения (преимущественно потребительного типа). Первая группа, как это вытекает из самого определения экономического города, разделяется, в свою очередь, на: 1) города индустриальные, или промышленные, и 2) города торговые. Так как в действительности чисто индустриальных и чисто торговых городов встречается немного, то между ними можно установить целую гамму переходных ступеней, причем та смешанная группа, в которой нельзя отметить резкого преобладания индустриальных или торговых занятий, будет заключать 3) торгово-промышленные города. Некоторые русские урбанисты в виду живучести у нас кустарничества и ремесла подразделяют промышленные центры еще на два подвида: фабричные и ремесленные города, но второй тип не представляется типичным для капиталистического города. В особую группу хозяйственно-производительных городов следует выделить только горнозаводские города. Эта группа несколько колеблет утверждение т. Рожкова (см. главу 1) о том, что городские жители занимаются торговлей или обрабатывающей промышленностью, ибо в названной группе господствуют занятия добывающей промышленностью. К горнозаводской группе принадлежат, напр., Иоганнесбург в Трансваале, Даусон-Сити в Клондайке, Вирджиния-Сити в Комстоке, Фримэнтль в Австралии, Кустер в Колорадо, а в СССР целый ряд городов Урала, Донбасса, Кавказа, Алтая. Нельзя не отметить, что горнозаводские города так же быстро расцветают после нахождения источников золота, серебра, алмазов, угля и т. п., как и хиреют после истощения этих источников в данном месте. Торговые города могут быть, в свою очередь подразделены на города внешней торговли (преимущественно — города-порты) и города внутренней торговли (преимущественно города-пристани и железнодорожные узлы).

Что касается второй основной группы, т. е. городов особого предназначения, то к таковым надлежит причислить: 1) город военный, или крепость (Гибралтар, Кронштадт), 2) город исключительно административный (многие из наших губернских центров), 3) город учебно-воспитательный

(Оксфорд, Кэмбридж, Гейдельберг),[1] 4) г о р о д с а н и т а р н ы й, или курорт (Старая Русса, Славянск, Ялта, Пятигорск). Некоторые урбанисты присоединяют к перечисленным категориям еще «с в я щ е н н ы й г о р о д», или город-храм (напр., Бенарес), но последняя категория, будучи довольно характерной для средневекового города [2] или для городов докапиталистических стран, как, напр., Индия, отнюдь не типична для современных капиталистических городов и заключает в себе лишь единичные исключения (Лурд). Равным образом в качестве иллюстрирующих разновидностей городов особого предназначения можно назвать «город-резиденцию», или д в о р ц о в ы й г о р о д (быв. Царское Село, Петергоф, Версаль) и д и п л о м а т и ч е с к и й г о р о д,[3] но все такие пережитки или исключения в сущности лишь загромождают классификацию, не принося ощутительной пользы для разработки темы.

Как уже указывалось, провести яркую и объективную грань между городами перечисленных основных категорий, классов и видов — едва ли выполнимая задача, так как, во-первых, соответствующие категории в разных странах неоднородны, и, во-вторых, часто один и тот же город по своим функциям будет входить одновременно в несколько групп. Напр., Ленинград до революции был одновременно и крупнейшим индустриальным городом, и портом, и речной пристанью, и железнодорожным узлом; он был в то же время и военной столицей, и решающим административным центром, и средоточием лучших учебно-воспитательных учреждений. Такую же роль в настоящее время начинает играть Москва — минус морской порт и плюс здоровое местоположение. Между тем провести нужные грани между городами различных типов, хотя бы приблизительно, весьма желательно, так как «доминанта», т. е. преобладающая функция города, сказывается очень существенно на всем его хозяйстве.

---

[1] К типичным учебно-воспитательным городам СССР принадлежит, напр., Новочеркасск. Он не был никогда ни индустриальным, ни торговым центром, а иные утратил и всякое военное и административное значение. Однако в настоящее время в нем сосредоточено четыре вуза (политехнический, сельскохозяйственный, ветеринарный и военный), пять техникумов, из которых педагогический (бывший Донской пед. инст.), превосходно оборудованный, и промышленно-экономический (бывший кооперативный вуз) считаются в провинции образцовыми. Если прибавить сюда десяток школ второй ступени, в том числе и музыкальную, три солидных библиотеки, пять научных обществ, четыре книжных магазина, оперный коллектив, целый квартал роскошных каменных зданий политехникума для научных лабораторий и кабинетов и 47 детских домов с 4 000 воспитанников, то легко понять, что может существовать отдельный город (с 50 тыс. населения) исключительно как культурное средоточие с бытом, функциями и потребностями, устремленными в одну цель.

[2] В виде примера таких отживших городов можно назвать испанский Бургос. К огромному, поражающему своим великолепием и неподражаемой красотой готическому собору — целой поэме из камня — жмутся груды нищенских зданий, кое-где разделенных узкими и кривыми улицами.

[3] К городам названного типа принадлежит, напр., Цетинье. По внешнему облику — это простое одноуличное село с деревянными домишками и почти без торговли. Однако в этом городе лежал один из гордиевых узлов «ближневосточного вопроса», и злободневные интересы внешней политики возвели в нем роскошный квартал дипломатических дворцов, в которых восседали и плели свои паутины посланники всех великодержавных государств.

В научной и журнальной литературе предлагалось на основании отвлеченно-теоретических соображений немало различных норм и масштабов для характеристики как хозяйственно-производительной группы городов вообще, так и отдельно чисто индустриального, чисто торгового и торгово-промышленного города, причем в большинстве случаев предлагался один и тот же шаблон для всех стран, а подчас и эпох. Ясно, однако, что вопрос должен быть рассматриваем на основе статистических наблюдений для каждой народнохозяйственной единицы, а тем более эпохи, отдельно. Тот населенный пункт, который будет учитываться как хозяйственно-производительный и п р о м ы ш л е н н ы й в СССР, по сравнению его с массой других соседних городов, может быть признаваем в Соединенных штатах Северной Америки потребительным и т. д.

Прежде всего возникает вопрос: по какому критерию следует отличать хозяйственно-производительную, т. е. чисто экономическую, группу городов от потребительной группы? Повидимому, единственными объективными критериями здесь могут быть 1) годовой торгово-промышленный оборот, падающий на жителя города, и 2) относительное количество горожан, занятых обрабатывающей промышленностью и торговлей в виде основной профессии, причем для более правильной характеристики желательно сочетать оба перечисленных критерия. Какие же нормы следует установить для наших торгово-промышленных центров, применяя эти критерии? В. С е м е н о в-Т я н - Ш а н с к и й, на основании учета торгово-промышленной жизни нескольких сотен населенных пунктов, предлагал для дореволюционной России нижеследующую таблицу:

Годовой торгово-промышленный оборот на жителя	
1) от 800 руб. и свыше	весьма бойкий
2) „ 500 до 800 руб.	„
3) „ 100 „ 500 „	средний
4) „ 50 „ 100 „	слабый
5) ниже 50 руб.	весьма „

Названный автор справедливо находит, что две последних категории не должны встречаться в истинных экономических городах, так как оборот ниже 100 руб. на жителя в год, т. е. ниже 8 — 9 руб. в месяц, явно уступает покупной способности средней домашней прислуги и рабочего, т. е. наиболее многочисленного класса городского населения.

Имея в виду, что промышленность и торговля в СССР еще не вполне достигли довоенного уровня, с одной стороны, и с другой — что реальная покупательная сила современного червонца так же, как и вообще мировой золотой валюты, значительно ниже, чем до войны, приходится указанную норму в 100 руб. торгово-промышленного оборота на городского жителя СССР повысить по крайней мере в полтора раза и еще значительно увеличить таковую для заграничных капиталистических стран, в зависимости от средней нормы торгово-промышленного оборота, падающего, по статистическим вычислениям, на городского жителя. [1]

[1] С е м е н о в - Т я н - Ш а н с к и й, цит. соч., стр. 73.

Что же касается второго критерия, то установить его точно весьма затруднительно в виду недостаточности соответствующих статистических вычислений, но несомненно, что истинный экономический город в СССР должен заключать в себе по крайней мере 50% самодеятельного и трудоспособного населения, занятого в обрабатывающей промышленности, торговле и транспорте, вместе с зависящими от них лицами (включая прислугу).[1] В виду национализации и кооперирования в СССР значительной части промышленности и торговли, государственные служащие и кооператоры в указанной области должны быть, конечно, включены в упомянутый состав. Вышеуказанный скромный процент для СССР принят нами вследствие того, что советский закон (ст. 3 Общ. пол. гор. и сел. пос.) допускает в экономическом городе 25% сельскохозяйственных занятий (остающиеся 75% падают на советских служащих в других областях, лиц свободной профессии, лиц занятых домашним хозяйством, безработных и т. п.). Для городского населения Западной Европы и капиталистической Америки принятый нами процент должен быть значительно увеличен. Действительно, еще по переписи 1895 г. в Германии общее число городских жителей, занятых сельским хозяйством, садоводством, скотоводством, лесоводством и рыболовством как основным занятием, не превышало 1,4%.[2]

Переходя к характеристике чисто индустриального и чисто торгового города, мы должны также исходить из конкретных статистических данных для каждой страны. Объективными критериями и здесь могут служить 1) степень участия промышленности в общем торгово-промышленном обороте города и 2) относительное количество жителей города, занятых отдельно как в промышленности, так и в торговле и транспорте. Что касается первого критерия, то Семенов-Тян-Шанский предлагает нижеследующую таблицу:

40% и свыше всего торгово-пром. оборота	сильно промышленный город
25 — 40% „ „ „	промышленный
20 — 25% „ „ „	умеренно промышленный
менее 20% „ „ „	торговый (слабо промышленный)

Имея в виду, что и в настоящее время процент участия промышленности в общем торгово-промышленном обороте в типично индустриальных центрах (Петрозаводск, Волхов, Чудово, Вышний Волочок, Тула, Иваново-Вознесенск, Орехово-Зуево, Серпухов, Богородск, Шуя, Егорьевск, Сормово, Бараново, Раменское, Ижевский завод, Воткинский завод, Коротояк, Вольск, Нижний Ломов, Кыштым, Нижне-Салдинский завод, Сталин-город, Луганск, Горловка, Сулин, Шахты и др.) превышает цифру 40, мы будем признавать именно этот минимум для чисто индустриального города СССР. Ука-

---

[1] Прислуга, по переписи 1923 г., составила в составе городского населения СССР только 3,8%.

[2] Георг Майр, цит. соч., стр. 71, и Г. Вентиг, Экономическое значение больших городов, Спб., стр. 92.

занная норма для заграничных капиталистических центров должна быть значительно повышена.

Что касается второго критерия, то, согласно переписи 1923 г., процент индустриальных рабочих в составе городского населения колебался у нас в среднем по отдельным провинциям между 20,6% и 29,9%, а в типично индустриальных пунктах превышал 50%, каковой процент и возможно принять как минимум для чисто индустриального центра СССР. В Германии типично промышленными городами Георг Майр[1] и Г. Вентиг[2] признают центры с 60 и более процентами самостоятельных промышленных рабочих: Дортмунд 64,3%, Эльберфельд 65,8%, Крефельд 67,2%, Хемниц 67%, Нюренберг и др.[3] В Соединенных штатах Америки типично индустриальные центры (Бостон, Буффало, Питсбург, Цинциннати и др.) включают еще высший процент самостоятельных рабочих, а потому и норму для чисто индустриального города принимают там в 65%.

Что касается типичного торгового города, то Георг Майр признает таковым город с 25% и выше самостоятельных торговцев и коммерсантов (с их семьями и служащими). Однако, имея в виду, что в Германии наиболее типичные торговые города (Гамбург, Штеттин, Франкфурт-на-Майне, Альтона, Бремен, Кенигсберг) имеют ныне свыше 35% лиц, занятых в торговле и товарообращении, следует признать эту цифру минимальной для германского чисто торгового города.

Наконец, в отношении городов хозяйственно-потребительной группы (крепостей, чисто административных пунктов, учебно-воспитательных центров, курортов, резиденций) в специальной литературе до сих пор не делалось никаких попыток их научной и экономической характеристики. Для таких городов характерен пассивный баланс и значительный процент лиц, занятых хотя бы и производительной в широком смысле этого слова, но не хозяйственной деятельностью. Строго говоря, города этой группы не должны быть признаваемы городами в научном смысле слова, т. е. экономическими, а лишь юридическими городами. Однако вопрос считается спорным, поскольку эти города объективно необходимы в общей производственной системе государств, поскольку в них густо оседает прибавочная стоимость и, наконец, поскольку их касаются типичнейшие проблемы городского хозяйства и благоустройства.

В заключение мы считаем необходимым привести классификацию современных городов, сделанную Вернером Зомбартом и пользующуюся большим распространением на Западе:[4] 1) индустриальный неполный город, город рабочих с резко выраженным актив-

---

[1] Майр, цит. соч., стр. 72.

[2] Вентиг, цит. соч., стр. 93.

[3] Цифры эти настолько высоки, что они, на первый взгляд, не оставляют достаточно места для других неизбежных групп в каждом городском общежитии. Недоумение рассеется, если мы укажем, что статистика обыкновенно учитывает не количество индивидуальных рабочих, а рабочие семьи (с женами и детьми) как хозяйственные единицы, живущие за счет промышленности.

[4] Цит. соч., стр. 166.

ным балансом средств существования, т. е. изготовляющий, в виде продуктов индустрии, значительно большую ценность, чем это требуется для содержания его жителей,—современный небольшой город средней руки; 2) индустриальный полный город, в пределах которого потребляется значительная часть добытой его предпринимателями прибыли; баланс средств существования не представляет поэтому заметных избытков ни в ту, ни в другую сторону,—современный большой город средней руки; к нему близко примыкает по своему характеру—3) город торговли и средств сообщения, существование которого покоится главным образом на торговой прибыли в широком смысле слова, т. е. включая сюда доходы от транспорта, посредничества, складов и т. д.; 4) большой город, город индустрии, торговли и средств сообщения, главная крепость капитализма и в то же время город непроизводительного потребления: последняя черта становится для него все более и более определяющей, по мере того как он растет, благодаря своим функциям в качестве центра провинции, страны или империи, концентрирующего кредитные учреждения и вообще прибавочную ценность; баланс его становится все более и более пассивным; 5) чисто потребительный город с пассивным балансом и обыкновенно наиболее богатый город (резиденции, курорты).

То, что есть нового в этой классификации, едва ли может быть признано бесспорным: разделение индустриального города на неполный и полный — терминологически неудачно, и грань между ними точно не установлена; активным балансом отличаются не только небольшие, но часто и большие города,[1] и количественный признак сам по себе в вопросе о балансе далеко не всегда является решающим; в четвертой категории наблюдается смешение экономического и административного признаков. Повидимому, правильнее было бы назвать четвертый тип населенного центра городом торгового, промышленного и финансового капитала.

Резюмируя сказанное, вообще необходимо еще раз подчеркнуть, что систематизированной и научно обоснованной э к о н о м и ч е с к о й к л а с с и ф и к а ц и и современных городов еще не выработано, а намечаются лишь рациональные пути к ней. Со своей стороны мы попробуем наметить такую классификацию в двенадцатой главе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

РОЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Вслед за классификацией современных городов должен следовать анализ той основной материальной стихии, которая окружает городское общество и воздействует на него в первую очередь. Географическая, геологическая, метеорологическая обстановка — это те основ-

[1] Так, напр., в «вотчине» Форда, городе с миллионным населением Детройте, (по французскому произношению Детруа) вырабатываемая прибавочная стоимость позволяла Форду из года в год расширять его автомобильное (а ныне и авиационное) производство, открывая отделения фабрик в целом ряде американских и европейских городов.

ные природные условия, среди которых создается, живет и хозяйствует город. В этом вопросе в сущности затрагивается проблема взаимодействия природы и хозяйства, которая подробно рассматривается антропогеографической школой в социологии, [1] а также Ч у п р о в ы м, Шарлем Ж и д о м, [2] Ш м о л л е р о м и другими буржуазными экономистами. Марксистская же школа политической экономии не склонна преувеличивать значение физико-географических факторов, ограничивая их областью экономической географии. Уже указывалось, что географические факторы, которые имели когда-то решающее значение, отступают на задний план по мере развития техники, все более и более подчиняющей природу. Напр., в современной американской литературе о городах влияние большинства географических условий почти не учитывается. Наоборот, в городском хозяйстве СССР, при отсталости нашей техники, учесть таковые в соответствующих рамках необходимо.

Перечислим главнейшие из этих условий в порядке их важности.

А. З н а ч е н и е р е к. Из всех географических факторов реки с незапамятных времен (Нил, Ганг и др.) играли наибольшую роль в образовании и развитии городов и продолжают оказывать (хотя уже гораздо меньшее) влияние на капиталистический город. Р е к л ю утверждает, что свыше 80% современных городов на земном шаре построены на берегах или в близком соседстве рек. Этот процент достигал 92,4 в дореволюционной России, не считая Финляндии. Согласно суммированным нами данным издания Центр. статист. комитета «Города России в 1904 г.», 877 наших городов находятся на реках больших судоходных (67) или мелких. Процент этот еще несколько выше в СССР, в виду отделения прибалтийских городов. [3] 42 из наших городов, по тем же данным, находятся на двух реках, т. е. при впадении в реку какого-либо значительного притока, что особенно выгодно в отношении торговых и пассажирских сообщений. Это обстоятельство отчасти оправдывает утверждение географической школы о том, что «место впадения судоходного притока в судоходную реку всегда вызывает образование города». Следовало бы добавить только, что не самая географическая особенность вызывает образование города, а лишь экономические возможности, которые им обусловлены, и притом не всегда, а лишь в эпоху значительной роли торгового капитала.

Изложенные явления легко объясняются теми полезными, а в прежнее время и необходимыми функциями, которые выполняли для городов реки. Как известно, реки могут служить: 1) источниками питьевой воды, 2) резервуарами хозяйственных и противопожарных вод, 3) естественными торговыми и пассажирскими путями сообщения,

---

[1] См., напр., работы Г е р д е р а, Л. М е ч н и к о в а, Р е к л ю, М у ж о л я.

[2] Charles G i d e, Cours d'economie politique, pp. 73—102 (chap. I, La nature).

[3] Если считать новые «поселения городского типа», то упомянутый процент будет значительно н и ж е, так как фабричные поселки Урала, Донбасса и т. д. редко лежат на реках.

4) средством для спуска и отвода городских отбросов и нечистот. 5) местом для купанья и спорта и 6) эстетическим элементом. Развитие техники отчасти обесценило эти функции, заменив их в первом и втором случае доставкой воды по водопроводу иногда за десятки верст, в третьем случае — постройкой железных дорог, искусственных каналов и шоссейных путей, в четвертом — устройством канализации и полей орошения, в пятом — сооружением специальных бассейнов. Перечисленное техническое оборудование обусловило в Соединенных штатах возникновение некоторых новых городов вдали от естественных водных резервуаров и артерий. Однако в экономическом отношении реки всегда незаменимы в тех случаях, когда в их истоках или выше по течению имеются источники угля, металла или леса, которые могут быть доставляемы вниз по течению в города, как пункты обрабатывающей промышленности, почти без затраты энергии. Известно, напр., что доставка такого тяжелого и сравнительно дешевого товара, как уголь, по железной дороге, требующей расхода того же угля, удорожает стоимость фабричного производства и вообще экономически невыгодна. Столь же неэкономна перевозка необработанного леса, который так легко сплавляется по реке. Отсюда—формулируемое последователями географической школы правило, что везде, где имеется такая судоходная река, у ее устья или вблизи устья образуется большой торговый город. Г е й с л е р в своем классическом, уже цитированном нами труде строит для современных городов такую схему расположения городов вблизи рек:

I. Расположение поперечное:
1) „ прибрежное (на одном или на обоих берегах),
2) „ близ реки на широкой речной долине,
3) „ на уступах, образовавшихся благодаря отступлению реки.

II. Расположение наискось от реки:
1) „ у развилины реки (в тупом углу),
2) „ при выходе из долины (перед коридором ущелья).

III. Расположение, охватываемое рекой:
1) „ петельное, при котором река, обтекая город, оставляет свободной только одну сторону,
2) „ шпорное, при слиянии двух рек в остром углу,
3) „ на речном острове.

Н. П. А н ц и ф е р о в правильно добавляет к этой схеме для русских рек «расположение в дельте» (Ленинград, Астрахань), и следовало бы добавить еще расположение на возвышенности, т. е. на крутом берегу реки, которое весьма типично для многих из наших приволжских и приднепровских городов. Кроме того, Г е й с л е р о м пропущен важный случай, а именно расположение городов у водопадов и частей рек с быстрым падением, которые вызывают устройство фабрик, пользующихся механической силой воды. И здесь география действует через экономику. К таким городам можно отнести Рейнфельден, Шаффгаузен, Луисвиль, Миннеаполис, Буффало, Ниагару, Нарву.

Б. З н а ч е н и е м о р е й и о з е р. Озера, вместе с впадающими в них артериями, почти во всех случаях могут заменить для городов функции, выполняемые реками, а море обычно не является

источником питьевой воды и средством для внутренней торговли, но зато оно служит естественным и крайне выгодным средством для внешней торговли, что, казалось бы, особенно важно в эпоху широкого развития мирового обмена. Кроме того, море имеет курортное значение. Однако мы знаем, что из современных столиц европейских государств только Константинополь, Лиссабон, Стокгольм, Амстердам и Копенгаген, а из городов с миллионным населением только Ленинград расположены у моря, прочие же крупнейшие приморские города (Ревель, Одесса, Баку, Триест, Венеция, Генуя, Неаполь, Барселона, Марсель, Гавр, Антверпен, Ливерпуль, Портсмут и др.) ныне растут не быстрее других городов. В Германии в непосредственной близости моря нет ни одного крупного города и только два средних. По данным «Города в России в 1904 г.», не более 48 городов, а в СССР 37 городов, являются приморскими городами и 19 — приозерными. Сколько-нибудь крупных приморских городов в СССР не более 8, причем, за исключением Ленинграда, Баку и Николаева, рост их менее значителен, чем, напр., рост наших приволжских центров. Если мы примем еще во внимание, что последние три названных города, а также в Соединенных штатах — Нью-Йорк, являются не только портовыми и приморскими, но еще и крупными индустриальными центрами, и что почти все наиболее развивающиеся порты стоят у устьев судоходных рек, то придем к заключению, что приморское расположение само по себе еще вовсе не обеспечивает современным городам какого-либо преимущества в смысле развития. Любопытно отметить, что именно приморские города подчас быстро регрессируют. Приостановка в росте (Одесса в конце XIX столетия), а в некоторых случаях и упадок портового города (Генуя в XVII в.) — вызываются конкуренцией соседних развивающихся портов (Николаева и Новороссийска в случае с Одессой), системой протекционизма, изменениями в путях мировой торговли и другими причинами.

Наиболее выгодным расположением оказывается не приморское, а на судоходной реке в более или менее близком расстоянии от моря. Так расположены Лондон, Рим, Ростов, в Германии—Кенигсберг (будем считать его германским городом), Данциг, Штеттин, Гамбург, Бремен, во Франции—Нант, Руан, Бордо, в Соединенных штатах—Вашингтон, Филадельфия и др.

Статистические цифры указывают, что в настоящее время наибольшими силами развития обладают не приморские чисто торговые города, а типично индустриальные или торгово-промышленные центры. Наоборот, в конце средних веков, в эпоху развивавшегося торгового капитала и плохих сухопутных путей сообщения, проявляли заметный рост только приморские, а также портовые города, расположенные в нижней части больших судоходных рек; и это еще раз показывает, что вне экономического анализа данной эпохи география сама по себе не может служить базисом для обоснования общих законов урбанизма.

Что касается особенности расположения городов у морей и озер, то, по схеме Гейслера, наблюдаются следующие случаи:

Приморское расположение:

I. Открытое расположение:
   1) береговое расположение (расположение большинства морских курортов),
   2) расположение при устьи реки (особо выгодное в экономическом отношении)
II. Защищенное расположение:
   1) расположение в бухте (особо выгодное для морских гаваней),
   2) расположение в губе (фиорде).
III. Замкнутое расположение—к этой группе относятся города, стоящие у больших озер, так как такое расположение делает их по типу однородными с приморскими городами:
   1) береговое (озерное),
   2) заливное.

Озерное расположение:

I. Прибрежное расположение:
   1) боковое расположение,
   2) конечное расположение (на двух смежных берегах озера).
II. Центральное расположение (воды озера окружают город в той или иной степени):
   1) полуостровное расположение,
   2) островное „
   3) перешеечное „

Гейслером в данной схеме пропущен еще один важный случай, на который указывают другие урбанисты-географы, а именно расположение городов у проливов. Проливы имеют то значение, что 1) они собирают к себе со всех сторон сухопутные и морские сношения, 2) в них встречаются судоходные линии двух морей и 3) в них удобнее всего перейти через морскую преграду, прерывающую сухопутную торговлю. Наконец, проливы имеют серьезное стратегическое значение, вызывая устройство военных гаваней и укреплений. Так как через проливы неудобно перекинуть мосты, то они обыкновенно имеют по паре городов, лежащих по обеим сторонам пролива: Константинополь и Скутари, Мессина и Реджио, Гибралтар и Цеута, Тарифа и Танжер, Дувр и Кале, Копенгаген и Мальмё. Аналогичную роль играют перешейки, возникающие благодаря сближению двух морей (или озер). Сюда стекаются все морские сношения и тем в большей степени, чем с большей потерей времени связан объезд материковых масс, прерывающих морской путь. Перешейки являются предоставленными самой природой складочными и перегрузочными местами. Города Гамбург, Киль, Любек, Коринф, Порт-Саид, Суэц, Колон, Панама, Детройт расположены у перешейков.

В. Значение гор и возвышенностей. Горы имеют как благоприятное, так и неблагоприятное влияние на современный город, но последнее преобладает. Здесь надо учитывать: 1) препятствия и затруднения, которые горами ставятся обмену в широком смысле этого слова, т. е. торговле, передвижениям, сношениям и т. д., 2) неровности рельефа местности, препятствующие планировке городов, 3) близость ископаемых, заключенных в горах, 4) стратегическое значение городов, 5) защиту от ветров и т. д. Как правило, в сильно гористых местностях образуются кое-где лишь «карликовые» города: хребты Альп, Апеннин, Пиренеев, Карпат, Кавказа, а также важнейшие европейские перевалы (Сен-Готард, Бреннер, Земме-

ринг, Пустерталь, Военно-грузинская дорога) свободны от городов. Представители географической школы указывают, что при въезде в перевал и выезде из него обыкновенно образуются города (Владикавказ и Тифлис, Инсбрук и Боцен, Биариц и Сан-Себастиан и т. д.). Генезис этих городов в свое время был обусловлен укреплениями, которые здесь воздвигались для защиты от вторжений: эти укрепления, привлекая более или менее значительные гарнизоны и обеспечивая мирные занятия промыслами, способствовали умеренному сгущению населения. Равным образом города часто образуются в горных долинах, близ горных озер, а иногда на недоступных высотах (Цетинье, Гибралтар, Метеора), но, как правило, и эти города не достигают крупных размеров. Большие города Швейцарии (Женева, Цюрих, Берн), Кавказа и других горных местностей лежат в громадном большинстве случаев в сравнительном отдалении от горных цепей. Образуются крупные города и на ровных плоскогориях, но вообще редко на сравнительно большой высоте над уровнем моря (примеры: Мюнхен, Мадрид). Из крупных городов СССР на более или менее значительной высоте над уровнем моря лежит только Тифлис (446 *м*). Из средних городов на больших высотах лежат у нас лишь города Кавказа: Владикавказ (722 *м*), Эривань (984 *м*), Шуша (1 547 *м*), Ленинакан (1 548 *м*) и Карс (1 776 *м*).[1] Многочисленные горные курорты редко вырастают в города, и во всяком случае последние не обладают крупными размерами. Особо выгодное расположение для городов-курортов у берега моря под защитой гор с северной стороны (южный берег Крыма, Ривьера и т. д.).

Горная промышленность, как промышленность добывающая, требует более или менее быстрого перехода от одного места к другому по мере истощения запасов угля, металлов и т. п., поэтому она вызывает образование временных рабочих поселков (руднично-заводские усадьбы полугородского типа), которые разрастаются в города в случаях приобретения поселком торгово-промышленного, организующего, административного или учебного значения (Сталино, Бахмут, Сулин, Шахты и т. д. — в Донецком бассейне, Свердловск, Нижний-Тагил, Златоуст, Кыштым, Верхнеуральск — на Урале).

Схема Гейслера предусматривает следующие случаи расположения городов в горных местностях:

I. Расположение на плоской поверхности (1) в долине, 2) на плоскогорье, 3) ледниковом поле).

II. Расположение на высотах (1) на склоне, 2) в седле между двух высот, 3) на вершине).

III. Расположение в ущелье (1) гнезде, 2) нише, 3) бассейне, 4) котловине).

Г. Значение почвы (поверхности и земных недр). Урбанисты обыкновенно указывают, что наиболее благоприятным для основания и развития города участком земли является сухой участок, не имеющий поблизости болот или устоев воды и расположенный на

---

[1] К. Гассерт, Города (в переводе и с добавлениями Л. Д. Синицкого). М., 1912 г., стр. 22.

подходящей высоте над уровнем моря (Москва, Киев, Владимир), причем почва поверхности не должна принадлежать к разряду легко размываемых почв и должна быть пригодной для садовых и прочих культур (материковый слой почвы должен залегать на небольшой глубине и иметь хорошее сопротивление на сжатие). Эти академические требования, вполне пригодные для сознательного распланирования нового города по воле его творцов, далеко не всегда соответствуют, однако, реальным историческим примерам стихийно разросшихся городов. Мы видим, что такие быстро растущие города-гиганты, как Ленинград, разрослись на низменной и болотистой почве, что в таком же положении находятся Астрахань и многие нидерландские города, что когда-то цветущая Венеция, наконец, была построена на самом море итальянскими беженцами, спасавшимися от гуннов. Экономические и политические соображения часто заставляли людей густо селиться не только у морей, озер и рек, разливающихся в весеннее половодье, периодически подвергаясь наводнениям, но и на вулканической почве у самого подножия огнедышащих гор (Помпея, Геркуланум, многие современные японские города). Непредусмотрительность и беззаботность людей в отношении грозящей опасности часто поистине поразительны.

Большое фактическое значение для сравнительно отсталых стран с недостаточными путями сообщения и еще не установившимся международным обменом имеют другие соображения, касающиеся почвы и степени плодородия о к р у ж а ю щ е й город местности. Здесь нам приходится ссылаться на закон А д а м а С м и т а, который формулировал его еще в ранний капиталистический период (см. главу восьмую курса). Если мы раскроем, напр., географическую карту дореволюционной России, Испании или даже Италии, мы увидим несколько различных частей названных стран, засеянных населенными центрами более или менее густо, в зависимости от степени плодородия этих частей. В пустынных (Аравийская пустыня, Сахара, Гоби и Шамо) [1] или сравнительно бесплодных местностях (северо-восток РСФСР) города или вовсе отсутствуют, или встречаются сравнительно редко, и, наоборот, в плодородных частях (Андалузия в Испании, Ломбардия в Италии, а в СССР — Украина; производительный юг, черноземная полоса Поволжья) города растут густо, быстро и значительно. Прибавочная стоимость в виде дифференциальной ренты № 1 (по плодородию) в сказанных местностях высока, и города отчасти питаются за ее счет. Впрочем, нельзя не отметить и здесь, что для стран передовых с высокой транспортной техникой и развитым обменом (Соединенные штаты, Англия, Германия, Бельгия) упомянутое правило либо вовсе неприменимо, либо оно проявляется гораздо менее рельефно.

Равным образом богатство земных недр, или, вернее, производительность добывающей промышленности в соседстве городов, сказы-

---

[1] Нельзя не отметить одного любопытного исключения: главные города Палестины (Иерусалим, Вифлеем, Керак, Газа) расположены в пустынной местности и вдали от озер и рек.

вается на них не менее ощутительно, чем плодородие полей, питающих города избыточными продуктами сельского хозяйства. Развитие городской жизни в местности, непосредственно прилегающей к Уралу, на которой городское население составляет 29% всего населения, в Донецком бассейне (41% городского населения), в Польском промышленном районе (31% городского населения) не имеет другого объяснения. Ясно, что при недостаточных и дорогих средствах сообщения обрабатывающая промышленность должна сосредоточиваться, в силу экономической целесообразности, по близости к местам добычи материала и естественно создавать города. Это соображение, целиком почерпнутое из экономической географии, верно даже в такой капиталистической стране, как Англия: в тех местах, где рядом встречаются залежи каменного угля и металла, сосредоточивается обрабатывающая промышленность, и развиваются города.

Д. Значение климата. Климатические особенности сами по себе, т. е. вне их влияния на плодородие и сельское хозяйство, имеют из всех физико-географических факторов наименьшее значение для образования и развития современных городов, хотя некоторые приверженцы синкретизма склонны преувеличивать их удельный вес. Город одной из сторон своего бытия предназначен быть жилищем для гражданина, т. е. лучшим средством борьбы с климатическими неудобствами; поэтому едва ли правы те авторы, которые считают, что здоровый климат особо способствует росту городов. Последнее утверждение может относиться только к городам-курортам. Современная географическая карта Англии, Франции, Германии, Соединенных штатов и Бельгии указывает на более или менее равномерное распределение городов, причем климатические их особенности весьма разнообразны; в тех же странах, где плодородие полей или близость добывающей промышленности создали сгущение населения, это сгущение обусловлено именно экономическими причинами, а не климатическими особенностями, как таковыми. Древний Рим, этот первый и единственный «город-гигант» античной эпохи, всегда отличался нездоровыми климатическими условиями, а величайший мировой город современности Лондон также славится своей нездоровой сыростью и пресловутыми туманами.

Нельзя, однако, оспаривать тот наблюдаемый факт, что линии средней годовой температуры (изотермы) имеют значительное влияние на сгущение населения вообще и на скопление его в городах в частности, причем умеренный климат наиболее способствует урбанизации. Как указывает Л. И. Мечников,[1] а за ним и Н. Бухарин,[2] «самые значительные в мире скопления населения сгруппированы между двумя крайними изотермическими линиями в + 16° и + 4°. Изотерма в 10° с достаточной ясностью определяет центральную ось этого климатического и культурного пояса; на ней сгруппированы

---

[1] Л. И. Мечников. Цивилизация и великие исторические реки, пер. М. Д. Гродецкого, Спб., 1898, стр. 38 и 39.

[2] Н. Бухарин, Теория исторического материализма, ГИЗ, 1923, стр. 113 и 116.

богатейшие и многолюднейшие города мира: Чикаго, Нью-Йорк, Филадельфия, Лондон, Вена, Одесса, Пекин (на изотерме + 16° лежат: Сан-Луи, Лиссабон, Рим, Константинополь, Охозака, Киото, Токио; на изотерме + 4°: Квебек, Христиания, Стокгольм, Петербург, Москва). К югу от изотермы в + 16°, в виде исключения, рассеяно несколько городов с населением более чем в 100 000 человек (Мексика, Новый Орлеан, Каир, Александрия, Тегеран, Калькутта, Бомбей, Мадрас, Кантон). Северная граница или изотерма в + 4° носит более абсолютный характер: к северу от нее нет значительных городов, кроме Винипега (Канада) и административных центров Сибири».

Впрочем, трудно сомневаться в том, что и здесь не сама годовая температура непосредственно влияет на образование и развитие городов, но экономический фактор, а именно та общая причина, что ни слишком жаркий, ни слишком холодный климат не благоприятствуют продуктивности производства, а следовательно и не могут стимулировать образование крупных хозяйственных центров. С другой стороны, значение климата в отношении характера планировки и застройки городов, вплоть до выбора типа жилища и его материала, а также особенностей городского быта, огромно, но об этом речь пойдет в других разделах курса.

Резюмируя сказанное, мы после конкретного анализа видим, что на современном городе отнюдь не лежит, как выражается о русской колонизации А. Щапов, «глубоко-пассивный отпечаток физико-географических и топографических условий местности». География, геология и метеорология несомненно влияют на образование и развитие городов в тех или иных излюбленных местах, нами указанных, но влияют они лишь через посредство экономики. Современное городское хозяйство, как будет выяснено ниже, носит определенные черты активной борьбы с природой. Не город, а природа играет в этой борьбе все более и более пассивную роль.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

РОЛЬ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

Одним из ярких показателей и факторов не пассивного только приспособления человека к внешней природе, а, наоборот, активного приспособления человеком природы для своих нужд, которое постепенно отодвигает «географию» на задний план, являются усовершенствованные сухопутные пути сообщения и в особенности железные дороги. Ко всему тому, что обычно говорится об экономической роли железных дорог в трактатах по железнодорожному хозяйству,[1] мы должны, специально рассматривая этот вопрос с точки зрения урбанизма, прибавить следующее. Железные дороги 1) способствуют, как уже указывалось, иммиграции населения в города, 2) расширяют область, питающую город (см. законы Адама Смита и Вернера Зомбарта), 3) облегчают подвоз сырья и полуфабрикатов и цен-

[1] См. особенно классическое сочинение: Picard, Traité des chemins de fer.

трам обрабатывающей промышленности и вывоз фабрикатов на дальние рынки сбыта, 4) увеличивают торговые сношения населенных пунктов и 5) обеспечивают ежедневный подвоз в города достаточного количества съестных припасов. Центры с миллионным населением вообще были бы немыслимы без железных дорог, особенно в виду последней их функции. Социально-экономические отношения здесь прямо обусловлены техническим базисом, согласно известному тезису: техника раньше потребностей.. Когда англичане сто лет тому назад начали строить первые железнодорожные пути, соединяя ими главным образом населенные центры в видах удовлетворения их торговых и промышленных потребностей, они даже представить себе не могли, какие н о в ы е потребности вызовет эта новая транспортная техника и какой коренной переворот она произведет в городской жизни (закон Фр. Э н г е л ь с а о гетерогонии целей). Сотни железных путей теперь сходятся в городе-гиганте, доставляя ему — как сердцу кровеносные артерии, как корни растению — энергию, необходимую для той грандиозной пульсации, для того сказочного расцвета социальной динамики, о каких не могли мечтать еще недавно самые смелые фантазеры и утописты.

Независимо от объясненного п р я м о г о влияния на города, железные дороги обусловливают их развитие еще к о с в е н н о: во-первых, тем, что они, как это установлено статистическими исследованиями, особенно способствуют промышленности, умножая и расширяя рынки для индустриальной продукции, промышленность же, в свою очередь, непосредственно развивает городскую жизнь; во-вторых, тем, что они ликвидируют пережитки «враждебного» городам натурального хозяйства (по выражению В. Г. М и х а й л о в с к о г о, «железные дороги — это гвозди, вбиваемые в гроб натурального хозяйства»). [1]

При анализе влияния, оказываемого железными дорогами на сгущение населения вообще и на современные города в частности, мы должны остановиться на следующих типичных случаях:

1) Железная дорога прокладывается через н е н а с е л е н н у ю и н е п л о д о р о д н у ю местность, — в этом случае она меньше всего может способствовать сгущению населения, имеет редкие станции и обыкновенно содействует лишь транзитной торговле.

2) Железная дорога прокладывается через н е н а с е л е н н у ю, н о п л о д о р о д н у ю местность, — в этом случае вдоль всей железнодорожной линии происходит заселение и агрикультурное оживление, но для развития городов в ближайшем будущем еще нет достаточных предпосылок. Действительно, проложение железной дороги, приближая сельскохозяйственную продукцию к рынкам сбыта,

---

[1] Как указывает Д. Д. П р о т о п о п о в (см. главу «Пути сообщения» в «Лекциях по жилищному вопросу»), в мировом городе массовое производство и далеко идущее расселение труда позволяют производить товары д е ш е в л е, чем вне мирового центра. Поэтому одним из основных признаков в мировом городе является сосредоточение в нем производства ценностей, и самая возможность существования такого города зависит от усовершенствованной перевозки товаров, — последними он расплачивается за извне приходящие предметы потребления.

увеличивает земельную ренту № 1 (по расстоянию) и стимулирует более интенсивные затраты на сельское хозяйство как труда, так и капитала. Однако мы знаем, что даже значительные земледельческие поселения не могут почитаться экономическими городами, преобразование же господствующего вида занятий требует времени. Примером, относящимся к этому случаю, может быть проложение Тихоокеанской линии, а также побочных линий в Северной Америке. «Там, где еще недавно бродили бизоны и носились индейцы, — говорит проф. И. Х. О з е р о в. [1] — появились фермы, покрывающие страну густой сетью, а в то время, когда еще не было железных дорог, громадные пространства плодородной земли оставались невозделанными, и фермеры, не находя сбыта, топили печи великолепной пшеницей». Аналогичный эффект у нас был достигнут проведением железной дороги в Южно-уссурийском крае: «Огромные пространства тучных черноземных земель, где ныне из окна вагона видны нивы с хлебами, где наметаны сотни стогов прекрасного сена, где пасутся большие стада рогатого скота, — пишет Головачев, [2] — не только пустовали, но пустовали бы вечно, так как при полном отсутствии путей сообщения негде было взять рабочих рук».

3) Железная дорога прокладывается через более или менее г у с т о н а с е л е н н у ю и п л о д о р о д н у ю местность, — при этих условиях дальнейшее сгущение и дифференциация населения, вызываемые проведением железной дороги, нередко создает в наиболее благоприятных случаях новые города, а именно: а) в узловых пунктах, где скрещивается несколько железнодорожных линий, б) в местах пересечения железной дорогой речных путей, в) в местах, где проведение железной дороги вызвало устройство промышленных предприятий. Примеров такого возникновения городов, не пользующихся особо выгодным природным положением, исключительно благодаря влиянию железной дороги, можно привести много. [3] Город Денвер в Соединенных штатах быстро и блестяще вырос из местечка, невыгодно расположенного, благодаря скрещению в нем девяти железных дорог. Английский поселочек Крью, с 4 домами при узловой станции, вырос в город с 42 000 жителей. Город Обергаузен в Рейнской провинции с 52 000 жителей до обращения его в важный железнодорожный узел был маленькой деревушкой. В СССР узловые станции Бологое, Грязи, Жмеринка, Казатин быстро превратились из станционных поселков в городки с 10 000 и больше населения, причем росту Казатина способствовало устройство сахарного завода. Узловой пункт в Сибири, Никольск - Уссурийский в 50-х годах прошлого века был селом, в 1897 г. — городом с 8 982 жителей, в 1902 г. имел 20 тысяч и в 1925 г. — свыше 40 тысяч жителей. Проведение Закаспийской железной дороги привело к образованию ряда городов на месте прежних аулов и т. д.

---

[1] Основы финансовой науки, стр. 112.

[2] Сибирь, стр. 264.

[3] К. Г а с с е р т, Города и сухопутные дороги (глава из цит. соч., стр. 76 — 84).

Нельзя не отметить того любопытного факта, что узловой пункт, лежащий в сравнительной близости (не более 50 *км*) от крупного города, никогда сам не разрастается в сколько-нибудь значительный город. Здесь действуют: а) закон равномерного распределения пунктов сгущения населения, который и позволяет затем успешно проводить административное районирование, и б) закон соперничества соседних городов, причем победа остается обыкновенно за тем сильнейшим городом, который уже раньше опередил своего соперника, так как приобретенное преобладание утрачивается лишь с трудом. Не зная об этом, правительства в прежнее время противились скрещению железных дорог вблизи старых городов, боясь будущей конкуренции узловых пунктов.[1]

Интересно проследить, как происходит, так сказать, «технически» превращение станции в город. Возле оживленной станции обыкновенно строится железнодорожный поселок, в котором живут железнодорожные служащие и их семейства. В случае скрещения в одном пункте нескольких рельсовых путей, число указанного населения значительно.[2] Для обслуживания его здесь же поселяются пищевики, мелочные торговцы и т. п. Поселок постепенно разрастается в железнодорожный к в а р т а л. Выгодные условия внешнего сбыта привлекают сюда кустарей, а иногда фабрикантов и заводчиков. Водопровод, канализация, больничная помощь, пожарная охрана, подъездные пути от заводов, постройка церквей, — все то, что в Германии и Англии неизбежно сопутствует жизни сколько-нибудь значительного поселения, — завершает процесс урбанизации. Формально, административной гранью между поселком и городом здесь служит дарование первому прав городского самоуправления. В Северной Америке этому естественному процессу урбанизации железнодорожных поселков за последнее время искусственно содействовали железнодорожные синдикаты и крупные спекулянты, которые рассчитывали на то, что благодаря возникновению новых городов разрастется движение на идущих к ним железных дорогах и увеличится прибыль владельцев дороги. Строительные общества помогали им. Так постройка городов постепенно теряет свой чисто стихийный характер и превращается в рассчитанное прибыльное предприятие.

б) Железная дорога соединяет уже существующие города, — в этом случае она почти всегда способствует их росту и развитию. К сожалению, в нашем распоряжении еще слишком немного статистических наблюдений и научных трудов, специально и точно выясняющих влияние железных дорог на рост существующих городов. Однако вычисление, произведенное за период 1896 — 1899 гг., в среднем, перевес иммигрантов для городов, не лежащих при железных дорогах, равнялся 3,7 на тысячу, а в железнодорожных пунктах — 16,3 на тысячу.

---

[1] Напр., в Германии не допускали скрещения путей в первые [illegible] от крупного города К...

[2] Напр., в окрестностях Кр... [illegible] (ср. Verh. d. V. f. Soc.-Pol., стр. ...).

В дореволюционной России усиленный рост главнейших городов в областях Московской промышленной, Озерной, в Поволжьи, Белоруссии, на Украине начался в шестидесятых годах XIX в., т. е. в эпоху постройки там железных дорог. Аналогично интенсивный рост городов в Центральной черноземной области наблюдался лишь с 80-х годов и также совпал со временем развития там железнодорожного строительства. Равным образом в Киргизском крае, в Западной и Восточной Сибири только с проведением железной дороги (в 90-х годах) выявился быстрый рост городов на ее пути.

Л. Д. Синицкий, с другой стороны, приводит немало любопытных примеров застоя и регресса городов, обойденных железной дорогой. Могилев, лишенный железной дороги, до 1903 г. почти вовсе не развивался, при общем быстром росте городов Белоруссии; из городов среднего Поволжья всего медленнее рос Симбирск, позже других получивший железную дорогу; губернский город Каменец-Подольск, оставшийся в стороне от железнодорожного сообщения, развивался слабее, чем уездные города той же губернии (напр., Винница); Петрозаводск, также оставшийся без железной дороги, не вышел из ничтожества, несмотря на свою административную роль; торговля Новгорода окончательно пала после проведения Николаевской железной дороги; сибирско-китайский пограничный город Кяхта, прежний цветущий центр чайной торговли, совершенно захирел после того, как железная дорога, проложенная на большом расстоянии от него, отвлекла к себе почти всю торговлю. Приведенные примеры убедительно доказывают, что выгоды приречного и приозерного положения в настоящем веке торжествующей техники в соответствующих случаях не спасают города от деградации. Ускоренное и удешевленное сообщение, приобщение населенного пункта к господствующей мировой сети сношений, — без сомнения, играют теперь решающую роль.

Само собою разумеется, что воздействие железных дорог, при анализе общего влияния новейшей техники, не следует рассматривать изолированно от других технико-экономических факторов, и мы выделили этот вопрос лишь в виду ограниченности места. Значительное влияние на развитие городов оказывает в соответствующих случаях и коммерческий флот, и портовые сооружения, и шоссе, и искусственные каналы, и фуникулярные дороги (для горных курортов), и даже автобусное и трамвайное между городное сообщение. Также играет свою важную роль и новейшая техника мостов. Общеизвестно в старину значение «бродов», т. е. переправ через суженные места реки, облегчавших сношения. Еще в раннем средневековьи города особенно охотно избирали свое местоположение у этих бродов, и целый ряд германских и английских городов своими названиями, т. е. окончаниями на «furt» и «ford» (что значит «брод»), живо напоминают об этой эпохе. В настоящее время и здесь техника победила географию. Паромы и лодки через броды заменились постоянными переправами, т. е. мостами разнообразнейших типов; развитие же судоходства требует устранения и бродов, а именно углубления и регулирования речного фарватера. В результате прежовутые «города при бродах» преобразовались в «города при мостах».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ГОРОД КАК ЧАСТЬ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

В предыдущей главе мы сделали важные шаги к познанию современного города, дав, во-первых, классификацию его типов и разновидностей и выяснив, во-вторых, внешнюю обстановку его зарождения и развития, как естественную (географическую), так и искусственную (техническую). Теория городов, однако, не может этим ограничиться. Для завершения ее необходимо сделать еще три не менее важных шага: 1) рассмотреть функциональную зависимость города, а именно его генезиса и динамики, от той общей народнохозяйственной системы, часть которой он составляет, и 2) перечислить все более или менее существенные признаки современного города, выяснив его социально-экономические структуру, функции и значение. Третьей нашей задачей, которой посвящается отдельная глава, будет наметить перспективы города в грядущей социалистической системе.

Единственным серьезным экономистом и урбанистом, сделавшим до сих пор первый из перечисленных шагов, является Вернер Зомбарт, исследованиями которого нам придется воспользоваться с соответствующими коррективами в первую же очередь. Труд Зомбарта[1] ценен как своим историзмом, так и правильным методологическим подходом к проблеме урбанизма, хотя выводы названного ученого (одного из самых левых представителей «катедер-социализма») все-таки во многом субъективны.[2] Что же касается остальной литературы (Шварц, Фойгт, Маршал, Марло, Шульце-Геверниц и др.), то она лишь вскользь касается данной темы и притом, за редкими исключениями, исходит из непродуктивной потребительской точки зрения.

Главная причина неудач теорий урбанизма коренится в том, что огромное большинство исследователей современного города, игнорируя производственный момент, смотрят на него как на более или менее благоустроенное жилище, отчасти как на санаторий и источник культуры. «У граждан есть потребности, и такая-то, мол, обстановка и благоустройство удовлетворяют их лучше всего». Между тем современный город как часть народнохозяйственной системы есть раньше всего колоссальная мастерская, сложное сотрудничество для производства хозяйственных благ и комплекс связанных с этой мастерской торговых и кредитных отношений. Надо выяснять в первую очередь не то, что город может дать гражданам, а то, что

---

[1] См. главы девятую, десятую и одиннадцатую цит. соч., стр. 104 — 199: Задачи теории городов, Генезис капиталистического города и Условия существования городов.

[2] Напр., к таким субъективным выводам принадлежит конечный вывод Зомбарта о том, что современный город воплощает идеал личной свободы (от гнета рогичей, соседей, господ). Этот вывод был бы верен для средневекового города, в котором буржуазия приобрела свободу от гнета феодалов. Но приобретает ли пролетарий свободу от гнета капитализма в современном городе?

производители могут дать городу в пределах данной системы. Посев идет раньше жатвы, и только колоссальный прибавочный продукт, вырабатываемый городом, отчасти непосредственно оседающий в нем и отчасти обмениваемый на прибавочный продукт деревни, позволяет современному мировому центру питаться и расти, развивая новые усложненные потребности господствующего класса (т. е. городской буржуазии) за счет того же прибавочного продукта. Игнорирование этого производственного момента вызывается, согласно принципу «бытие определяет сознание», современной гипертрофией потребительных функций правящей буржуазии города — блеском его центральных частей, комфортом его жилых и роскошью его торговых кварталов, причем «мастерская» обыкновенно остается в тени, грязная и запущенная, ютящаяся на неблагоустроенных окраинах. Главная задача лицевого города и его представителей в ратуше состоит в том, чтобы изолировать культурное Сити от «развращающего, тлетворного духа рабочих окраин», обезвредить дым их фабричных труб, скрыть от благовоспитанных взоров тяжелый физический труд, болезни, нищенство, грубый порок, — одним словом, забыть о всех тех социальных язвах и противоречиях, которые множатся вместе с ростом прибавочной стоимости и предъявляют свои векселя лишь в революционные эпохи... Этому лицевому городу соответствует и потребительская теория, ищущая своей точки опоры не на усилиях (Lastmoment), а на результате (Lustmoment).

Поставив себе задачей исследовать сущность города в системе капитализма, Зомбарт[1] предусматривает следующие возможности: I. Капитализм способствует образованию или развитию городов как движущая сила, т. е. он сам создает мотивы для поселения в определенном месте: 1) создает прямо, если интересы капиталистического предпринимателя непосредственно определяют место, причем безразлично, существует ли уже в данном месте город, принимаемый в расчет предпринимателем, или же город только возникает; 2) создает косвенно,[2] если в данное место капиталистическим предпринимателем привлекаются другие лица, рассчитывающие прокормиться здесь благодаря деятельности капитализма — а) в качестве непосредственных его служащих, в особенности наемных рабочих, б) в качестве косвенно занятых предпринимателем лиц — от поставщиков произведений промышленности до художников и кокоток. II. Капитализм содействует образованию городов как объективное условие, т. е. побудительные мотивы к поселению в городе, лежащие вне сферы интересов капиталистического хозяйства как необходимой внешней предпосылки (чиновничество современного государства, рантье и т. п.). В изложенной схеме очень логично намечена целая программа исследования, до сих пор еще никем, а в том числе и самим автором схемы целиком не выполненная.

---

[1] Цит. соч., стр. 163.

[2] Не совсем понятно различие между пунктами первым и вторым. Ведь и во втором случае капиталист, привлекая рабочих в данное место, должен определить, т. е. выбрать его, согласно своим интересам.

Зомбарт противополагает резко, чисто диалектически а) города ранней[1] и б) города новейшей капиталистической эпохи. Торговый город первого периода, постепенно образовавшийся вокруг старого ядра ремесленного города, был, как уже указывалось, отцом современного города, но не мог достигнуть крупных размеров—в первое время благодаря неразвитой технике транспорта, а впоследствии из-за сравнительно низкой нормы прибыли. «От потока товаров, проходящих через город, — говорит Зомбарт, — городскому жителю прокормиться так же трудно, как воробью извлечь корм из мешков, употребляемых для ссыпки хлеба или гороха. Только огромная масса товаров, пройдя через руки капиталистов, может оставить в них значительную прибыль, т. е. заметные средства для поддержания городского населения».[2] Равным образом и ранней капиталистической промышленности не присуща сила созидать города благодаря характеризующей ее широкой децентрализации (локальной, территориальной и национальной).[3] Действительно, в то время а) господствует домашнепромышленная организация производства, чуждая обобществлению рабочих сил, б) движущей силой является текучая вода, часто встречающаяся вне городов, или сила ветра, удобно используемая лишь на открытых пространствах, и в) главным сырым и вспомогательным материалом служит дерево лесов, раскинутых более или менее равномерно на широкой территории многих стран.

Города ранней капиталистической эпохи (точнее — эпохи развитого товарного хозяйства) существуют и развиваются не столько благодаря внутренним силам зарождающегося капитализма, сколько вследствие а) притока извне земельной ренты, расходуемой в городах землевладельцами, и б) финансовому хозяйству монархов.[4] Впервые растет в то время налоговый пресс, привлекающий значительную долю национального продукта в сферу городского потребления, так как монархические государства начинают содержать в городах (особенно в столицах) обширные штаты двора, чиновничества, судебных учреждений, войска, которые в свою очередь обслуживаются многочисленными ремесленниками, пищевиками, торговцами вином, производителями роскоши, адвокатами, врачами, педагогами, прислугой разного рода и т. п. По описанию Чемберлена, «Лондон конца XVII в. представляет собою колоссальное rendez-vous знати, дворянства, придворных, духовенства, стряпчих, медиков, купцов, моряков, самых искусных ремесленников, наиболее тонких умов и наиболее

---

[1] По нашему мнению, Зомбарт произвольно расширяет понятие ранней капиталистической эпохи, начиная ее исчисление с XVI в. для Испании и с конца XVII в. для Англии и Франции. То время в Зап. Европе характеризуется развитым товарным, но не капиталистическим хозяйством, и можно говорить лишь о зарождении капиталистических отношений. Капитализм возникает только в XVIII в., когда главная масса рабочей силы превращается в товар.

[2] Цит. соч., стр. 164. Чисто торговые города и в новейшее время редко достигают выдающегося развития.

[3] Цит. соч., стр. 173.

[4] По вычислениям Грегора Кинга, в 1688 г. в Англии земельная рента выражалась в сумме 5 665 000 фунтов стерлингов, а доходы торговцев в сумме 2 400 000 фунтов.

великолепных красавиц». Все старинные теоретики городов (Кантильон, Гельвециус, Кенэ, Мирабо, Беккариа, Кинг, Дефо) сходятся на изложенном объяснении городов ранней капиталистической эпохи, подчеркивая, что не столько торговые и промышленные доходы коренных городских жителей были экономическим базисом тех городов, сколько земельная рента пришлых дворян и милости королей. В сущности это еще не капиталистические, а дворянские города с обширными кварталами дворцов, особняков, пригородных вилл.

Совершенно иначе обстоит дело с городами позднейшей, т. е. высоко развитой капиталистической эпохи. На фоне сказанного тем рельефнее выделяется более близкая к нам картина. Как вполне правильно отмечает Зомбарт, «капитал начинает созидать (и содержать) города с того момента, когда он приобретает способность и силу собрать в одно место значительные массы людей и прокормить их из собственных средств». Когда появляется эта сила, основанная на новой технике, она растет, как былинный богатырь, постепенно устраняя все прочие творящие город силы. Поэтому современный чисто индустриальный и торгово-промышленный город нельзя рассматривать, как это чаще всего делается, независимо от технико-экономического базиса новой эпохи и вне той капиталистической системы, которая строит города по своему образу и подобию.

Еще Карл Маркс указывал, что только новый двигатель, а именно паровая машина двойного действия, позволила «концентрировать производство в городах» вместо того, чтобы рассеивать его в деревне.[1] Действительно, употребляемый на фабриках паровой двигатель, значительный по размерам, солидный и неподвижный, вкупе с доменными или коксовыми печами, требовал, при сравнительно коротких передаточных механизмах, непосредственной близости к себе многочисленных рабочих машин, а следовательно и аккумуляции вокруг машинного аппарата всей массы человеческой трудовой силы. Вместе с тем двигательно-паровая система уже не зависела от текучей воды на сельской территории или от капризной силы ветра и, перейдя к каменному углю, перестала нуждаться в массовой, но разрозненной добыче дров из лесов, разбросанных на широкой территории. В этом и заключались основные технико-экономические предпосылки к сосредоточению производящей массы рабочего населения в городах, особенно же по соседству с местами добычи каменного угля и нефти, или же на тех водных путях сообщения, которые позволяют доставлять этот каменный уголь сравнительно дешево.[2]

---

[1] Капитал, т. I, стр. 363 — 373.

[2] Необходимо отметить, что применяемый нами объективный метод исследования вызывает теперь в Европе, особенно же в Германии, горячие возражения со стороны субъективно-психологической школы в экономике. Наиболее последовательный и талантливый представитель этой школы Роберт Лифман пренебрежительно называет марксистский метод технико-материалистическим пониманием экономики (technische-materialistische Auffassung) и противопоставляет ему

Таким образом, основными внутренними причинами, создавшими типично капиталистический, т. е. индустриальный город (кроме внешних причин, изложенных в седьмой главе), следует признать коллективизацию производства и концентрацию общественных средств производства.[1] Мастерские, разбросанные прежде в большом количестве по деревням, соединяются в одном крупном учреждении (фабрике), вокруг которого неизбежно группируются и жилища рабочих, немногочисленные на первых порах дворцы буржуазии и интеллигенции (хозяев, управляющих, инженеров, врачей). Капиталистический город вырастает как точка опоры и символ обобществленного и концентрированного труда, с одной стороны, и как точка опоры и символ господства над трудом, т. е. капитала, — с другой. Потребительные функции первичного рабочего города ограничиваются, с одной стороны, простым воспроизводством рабочей силы и с другой — зарождающимися капризами рафинированного потребления, которые вызываются накоплением прибавочной стоимости в руках капиталистов. Необходимо понять в изолированном и наиболее простом его виде этот основной момент, который впоследствии маскируется всеми сложными отношениями капитализма.

Изложенный процесс коллективизации и концентрации производства протекает в стихийном темпе, но все-таки в известном чередовании, которое вызывается прогрессом техники, а именно степенью продуктивности машин в той или иной области производства. Отметим, что на первых порах выступают бумагопрядильная машина (напр., сосредоточение великобританской хлопчатобумажной индустрии в Манчестере),[2] а затем ткацкий станок, вытеснившие почти целиком домашнепромышленное производство.

На ряду и в связи с общим процессом концентрации мы наблюдаем аналогичный процесс, также способствующий, как внутренняя движущая сила, образованию и росту капиталистического города. Это централизация или, точнее, локальная концентрация предприятий, которая состоит в пространственном сосредоточении в одном месте отделенных прежде друг от друга учреждений. Соединение предприятий в одном центральном пункте

свой метод, базирующийся на индивидуальном учете затрат и результатов. Его блестящий анализ действительно вскрывает пружины индивидуально-хозяйственной психологии отдельного хозяйствующего субъекта, от которой Лифман пытается перейти к коллективному хозяйству в индустриальных центрах. Упомянутая теория, заменившая теорию предельной полезности, ныне вполне дискредитированную, к сожалению, вовсе не рассматривается в русской экономической литературе. Критика могла бы доказать, что теория Лифмана особенно несостоятельна в области научного предвидения, составляющего провиденциальную цель всякой социальной науки (см. Robert Liefmann, Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, dritte Auflage, Stuttgart u. Berlin, 1923).

[1] Зомбарт неправильно называет этот процесс «централизацией производства» (см. цит. соч., стр. 175). Под централизацией надлежит понимать «концентрацию уже сложившихся капиталов, уничтожение их индивидуальной самостоятельности, экспроприацию капиталиста капиталом» (Капитал, изд. 1920 г., I, стр. 639 — 644).

[2] Шульце-Геверниц, Grossbetrieb, S. 51.

уменьшает издержки и облегчает ведение дела. Так, напр., сооружение по соседству с данным производством мастерских соответственных машин (производство средств производства по терминологии М а р к с а) устраняет перерыв в работе от порчи машин, выписку отдельных частей машин издалека, содержание дорого стоящих ремонтных специалистов и запасных складов. К той же централизации ведут технические нововведения, как-то: коксовые печи, пудлингование, бессемеровский способ обработки железа и т. п. Формы такой централизации или локальной концентрации, которые все способствуют поселению рабочих и отчасти промышленных капиталистов в одном месте, т. е. образованию и развитию города, весьма многообразны, но мы приведем лишь наиболее распространенные из них. Во-первых, это — «фузия», т. е. слияние предприятий с однородной продукцией; во-вторых, «комбинирование», т. е. слияние дополняющих друг друга предприятий.[1] Объединение доменных печей с конверторами и вальцепрокатными заводами, слияние чугуноплавильных заводов со сталелитейными, локальное объединение добывания нефти и ее переработки в бензин, керосин и масла, соединение прядильного, ткацкого и отделочного процессов, сооружение белилен и красилен вблизи текстильных заводов, присоединение производств, перерабатывающих отбросы данной индустрии (дубильни, клееварни),— вот общераспространенные примеры таких комбинаций. Однако и этим локальная концентрация не ограничивается. К слитым и комбинированным предприятиям в процессе индустриального развития присоединяются п о д с о б н ы е и л и в с п о м о г а т е л ь н ы е и н д у с т р и и, как-то: ремонтные, транспортные заведения, чертежные, модельные, граверные мастерские, а равно д о б а в о ч н ы е и н д у с т р и и. К последнему случаю можно причислить, напр., естественное появление женских индустрий (прядение, мелкое ткачество, изготовление папирос) там, где имеются мужские.

Все это концентрированное в одном месте производство обладает особым п р и т я г а т е л ь н ы м в л и я н и е м на других и особенно однородных представителей промышленности. «Раз какая-нибудь индустрия, — говорит А. М а р ш а л, — со всеми теми дополнительными, подсобными и добавочными индустриями, коими она обросла, избрала себе определенное место, она уже упрочивается там надолго: так велики те преимущества, которые люди, занятые одним и тем же квалифицированным промыслом, извлекают из близкого соседства друг с другом». Избранная профессия как бы акклиматизируется в данном пункте, и изощренное искусство в ней приобретает характер местной традиции. Профессиональная слава данного пункта привлекает в него соответствующих специалистов из разных стран и многочисленные заказы издалека. Населенный пункт, который приобрел таким образом международное значение, не может не превратиться в город, причем каждый индустриальный город имеет свой особый промышленный отпечаток или уклон. Упомянутая специализация городов особенно рельефно проявляется в Соединенных штатах:

---

[1] А. М. Г и н з б у р г, цит. соч., стр. 103.

так, Чикаго известен машиностроением, С.-Луи — табачной индустрией, Бостон — сахаро-рафинадными заводами, Питсбург и Кливеленд — стальным и железным производством, Мильуоки — пивоварнями, Провиданс — шерстяными изделиями, а Патерсон — шелковыми, Ворчестер — башмаками, Нью-Гафен — корсетами, Фалль-Ривер — хлопчатобумажными изделиями и т. д.[1]

Само собою разумеется, что той же «городосозидательной» силой обладает и высоко развитая капиталистическая монополия в лице ее синдикатов или картелей, трестов, комбинатов и т. п. Столь мощные экономически организации[2] могут не только способствовать стихийному возникновению или росту уже существующих городов, но подчас и сознательно планируют города согласно своим потребностям. Так, на наших глазах американский стальной трест, образованный в 1902 г., создал собственный город на берегу озера Эри, названный в честь главного инженера треста городом Гарри. К 1925 г. в нем жило уже около ста тысяч населения, главным образом рабочих треста с их семьями. Там же была построена целая система доменных и коксовых печей, рельсопрокатных, сталелитейных, проволочных, жестяных и чугунолитейных заводов.

Наконец, все сказанное о концентрации и централизации промышленного капитала, как о городообразующей силе, должно быть отнесено, mutatis mutandis, и к торговле. Правда, чисто торговые города с их исключительно посредническими функциями, как правило, не обладают в настоящее время столь выдающейся внутренней силой развития, как пункты индустриальные, но росту и локальной концентрации индустрии неизбежно сопутствует в том же месте и рост торговых оборотов, так как обрабатывающей промышленности нельзя не закупать сырье и полуфабрикаты и засим сбывать свою продукцию — отчасти на внешних рынках сбыта, отчасти (а в крупнейших центрах в большей части) и внутри города. Рост потребляющего населения в городах повсеместно вызывает разительное умножение магазинов и концентрацию их в универсальных магазинах, этих неизбежных спутниках больших городов, с их организацией на акционерных началах и многочисленными оборотами.[3] Эта магазинная торговля, сплошь захватывающая и наиболее оживленные артерии большого города, принимает теперь весьма изощренные формы, пользуется неслыханными раньше рекламными средствами и световыми эффектами, специально заманивая в большие города потребителей извне. Рост большого города, при неизбежном усилении спроса, сам

---

[1] Г. Вентиг, Экономическое значение больших городов, стр. 98 — 99.

[2] О степени мощности таких организаций дает представление работа Я. Пилецкого (Как капиталисты организуются, стр. 40 — 46). Так, американский стальной трест, принявший форму комбината, владеет 250 тыс. десятин земли, 35 тыс. десятин каменноугольных залежей, 170 нефтяными колодцами, 84 доменными печами, 227 заводами, 112 пароходами и до 1 500 верст железных дорог.

[3] Статистика показывает, что большие магазины вообще и универсальные в частности лишь относительно концентрируют магазинную торговлю. С 1895 и до 1901 гг. во французских городах число малых магазинов (до 4 приказчиков) возросло на 6½%, число средних (1 — 10 [illegible]) больших — на 20%.

естественно развивает торговлю во всех ее видах (оптовую, магазинную, базарную, розничную, спекулятивную), но в свою очередь эта торговля содействует росту города, так как привлекает профессионалов, кормящихся в этой области хозяйства, а равно покупателей со стороны (приезжих, путешественников).

Немалую роль играют и потребности в питании сгущенного в городе населения. Статистика показывает, что, напр., в Париже одна булочная приходится на 1 300 жителей,[1] в Лионе — одна на 500, а в С.-Этьене — одна на 380 жителей. Мы увидим дальше, какая сложная продовольственная система возникает в крупном центре с ее сетью центральных и крытых рынков, холодильников, боен, обрастающих утилизационными заводами, органами ветеринарно-санитарного надзора, дающая средства к жизни целой армии торговых посредников. Обороты этих пищевых рынков колоссальны. На одном Смитфильдском рынке в Лондоне имеется 170 фирм, торгующих исключительно говяжьим мясом, причем годовой оборот каждой из этих фирм колеблется от 50 тысяч фунтов стерлингов до 2 500 000 фунтов (т. е. около 25 млн червонных рублей).[2] Таким образом здесь имеется налицо как бы снежный ком, который растет по мере развития города и сам всемерно содействует его развитию.

В экономической литературе нередко высказывался взгляд, что городское население нельзя отожествлять с населением торгово-промышленным и что вообще неправильно приписывать городу какую-то монополию на промышленные занятия, так как даже тяжелая индустрия, не говоря уже о легкой и мелкой, в большой своей части будто бы находится вне городов. Этот взгляд в отношении *самого последнего времени* имеет некоторые основания, ибо промышленность, в связи с электрификацией, действительно начинает приобретать тенденцию к выселению из городов (см. главу шестнадцатую.) Однако для всего рассматриваемого нами периода роста и развития капиталистического города упомянутое мнение находится в полном противоречии с имеющимся статистическим материалом.

При необъятности пространств сельской России и сравнительно небольшом числе в ней городов, соответствующие данные, казалось бы, должны быть особенно убедительными. Берем прежде всего эпоху, в которую процесс капиталистического развития России выявляется уже вполне определенно. Сравнение 103 важнейших городских и сельских центров в 1890 г. показывает, что около двух третей всего числа фабрично-заводских рабочих (299 тыс. из 451) находилось в городах. В том же году в городах находилось 3 327 фабрик и заводов, с суммой продукции в 535 085 000 руб., а в селениях только 311 фабрик и заводов, с суммой продукции в 171 896 000 руб.[3] Фабрично-заводских пунктов, насчитывающих свыше 10 тысяч фабричных рабочих, было только шесть, причем пять из них являлись городами (Петербург,

---

[1] См. Charles Gide, цит. соч., стр. 277.
[2] Большие города Западной Европы, изд. МКХ, 1925, стр. 130.
[3] В. И. Ульянов-Ленин, Развитие капитализма в России, стр. 366 и след.

Москва, Рига, Иваново-Вознесенск, Богородск) и одно — местечком (Никольское при ст. Орехове), ныне переименованным в город.[1] В одном Петербурге было сосредоточено 341 991 человек, занятых обрабатывающей промышленностью.[2] Что же касается фабрично-заводских поселков, торгово-промышленных и кустарных сел, то несколько десятков из них (в том числе Павлово, Орехово-Зуево, Юзовка) были превращены в города или поселения городского типа еще Временным правительством, и здесь в полной мере сказывается городообразующая сила промышленности. Нет никакого сомнения, что даже мелкая ремесленная промышленность по всей России, не считая Польши, преимущественно ютится в городах, что видно из следующей таблицы, относящейся к 1910 г.[3]

	Всего по обследованию	В том числе в городах
Без наемных лиц или с 1 наемным	110 642 заведений	81 286
С 2 — 4 наемными лицами	86 326 „	67 125
„ 5 — 15 „ „	14 919 „	12 686
„ 16 — 25 „ „	1 256 „	1 107
Свыше 25 „ „	968 „	841

То же явление наблюдается и в отношении торговли. К сожалению, сколько-нибудь достоверная торговая статистика в деревне до революции отсутствовала. Что же касается настоящего времени, то мы имеем вполне достоверную торговую статистику по целому ряду областей. Так, напр., по данным 1924 г. в городах Сев.-кавказского края[4] имелось 919 государственных, 1 028 кооперативных и 19 315 частных торговых предприятий, с оборотами в 115 170 000, 49 400 000 и 84 596 000 рублей, а в деревне 95 государственных, 1 296 кооперативных и 8 156 частных предприятий, с оборотами в 791 000, 25 339 000 и 23 283 000 рублей. Как видно, торговый оборот городов превышал в 5 раз оборот деревни, несмотря на то, что численность сельского населения по меньшей мере в 7 раз превышает численность городского. Приведенные цифры не оставляют никакого сомнения в наличности концентрации в городах как торговли, так и промышленности.

При анализе упомянутой выше феноменальной способности концентрированного и централизованного капитала создавать и развивать города, необходимо различать два типичных и основных случая: в первом из них индустриальный город возникает вновь, кристаллизуясь вокруг устроенных и объединенных предприятий, во втором

---

[1] В. И. Ульянов-Ленин, цит. соч., стр. 433 — 437, прил. III.

[2] С.-Петербург по переписи 1890 г., Спб., 1893 г. Цифра эта касается не только фабрично-заводских рабочих, но и представителей домашней системы капиталистической промышленности, кустарей, ремесленников и даже служащих.

[3] Гриневецкий, Послевоенные перспективы русской промышленности.

[4] Районирование СССР, изд. «План Хоз.», М., 1926 г., стр. 90.

случае данная торгово-промышленная система избирает местом своего пребывания уже существующий центр, выросший на несколько ином базисе. В первом из основных случаев типичный р а б о ч и й город сначала буйно растет благодаря законам расширенного воспроизводства и все время усиливающегося спроса на рабочую силу.[1] Однако только в сравнительно немногих случаях эти рабочие города с их резко выраженным активным балансом[2] возвышаются над уровнем города средней руки и переходят в разряд крупных центров, хотя они и вносят в народное хозяйство страны наибольшие ценности. Дело в том, что буржуазия избегает жить в таких городах: их чисто производственный уклон, немолчный шум, гудки, дым, запах гари, различных химических соединений, угольный налет на путях сообщения, неприглядная толчея и грубые нравы физически-трудового населения, — все это не соответствует рафинированным вкусам наслаждающегося жизнью класса. В пролетарском городе обычно живет ровно столько представителей буржуазии, сколько это необходимо для дела. Одним словом, предпринимательская прибыль часто уходит из рабочих городов в другие, м о д н ы е центры, туда, где господствующий класс свил себе потребительное гнездо. Наоборот, в тех немногих случаях, когда не только рабочее, но и зажиточное население избрало вновь возникший индустриальный город излюбленным местом своего постоянного жительства, вокруг первоначального промышленного ядра образуется кольцо поставщиков и торговцев. Первое кольцо нового городского населения обрастает вторым, второе третьим и т. д. Появляются роскошные магазины, строятся театры, улицы мостятся асфальтом и заливаются потоками света; последнее слово гигиены и санитарной техники применяется для соответствующих кварталов. Одним словом, возникает то своеобразное и не лишенное приятности явление, то благоустроенное «жилище», санаторий и культурный источник, с которым привыкли иметь дело любознательные путешественники и о которых много говорят иностранные курсы городского благоустройства. К таким чисто индустриальным, но вместе и буржуазным городам принадлежат, напр., Ахен, Дортмунд, Дюссельдорф, Эссен — в Германии, Манчестер, Бирмингам, Шеффильд — в Англии, Лилль, Рубэ — во Франции и т. д.

Гораздо чаще мы встречаемся со вторым основным случаем, при котором капитал избирает ареной своих операций уже существующий значительный город. В этом, без сомнения, коренится главная причина

---

[1] Приводим несколько цифр, касающихся первоначального буйного роста пролетарских городов. Лидс имел 7 000 жителей в 1685 г., 309 тыс. в 1881 г., Ноттингэм — 8 тыс. в 1685 г., 631 — в 1881 г., Бейтен — 1 976 в 1816 г. и 51 409 — в 1900 г., Крефельд — 14 393 в 1816 г. и 106 928 — в 1900 г., Бохум — 4 067 в 1849 г. и 65 554 — в 1900 г., Кенигсхютте 9 000 в 1868 г. и 57 875 — в 1900 г. (См. З о м б а р т, цит. соч., стр. 178).

[2] В типично пролетарском городе Кенигсхютте, напр., добывается средств к существованию более чем на двойное количество его собственных жителей. Действительно, из общего количества 33 407 его жителей только 844 человека платили подоходный налог в 1890 г., т. е. имели годовой доход выше 3 000 марок (около 1 000 руб. золотом). Между тем только одна промышленная компания (Verein Königs und Laurahütte A-g) в том же городе выплатила 3 780 000 марок дивидендов своим участникам.

более интенсивного роста крупных центров, на который впервые указал Левассер.[1] По мнению В. Зомбарта,[2] большой город всегда представлялся предпринимателю наиболее благоприятным местом для промышленной деятельности: 1) вследствие близости торговых и кредитных учреждений, 2) вследствие уверенности найти там высоко квалифицированный труд, 3) вследствие близости научно-технических вспомогательных сил, 4) вследствие наличности особенно дешевых рабочих сил (на этот мотив ссылается и К. Маркс, указывая на то, что резервная армия пролетариата живет преимущественно в больших центрах, надеясь найти там работу).[3]

Ко всем перечисленным мотивам следует присоединить еще следующий. Когда концентрированный капитал переносит арену своей деятельности в уже существующий крупный и оживленный центр, то обычно на него же устремляют свою ориентацию не только администрация соответствующих предприятий промышленных, торговых и кредитных, но и сама буржуазия, находящаяся в круге данных интересов, так как такой город способен удовлетворить все ее сложные жизненные потребности. В результате прибавочная стоимость, выпадающая на долю акционеров и облигационеров, остается в городе, оседает в нем, орошает золотым дождем тысячи добавочных предприятий — научных, театральных, художественных, торговых — вплоть до утонченных кабаков и домов разврата. Здесь мы подходим к проблеме крупного и в частности мирового города, или города-гиганта, с его многомиллионным населением.

Затронутая проблема в высшей степени интересна как с социальной, так и с экономической стороны. Если не считать древнего Рима, размеры и многолюдность которого весьма спорны, то человечество впервые встречается с фактом существования таких многомиллионных центров, как Лондон, Нью-Йорк или Берлин. Превосходя своей величиной и многолюдностью целые небольшие государства, они все же сохраняют свою техническую, хозяйственную и правовую цельность, характерное коммунальное единство и выдвигают все те же чисто городские задачи, что и другие крупные и даже средние города. Однако до сих пор они не обрели еще своей приемлемой теории, что может быть оправдано только отсталостью нашего гуманитарного знания. Тот самый Зомбарт, который построил первые вехи в экономике города и исследованиями которого мы во многом воспользовались в настоящей главе, разрешает данный вопрос едва ли не поверхностно.[4]

---

[1] Внимательно останавливается на этом явлении и В. И. Ленин (см. т. III, стр. 450 — 481).

[2] Цит. соч., стр. 182.

[3] Вопрос о том, высока ли сравнительно или низка заработная плата в большом городе, спорен. В различные эпохи дело обстояло не одинаково. В XX в. благодаря росту социальной силы пролетариата, повышению стандарта его потребностей и дороговизне жилища в больших городах заработная плата, как указывает статистика, в них выше, чем в более мелких поселениях.

[4] Еще меньше дают другие исследователи больших городов Майр, Вентиг, Озеров, Зиммель, Петерман, Шефер, не идущие в этом вопросе дальше общих мест, если не считать ценных фактических данных, ими приводимых.

По смыслу его учения, главным существенным признаком мирового города является резко выраженный пассивный баланс. «Производимая в городе-гиганте прибавочная ценность потребляется в нем же, не просачиваясь на сторону, и, кроме того, в сферу его потребления привлекается прибавочный продукт из различных частей страны и даже всего мира (напр., наплыв иностранцев и прожигателей жизни в Париж). Задает тон в таком центре класс промышленных рантье, как некогда в раннекапиталистических столицах тон задавали аграрные рантье. В результате происходит то же, что и при пассивном расчетном балансе народов: накапливается все большее количество богатств, то руководящих при помощи невидимых нитей ходом хозяйственной жизни, то бесследно исчезающих в процессе потребления».[1]

Сказанное Зомбартом в общем и целом, конечно, верно, но оно еще не намечает даже первых вех искомой теории. Во-первых, пассивный баланс сам по себе еще не может создать богатств и привлечь в город миллионы жителей. Во-вторых, остается невыясненным, почему такие миллионные центры создались лишь во второй половине прошлого века и почему именно данные города, а не другие, перешагнули грань, разделяющую город мирового значения от простого крупного центра. Города-курорты, города-резиденции и другие чисто потребительные города отличаются еще более сильно выраженным пассивным балансом, но это обстоятельство еще не превращает их в многомиллионные центры. С другой стороны, есть мировые города, как, напр., Чикаго, Бирмингам или Детройт, которые вовсе не отличаются особенно ярко выраженным пассивным балансом.

Мы думаем, что к проблеме мирового города надлежит подходить с иной стороны, а именно рассматривать ее с точки зрения закономерной эволюции капиталистического строя. Торговый капитал (вместе с земельной рентой) создал средний по размерам торговый город раннего капитализма, промышленный капитал создал крупный индустриальный город середины прошлого века, сращивание же промышленного капитала с банковым, или финансовый капитал, создает динамические города XX века. Более того: последний этап капитализма, который мы переживаем, естественно воздвигает те мировые империалистические центры, которые носят название Нью-Йорка, Лондона, Берлина, Парижа и откуда эти последние до поры до времени управляют, в порядке взаимной конкуренции, судьбами мира. Нет сомнения, что эти колоссальные центры дошли теперь до какой-то кульминационной точки: рост большинства из них приостановился или, вернее, обнаруживает центробежный характер, как это будет более подробно выяснено в шестнадцатой главе. Воплотив в себе все грандиозные достижения, но одновременно и все противоречия современной эпохи, они, без сомнения, разделяют участь мирового капитализма... Эти недоуменные вопросы следует рассмотреть более внимательно.

---

[1] Цит. соч., стр. 181, 185 и след.

К сожалению, теоретики новой фазы в развитии капитализма, а именно финансового капитала (Рудольф Гильфердинг, Отто Бауер, Гельферих и другие), не рассматривали своего предмета в связи с проблемой больших городов. Эта важнейшая социально-экономическая проблема по какому-то странному недоразумению всегда рассматривается вскользь, как нечто весьма ясное, само собою подразумевающееся и не требующее теоретической разработки. Между тем город-гигант, этот двуликий Янус и твердыня капитализма, так же маскирует свою производственную сущность под бьющей в глаза потребительной личиной, как товар прячет свою общественно-трудовую субстанцию стоимости под фетишистской оболочкой. Но только пристальный теоретический анализ в специальных монографиях мог бы это научно доказать.

Однако уже самые простые сопоставления указывают на решающую роль финансового капитала в экономической жизни мировых центров. Известно, что товарные и фондовые биржи, признанные верховными регуляторами капиталистического хозяйства, сосредоточены в крупнейших городах (Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Берлине, Гамбурге и т. д.) и что именно в этих центрах устанавливаются вексельные курсы и определяются платежные балансы соответствующих стран. Официальные учетные проценты при дисконтных операциях устанавливались до войны в Лондоне, Берлине, Париже, Вене, Петербурге и других крупнейших городах. Известно также, что расчетные палаты (Clearing houses), эти органы концентрации банкового дела с их многомиллионными оборотами,[1] сосредоточены: в Англии — в Лондоне, Манчестере и Ливерпуле, в Шотландии — в Эдинбурге и Глазго, в Германии (расчетные отделы) в 23 крупнейших городах,[2] во Франции — в Париже (Chambres de compensation),[3] в Соединенных штатах — в Нью-Йорке (после войны около 100 млрд долларов оборота) и Чикаго, в России до 1917 г. (расчетные отделы) в 50 крупных городах, с общим годовым оборотом в 43 миллиарда рублей. При этом почти все главные конторы влиятельных кредитных банков Европы и Сев. Америки находили свои резиденции также в мировых городах с отделениями в больших и реже в средних городах (в Германии, как правило, отделения банков находятся в городах с числом жителей не менее 80 тысяч). Если прибавить к сказанному, что почти все важнейшие акционерные общества, привлекающие и концентрирующие денежный капитал и стягивающие его в промышленность, имеют свое основное местопребывание в городах-гигантах (в Англии в 1917 г. свыше 5 тысяч акционерных обществ с 2 млрд фунтов основного капитала были сосредоточены в 4 крупнейших центрах); мы легко поймем роль финансового капитала в развитии этих последних. Нельзя забывать,

---

[1] По данным В. Лексиса (Кредит и банки, изд. «Моск. Рабочий», 1923 г., стр. 54), лондонский «Clearing house» в 1912 г. имел оборот в 15 962 млн фунт. стерлингов.

[2] В Берлине Deutsche Bank, Diskonto-Gesellschaft Bank für Handel und Industrie, National Bank, Kommerz und Diskontobank, Mitteldeutsche Kreditbank и др.

[3] Сумма оборотов до революции — 30 млрд франков в год.

что сопутствующими элементами всех упомянутых бирж, расчетных палат, банков и бесчисленных акционерных обществ (мы перечислили лишь главнейшие органы финансового капитала) служат здания, по своей роскоши и размерам затмевающие подчас правительственные здания, десятки и сотни тысяч служащих, массы спекулянтов, биржевых игроков, акционеров, облигационеров, агентов, расходующих в крупных городах свои выигрыши, проценты, дивиденды и прочие доходы. Не только промышленный капиталист, как думает Зомбарт, но и денежный капиталист задает теперь тон в мировом центре. К услугам денежной аристократии во всех крупнейших городах мира имеются целые кварталы роскошных особняков, фешенебельные рестораны и клубы, специальные поставщики и места увеселений, женщины полусвета, — все это, в свою очередь, вызывает образование нового кольца торговцев, прислужников, альфонсов и прихлебателей.

Все сказанное не оставляет сомнения в том, что внутренней движущей силой, развивающей крупный центр, типичный для нашей эпохи, служит на ряду с концентрированным торговым и промышленным еще и финансовый капитал. Однако для кристаллизации города с миллионным населением в большинстве случаев требуется вспомогательная роль еще одного — а именно государственно-административного фактора. Действительно, если мы внимательно рассмотрим те 20 мировых центров, из которых каждый ныне имеет свыше миллиона населения, [1] то увидим, что 11 из них являются столицами выдающихся государств и 7 — главными городами обширных областей, губерний или штатов (исключение составляют Осака в Японии и вольный город Гамбург).

Действительно, современные государства с интеграцией и дифференциацией их функций, с их политическим, административным и военным аппаратом и внеэкономическим (по определению Маркса) присвоением прибавочной стоимости посредством налогов, привлекают к хорошо оплачиваемой службе в столицы, а следовательно в сферу городского потребления, десятки и даже сотни тысяч своих агентов. По данным переписи, в среднем не менее 6% населения крупных административных центров живет за счет государственной службы и пенсий, и приблизительно столько же процентов квартирует в них солдат и офицеров, не считая охраны и полиции. В монархических государствах сюда надо присоединить штаты придворных, дворцовых служащих и попрежнему тянущейся ко двору поземельной аристократии с ее рафинированными потребностями. Когда государственная столица играет еще и империалистическую роль, т. е. борется за мировое преобладание, как политическое, так и экономическое, господствует над многочисленными колониями и иноземными рынками,

---

[1] Кроме перечисленных нами выше городов Европы и Соединенных штатов, таковыми являются: Рио-де-Жанейро (1 158 000 жит. в 1920 г.) в Бразилии, Буэнос-Айрес (1 577 000 жит. в 1920 г.) в Аргентине, Бомбей (1 176.000 в 1920 г.) в Индии, Токио (2 173 000 в 1920 г.) и Осака (1 253 000 тогда же) в Японии, Ханькоу (1 320 000 в 1920 г.) и Шанхай (1 млн жит. тогда же) в Китае. Сведения взяты из работы Я. Златогорова (Рост городов на земном шаре за последние 125 лет, «КХ», № 3, 1926 г.).

вывозя туда свою продукцию и привлекая в сферу своего потребления товары и музейные редкости со всего мира, то она приобретает многомиллионное население, которое питается за счет прибавочной стоимости, собранной в мировом масштабе. Нью-Йорк, Лондон, Берлин, Париж и несколько отставший от них дореволюционный Петербург были такими многомиллионными и в то же время империалистическими центрами, доимпериалистическая же эпоха этого любопытнейшего явления вовсе не знала.

Таким образом, если рассматривать современный город как часть и опорный пункт капиталистической системы в ее эволюции, то становится ясным происхождение и роль отдельных категорий этих городов и в частности так называемого мирового города.

Остаются не вполне понятными рост и развитие такого города, напр., как современная Москва, которая не является центром капиталистического государства, но все же, повидимому, во многом разделяет судьбу центров мирового капитализма и империализма. За последние четыре года этот советский центр, по интенсивности своего роста и темпу своего развития, превосходил американские примеры, а коммунальные работники Москвы и составители планов будущей Большой Москвы строят все свои предположения в расчете на длительный планомерный рост ее населения. Предполагается, что в 1930 г. цифры этого населения будут 2 311 664 (по другим расчетам, 2 257 000), в 1940 — 3 421 435 и в 1950 г. 4 379 724 (по другим расчетам, 4 200 000).[1]

Время для исчерпывающего анализа этого последнего явления еще не наступило, так как, во-первых, теоретический фундамент экономики переходного периода только закладывается, в частности же мы не имеем еще никакой ориентировочной литературы по данному вопросу, и, во-вторых, то, что происходит в настоящий момент, т. е. на наших глазах, еще не может подлежать объективному научному рассмотрению. Поэтому мы позволим себе лишь высказать несколько кратких соображений по данному поводу.

Как будет выяснено в последней главе первой части, новая технико-экономическая база социализма не будет содействовать одностороннему развитию городов в современном смысле этого слова, и, наоборот, социально-экономический процесс пойдет по линии слияния города с деревней. Однако этот общий вывод не может относиться в данное время к крупным центрам советского государства, поскольку это последнее переживает исключительный исторический период. Во-первых, в обстановке нэпа целый ряд капиталистических, особенно же торговых, факторов продолжают свое воздействие; во-вторых, технический базис производства перешел к нам от дореволюционной эпохи, и при данных финансовых средствах нельзя говорить о коренной разгрузке городов и о переводе в деревню их предприятий, фабрик и заводов, т. е. всего их малоподвижного индустриального аппарата. В-третьих, диктатура пролетариата с ее партийной верхушкой и дис-

[1] Ф. Лавров, Московское коммунальное хозяйство («КХ», № 2, 1926 г., стр. 6) и Н. Гушин, К вопросу о расширении водоснабжения г. Москвы («КХ», № 19, 1925 г., стр. 5).

циплиной естественно стремится к административной централизации, причем усиленное вмешательство государства в хозяйственную жизнь увеличивает число государственных служащих; наконец, в-четвертых, новое планомерное строительство, при нашей бедности в средствах и в квалифицированных работниках, не может на первых же порах распространиться с достаточной интенсивностью по перифериям и естественно начинается с пунктов наиболее богатых и средствами и людьми, притягивая в эти пункты лучшие силы страны. С другой стороны, классовая борьба и расслоение в деревне еще далеко не закончены, и процесс пролетаризации части крестьян продолжает их толкать в города. При данной экономической и политической обстановке процесс урбанизации будет, несомненно, продолжаться в наблюдаемом темпе еще долго, и всякая попытка искусственно направить этот процесс по иному руслу из чисто идеологических соображений или отказываться от удовлетворения вопиющих муниципальных нужд, конечно, сказалась бы весьма пагубно. Достаточно отметить, что ныне постепенно ликвидируемое устранение чисто городской или муниципальной проблемы и подмена ее общекоммунальной проблемой, при реальном существовании резких особенностей города и деревни с их специальными задачами и потребностями, уже успело вызвать ряд нежелательных последствий как для городов, так и для деревни.

На основании всего сказанного, подвигаясь от сравнительно небольших городов к более и более крупным, мы можем построить следующую экономическую классификацию капиталистических городов, несколько отличающуюся от приведенной выше классификации З о м б а р т а:

1) город н е х о з я й с т в е н н ы й потребительного типа (город-курорт, город-крепость, учебно-воспитательный город, город-резиденция, административный пункт);

2) город и н д у с т р и а л ь н о - п р о л е т а р с к и й, в коем вырабатываемая прибавочная ценность расходуется за его границами (с резко выраженным активным балансом);

3) город т о р г о в ы й (город-порт, пристань или железнодорожный узел) с мало развитой индустрией и чисто посредническими функциями;

4) город и н д у с т р и а л ь н о - б у р ж у а з н ы й, в коем прибавочная стоимость расходуется внутри города (с развитой магазинной торговлей);

5) город т о р г о в о г о, п р о м ы ш л е н н о г о и ф и н а н с о в о г о к а п и т а л о в, имеющий притом очень часто еще и административное значение;

6) и м п е р и а л и с т и ч е с к и й центр с многомиллионным населением, привлекающий прибавочную стоимость из весьма широкого источника (главным образом из своих фабрик, государственных колоний, через государственную службу и временно проживающих в центре богатых провинциалов, иностранцев и т. д.).

Почти все существующие в настоящее время города капиталистических стран либо прямо подходят под одну из перечисленных руборик, либо имеют переходный характер, причем наиболее т и п и ч н ы м и для нашей эпохи являются города последних трех категорий.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ И СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

1. ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ

В предыдущем параграфе мы проследили шаг за шагом зависимость городов от народнохозяйственной системы и подошли теперь к не менее важной теоретической задаче, а именно — к анализу города как социально-экономического явления, т. е. рассмотрению существенных признаков, отличающих городской центр в сказанном отношении как от других населенных пунктов переживаемого времени, так и от городов других эпох. Идеалом урбанистической теории следовало бы признать научное описание признаков городов всех стран, эпох и категорий, но в данный момент об этом нельзя говорить, так как в систематическом и полном виде аналитическая работа до сих пор никем не выполнена даже по отношению к современному типичному большому городу.[1] Поэтому приходится прежде всего классифицировать признаки города и затем выбрать из них те, которые подлежат нашему рассмотрению.

Признаки города прежде всего могут быть разделены на с у б ъ е к т и в н ы е и о б ъ е к т и в н ы е, а последние — на в н у т р е н н и е, касающиеся самого социального бытия городских поселений, и в н е ш н и е, характеризующие материальный остов города и его облик. В свою очередь, внутренние признаки могут быть разбиты на с о ц и о л о г и ч е с к и е признаки, имеющие до известной степени «логическое» значение, так как они исходят из самого факта сгущения населения в одном месте, и э к о н о м и ч е с к и е признаки, всегда носящие ярко выраженный исторический характер. Наконец, экономические признаки, в видах методологических, следует разделить: а) на признаки, которые прямо обусловлены господствующей народнохозяйственной системой, и б) на признаки, которые вызваны конкретными потребностями городского населения, насущными и рафинированными.

Понятно, что разбор и даже перечисление всех упомянутых признаков в их историческом развитии и по данной системе не может входить в содержание сжатого курса. Раньше всего необходимо оставить в стороне индивидуальные признаки отдельных городов в тех случаях, когда они не могут служить предметом типизации и обобщения, т. е. носят чисто местный, случайный и неповторный ха-

---

[1] Нельзя не отметить того изумительного обстоятельства, что в области естествознания; как, напр., в ботанике и зоологии, ныне достигнута полная систематизация и дается исчерпывающее описание отдельных видов существующих и существовавших на земле растений и животных (даже случаев индивидуальных отклонений и уродств), причем эти исследования часто не имели непосредственного практического значения; в области же гуманитарной и социальной такое животрепещущее явление, как город, охватывающее всю сферу современной культуры и затрагивающее самую обстановку нашей жизни, не вышло еще из стадии более или менее поверхностного публицистического рассмотрения, если не считать солидных монографий об отдельных городах с их изолированным и чисто случайным характером.

рактер, ибо они не могут дать повода к отысканию и схематическому формулированию закономерностей урбанизма. Каждый из существующих городов имеет как в целом, так и в деталях свои индивидуальные отличия, свой локальный стиль и присущее ему своеобразие, обусловленные климатом, особенностями местоположения, национальными влияниями, местными нравами, историческими случайностями, подчас даже капризами строителей и бывших повелителей города. Каждый город имеет свой «вкус, цвет и запах», излучает «энергию», накопленную в веках. Совместная жизнь целых поколений, т. е. многих тысяч жителей в течение столетий, с их чаяниями, переживаниями, историческими воспоминаниями, вообще не может не оставить на месте их сожительства и на самом характере жителей того отпечатка, который действует на психику постороннего посетителя города чисто интуитивно и среди эстетов слывет за «душу» города. Тем не менее все такие интимные признаки должны быть теорией отброшены, как субъективные и учету социальной экономики не подлежащие. Описывать их — дело искусства, ищущего сложных и утонченных образов как самоцели, а не научных схем — этого рациональнейшего орудия экономики и мышления.

Равным образом мы не будем рассматривать существенных признаков первых трех категорий городов, как сравнительно менее типичных для современной эпохи, и, наконец, останутся вне поля нашего зрения все те признаки городов, которые, хотя и могут представить интерес для исчерпывающего «учения о городе», но для социально-экономического очерка урбанизма имеют второстепенное значение. В результате объясненного сужения темы, нашей задачей будет р а с с м о т р е н и е г л а в н е й ш и х о б ъ е к т и в н ы х п р и з н а к о в с о в р е м е н н о г о б о л ь ш о г о г о р о д а как социально экономического явления, без чего систематическая его характеристика осуществлена быть не может.

Большинство урбанистов,[1] как уже указывалось в первой главе, выдвигают в качестве главного социологического признака города, входящего обычно в самую дефиницию последнего, з н а ч и т е л ь н у ю к о н ц е н т р а ц и ю (или агломерацию, аккумуляцию, сосредоточение, сгущение) л ю д е й на с р а в н и т е л ь н о н е з н а ч и т е л ь н о й т е р р и т о р и и. Оспаривать по существу упомянутый признак невозможно, так как это — единственный признак, вместе с правовым признанием со стороны государства, который, хотя и в гораздо менее интенсивной степени, т. е. без эпитета «значительная», применим к городам всех категорий, стран и эпох, за исключением, может быть, лишь таких древнейших сельскохозяйственных городов, как Вавилон и Ниневия. Однако в приведенной формулировке этот признак как раз является несколько сомнительным для современного города. Можно ли говорить о «незначительной территории», когда площадь полицейского округа Лондона ныне занимает 1 795 *кв. км*, Большой Нью-Йорк — 930 *кв. км* (площадь, равная целому

---

[1] В том числе Б ю х е р, Л и н д е м а н, Д а м а ш к е.

немецкому княжеству Шварцбург-Рудольфштадт), Большой Берлин — 847 *кв. км*, Вена — 271 *кв. км* [1] и Москва (в пределах окружной дороги) — 228 *кв. км*, если не считать средних венгерских городов, которые славятся своей обширной территорией? [2] Поэтому другие урбанисты предпочитают говорить не о «сравнительно незначительной», а о более или менее о г р а н и ч е н н о й территории. Однако и признак территориальной «ограниченности» был более типичен для старинных городов, окруженных стенами. В быстро и стихийно растущем современном городе абстрактных, т. е. нематериальных, «границ», имеется несколько, и они нередко перепутываются или стираются. Так мы знаем: а) «внутреннее кольцо», отграничивающее собственно «город» (сити) от его пригородов, предместий и внегородской собственности; б) «селитебную черту», отделяющую заселенный город от муниципальных лесных зон, сельскохозяйственных или пустующих земель и т. п.; в) «муниципальную черту», охватывающую город как юридическое лицо со всей его земельной собственностью и вообще всю местность (подчас даже чресполосную), подведомственную муниципалитету; г) «полицейскую или административную черту», охватывающую городской округ (т. е. Большой город) со всеми его пригородами, предместьями и официально присоединенными к нему поселениями, и, наконец, д) «экономическую границу», которая захватывает не только Большой город со всеми его приложениями, но еще и все те индустриальные города, городки, поселки, селения и группы домов, которые, хотя официально не присоединены к городу, но экономически тяготеют к нему, составляя с ним в сущности единый организм. [3] Неумение распознать и различить все перечисленные границы, которые далеко не всегда имеются формально налицо, приводит к самым противоречивым статистическим данным о людности больших городов и размерах их территории. Поэтому, вероятно, следовало бы формулировать этот первый признак просто так: з н а ч и т е л ь н а я к о н ц е н т р а ц и я л ю д е й н а и з б р а н н о й т е р р и т о р и и. Если признаки территориальной «незначительности» и «ограниченности» представляются для современного большого города сомнительными, то з н а ч и т е л ь н а я к о н ц е н т р а ц и я не может возбуждать споров и резко отличает этот город как от городов других эпох, так и от современной деревни. [4]

---

[1] После расширения 1905 г. в площадь Вены вошли некоторые чисто сельского типа поселения.

[2] Дебречин с 75 тыс. жит. занимает 957 кв. км (в 12 раз больше Москвы), Кечкемет и Шабадка — в 11 раз больше Москвы (см. Г а с с е р т, цит. соч., стр. 137).

[3] Нью Йорк является лишь частицей необозримого моря домов по обе стороны реки Гудзона; против Цинциннати лежат мелкие города, которые хотя и принадлежат к другому штату (Кентукки), но экономически неразделыны с первым; в том же положении находятся, напр., Гамбург, Брюссель и даже Москва, к которой экономически тяготеет целый ряд индустриальных поселков (сл. Даниловская, с. Черкизово, Измайлово и т. д.), составляющих продолжение одного промышленного целого (см. У л ь я н о в - Л е н и н, Разв. кап. в России, стр. 363). Ныне, впрочем, это «продолжение» в большей своей части присоединено к Москве.

[4] Недоразумения с городскими границами, сильно затруднявшие статистику городского населения, заставили в последнее время урбанистов H a s s e и S c h o t t в Германии предложить метод м а т е м а т и ч е с к о г о о т г р а-

Вторым существенным признаком современного большого города (а также, в меньшей степени, средних и малых городов), тесно связанным с первым признаком, о котором уже много говорилось в предыдущих главах, является интенсивный и перманентный его рост.

Очень часто указывается, что в XX в. этот рост приостановился и что крупнейшие центры имеют тенденцию регрессировать в своей людности, но это мнение верно лишь для центральных частей города, как это будет более подробно выяснено в последней главе. На самом деле рост продолжается, но лишь в других формах: ныне интенсивно заселяются предместья города, и, кроме того, растут внегородские соседние селения, постепенно приобретающие городской характер, самый же город растет посредством последовательных инкорпораций всех этих предместий и селений, а иногда посредством юридического слияния с другими соседними разросшимися городами.[1]

Упомянутые инкорпорации обыкновенно вызывают сопротивление пригородов, опасающихся увеличения налогов и принудительного отчуждения земли по низким ценам. Так, Вена расширялась в 1891 и 1905 гг., Нью-Йорк в 1875 и 1898 гг. (названный после последнего расширения Большим Нью-Йорком); Большой Лондон в 1906 г. включил в свой состав, т. е. в единый административный округ, сотни городов и деревень; Большой Берлин в 1921 г. — все свои предместья и часть соседних селений; Ростов и Нахичевань, смежные уже давно, юридически объединились после революции и т. п. Если нет каких-либо географических препятствий, заставляющих город разрастаться в одну сторону, и если в нем есть ядро, вокруг которого происходит разрастание (см. гл. II), то он имеет естественную тенденцию распространяться радиально во все стороны от центра более или менее правильными кольцами, что в старых городах можно проследить на сохранившихся развалинах крепостных стен и валов.

Так правильно расширялась, напр., Москва, на что указывает следующая таблица:

В XII	столетии	Москва	занимала	в пределах	нынешнего Кремля	площадь 0,4 *кв. км*
„ XIV	„	„	„	„	„ Китай-города	1,1 „ „
„ XVI	„	„	„	„	Бульварного кольца	5,9 „ „
„ XVII	„	„	„	„	Садовых улиц	21 „ „
„ XIX	„	„	„	„	Камер-коллежского вала	71 „ „
„ XX	„	„	„	„	Окружной железн. дороги	228 „ „

ничения городов, по которому границей города признается круг, очерченный радиусом в 10 километров от центра (для больших городов). В результате, в немецкой литературе с 1910 г. появились новые таблицы гор. населенности. Однако для Берлина радиус оказался мал, а гор. Эссен увеличил число своих жителей с 294 653 до 950 200 (11).

[1] Действительность знает много таких двойных городов, которые имеют разные названия и происхождение, но фактически, а иногда и юридически, уже успели слиться в одно целое: напр., Нью-Йорк и Н.-Джерси, Бостон и Кэмбридж, Гамбург и Альтона, Техас и Арканзас, Эльберфельд—Бармен, Саарбрюкен—Ст.-Иоган, Миннеаполис—Ст. Поль, Мангейм—Людвигсгафен, а в РСФСР Ростов и Нахичевань, и т. д. Эти двойники, или пары, когда-то разделенные пустыми пространствами, чаще всего соперничали друг с другом, но, разрастаясь, встретились и, наконец, соединились, как муж и жена. Мы не знаем разводов в таких браках.

Последнюю площадь, окруженную административной чертой (т. е. окружной жел. дорогой), Москва получила 23 мая 1917 г., но целый ряд экономически тяготеющих к ней селений отстоит от центра в среднем на 20 *км*, что заставляет считать ближайшую экономическую площадь Москвы (по расчету πr^2) равной приблизительно 1256 *кв. км.* [1]

Таким образом, мы видим, что на ряду с ростом населения города наблюдается в виде его третьего существенного признака и р о с т е г о п л о щ а д и с тенденцией к известной численной и геометрической закономерности.

В свою очередь, отношение численности населения города к его площади (а также и застроенной, заселенной или жилой площади) создает понятие густоты, скученности или п л о т н о с т и г о р о д с к о г о н а с е л е н и я, причем значительный размер этой плотности признается некоторыми урбанистами (M e u r i o t, цит. соч.) за важнейший дефиниционный признак города. Остановимся на этом существенном признаке (четвертом по счету) более подробно.

Плотность городского населения прямо пропорциональна людности города и обратно пропорциональна размерам его площади. Между тем статистика показывает, что численность городского населения из года в год растет интенсивнее и быстрее, чем рост упомянутой площади, так как именно бедствия скученности заставляют горожан домогаться соответствующего расширения и присоединения к городу сравнительно слабо заселенных окраин.[2] Отсюда — р о с т п л о т н о с т и н а с е л е н и я, особенно в больших городах с их стихийным численным ростом жителей. Правда, эта плотность в пределах данного города весьма неравномерна и вплоть до конца прошлого века имела тенденцию уменьшаться по мере удаления жилых кварталов от центра. Она неравномерна также в городах различных государств, достигая минимума в Англии и Венгрии и максимума в Германии. В некоторых же странах, особенно в СССР, амплитуда колебаний густоты городского населения между различными городами необычайно велика. В виду этого неправильно поступают те урбанисты, которые, подобно M э р и о, провозглашают высокую степень плотности населения г л а в н е й ш и м признаком, отличающим город от деревни.[3] Это оказывается верным почти всегда лишь при сравнении сплошь застроенного города с сельской мест-

---

[1] На ряду с отмеченной радиально-концентрической формой разрастания, свойственной преимущественно старинным городам, современный город знает несколько других форм, которые будут рассмотрены в специальном курсе гор. хозяйства, в отделе «Планировки городов».

[2] Напр., в Москве, после расширения в 1917 г., незастроенные участки (огороды, выгоны, пахотные земли) составляют 31 километр, или свыше 10% площади города (см. М. Н. M о ш к о в, при редакции Ф. Я. Лаврова, Метрополитены и современные большие города, изд. МКХ, М., 1925, стр. 27 — 28.)

[3] Мы говорим лишь о капиталистических и советских городах. В странах с исключительно натуральным хозяйством все приведенные наблюдения и выводы перевертываются. Так, по утверждению А. И. B о е й к о в а, «в южной и восточной Азии, особенно же в Индии, густое население — по преимуществу сельское, и процент горожан часто обратно пропорционален густоте населения (!) См. «Распределение населения земли в зависимости от природных условий и деятельности человека», П., 1911 г.

ностью, т. е. группой деревень той же общей населенности, так как между деревнями имеются обширные ненаселенные пространства сельскохозяйственных угодий или пустующих земель; если же мы будем сравнивать (что гораздо правильнее) город и село при одинаковом количестве жителей в каждом или же города — с одной только заселенной сельской площадью, исключая пустые пространства, то, напр., в Англии, Венгрии, Юго-Славии сплошь и рядом оживленное село или ряд сел окажутся более густо населенными, чем экстенсивно построенный город.

Для учета плотности или густоты населения употребляются три масштаба, а именно: 1) количество населения, падающее на одну единицу меры в общей площади города, 2) количество населения, падающее на одно жилое строение [1] и одну комнату, и 3) средние квадратура и кубатура жилого помещения, падающие на одного жителя. Все эти вопросы будут нами подробно рассмотрены в «Специальном курсе» по жилищному отделу, так как жилищная проблема в главных своих частях прямо вызывается растущей густотой населения города. Здесь же мы должны только констатировать, что, по всем перечисленным показателям, густота крупногородского населения имеет тенденцию неуклонно расти и принимает даже катастрофические размеры во всех тех случаях, когда не проведены специальные меры борьбы против этого явления. Для классической страны густого городского населения имеется следующая таблица, [2] указывающая на повсеместный рост плотности населения как в сити, так и в менее густо населенных пригородах.

Если не считать Германии, то общее число населения, ныне падающее на гектар в больших городах, колеблется между 48 жителями в Чикаго и 192 жителями на площади старой Москвы (Филадельфия — 56, Нью-Йорк — 62, Лондон — 163, Ленинград — 165 жителей). [3] Все данные цифры 25 лет тому назад были меньше в среднем на 55%. Еще больше разнообразия являют цифры жителей, падающих на один дом. В Филадельфии на дом приходится 4,5 жителей, в Лондоне — 8, в Кельне — 15,8, в Лозанне — 18, в Штутгарте — 27,1, в Париже — 34,2, в Бреславле — 40,7, в Берлине — 54,4, в Вене — 60. [4] И в этом отношении в наилучшем положении находятся города с английским, и наихудшим — с немецким составом населения. [5] На первый взгляд

---

[1] Этот весьма употребительный масштаб, по нашему мнению, совершенно не годен для характеристики скученности населения, ибо размеры жилых строений в городах весьма различны: 10 человек—много для города с коттэджами и ничтожно для города с многоэтажными домами.

[2] С. Загорский, Рост современных городов, статья в энц. сл. Гранат, стр. 8 — 9.

[3] С. С. Шестаков, Большая Москва, изд. МКХ, М., 1925 г., стр. 6.

[4] Гассерт, цит. соч., стр. 140. Все приведенные данные, относящиеся, повидимому, к началу XX в., следует увеличить для настоящего времени по крайней мере на одну пятую. По сведениям Л. Выгодского («КХ», № 13 1925 г., стр. 84), в Берлине теперь на дом приходится 77 обитателей, в Филадельфии 48, в Бостоне — 39, в Париже — 38, в Москве — 38, в Ленинграде — 52.

[5] В данном случае национальность играет немаловажную роль: англичане издавна отличались своим пристрастием к малому дому, особняку (home) и коттэджу (cottage) с их незаменимыми качествами в отношении гигиены и уюта.

может показаться странным, что в Соединенных штатах Сев. Америки, где города славятся своими небоскребами (тучерезами, домами-скелетами) с их высотою до 216 *м* при 48 этажах (ныне до 80 этажей!), домовая плотность населения сравнительно очень невелика. Однако это противоречие сделается понятным, если мы укажем, что упомянутые небоскребы сверху донизу заняты преимущественно магазинами, складами, бюро, конторами, банками — с дневным лишь населением, а жилые дома в Америке отличаются сравнительно скромными размерами (от 1 до 4 этажей). Так, Чикаго еще недавно был застроен небоскребами в деловой части города и двухъэтажными домами в остальных кварталах.

Германия (на 1 *га*, или 0,915 дес.)

ГОРОДА	В городе с площадью 1871 г.		Во включенных с 1871 г. по 1910 г. пригородах	
	1871	1910	1871	1910
Берлин	139,4	339,5	2,7	141,1
Нюренберг	73,7	204,8	2,1	18,8
Карлсруэ	65,2	194,0	2,4	6,6
Бреславль	68,5	161,4	3,9	78,5
Эссен	58,5	148,4	5,9	54,7
Гамбург	47,4	145,6	1,3	5,2
Хемниц	54,0	143,0	6,4	34,5
Мюнхен	47,8	120,6	2,7	31,6
Дрезден	59,0	116,6	3.7	52,7
Лейпциг	61,5	110,6	11,2	70,7
Киль	21,0	97,5	2,9	26,9
Бремен	48,2	86,1	4,1	27,5
Познань	59,8	80,2	2,5	33,1
Мангейм	16,6	66,1	1,9	7,3
Дюссельдорф	14,3	59,5	1,7	11,1
Штеттин	12,7	30,3	23,2	78,2

Что же касается квадратуры и кубатуры, падающих в среднем на одного жителя, то этот важный показатель социальной гигиены и жилищной политики выходит из рамок настоящего курса. Укажем лишь, что в русских городах они повсеместно неуклонно уменьшаются, свидетельствуя о том же росте густоты населения. Напр., в Москве, несмотря на все принимаемые меры, в некоторых кварталах упомяну-

тая квадратура в 1926 г. упала ниже 10,5 кв. аршина на человека (вместо 16—18, требуемых гигиенической нормой). [1]

После всего сказанного рост плотности или густоты населения городов не может вызывать сомнений. Равным образом выяснено, что упомянутый признак не должен почитаться главным отличительным признаком города, как слишком подвижный и шаткий.

Пятым существенным признаком, также связанным со всеми предыдущими и, кроме того, обусловленным целым рядом факторов — развитием транспортной техники, разделением труда, интенсификацией обмена, ростом жизненной конкуренции, т. е. острой борьбы за существование — погоней за куском хлеба, с одной стороны, и за накоплением или наслаждениями, с другой, — является интенсивный и перманентный рост городской динамики, т. е. движения в многочисленных его видах. Д и н а м и з м — вот что резко отличает современный центр как от сравнительно неподвижной деревни, так и от городов некапиталистических и отсталых стран. Старожилам памятны пустынность, косность, спячка, которые были так характерны для наших дореволюционных уездных и многих губернских городов, не говоря уже о сельских местностях.

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России,
Там — вековая тишина.

(Н е к р а с о в.)

В противоположность «статической» деревне динамизм пронизывает насквозь всю современную культуру и особенно жизнь ее законнейшего сына — Большого города. Просыпающаяся с зарей деятельность его гигантских фабрик и заводов — пронзительные звуки гудков, верчение машин, лязг цепей, дыхание печей и горнов, волнующееся море рабочего люди и затем его каторжный труд у станков, утренняя толчея на пищевых рынках, устремление десятков тысяч населения по всем городским артериям к деловым кварталам, непрерывное массовое перемещение горожан по делам в разных направлениях, а с другой стороны — дневные гулянья и беготня по магазинам и знакомым, вечерняя лихорадочная погоня за зрелищами, ночная гульба до зари в кабаках, игорных притонах и домах разврата — эта динамическая картина «бессмысленной и ненормальной жизни», как ее назвал Д о с т о е в с к и й, общеизвестна и не требует научного описания. Большой город рожден под знаком растущей из года в год динамики; он мечен ею и в производстве, и в обмене, и в потреблении, а формы проявления этой динамики неисчислимы, меняясь в зависимости от времени, места и от назначения города. [2]

---

[1] Во многих провинциальных городах с квадратурой обстоит еще хуже. Так, в Азове она составляет 9,8 кв. арш., в Морозовской — 9,5, а в Миллерово даже 8,5 кв. арш., т. е. вдвое ниже нормы (см. «Города Донской области, изд. Донстатбюро, 1924 г., стр. 41).

[2] Стремясь подойти к данному вопросу научно, можно классифицировать городское движение по роду вызвавшей его потребности, разделяя его на а) жилищно-рабочее (т. е. от места жилища до места работы), б) деловое, в) рыночное и закупочное, г) театральное, д) прогулочное и спортивное, е) посетительское (ср.

Наилучшим объективным критерием в вопросе об оценке упомянутой динамики может служить учитываемое статистикой городское движение в области механического транспорта. Здесь мы видим, что динамика города-гиганта растет гораздо интенсивнее, чем само его население (закон Шимпфа). Напр., население Большого Лондона увеличилось с 1867 г. на 86%, а городское движение возросло на 499%, [1] в Чикаго число автомобилей увеличилось с 13 944 в 1911 г. до 296 441 в 1924 г., а население за то же время только на 52%; в Париже в 1913 г. было перевезено на метрополитене, автобусах и трамваях 724 миллиона пассажиров, а в 1924 г. — один миллиард сто миллионов, несмотря на ничтожный рост его населения за то же время. Иностранная литература изобилует аналогичными данными. [2] Особенно быстро растут показатели транспортной динамики после войны в самые последние годы: так, до войны один житель Лондона совершал 301 городскую поездку в год, а в 1925 г. — 450 поездок. [3] В Германии за один только год (с 1 июля 1924 г. по 1 июля 1925 г.) единицы автотранспорта преимущественно в больших городах возросли с 293 032 машин до 425 826 (!), [4] и за то же время городское движение по всем видам транспорта возросло на 5,6%. Поистине изумительны цифры зарегистрированных в 1925 г. автомобилей в американских городах: так, в Детройте имеется 260 551 автомобиль на 996 000 жителей, а в городе Лонг-Бич (штат Калифорния) на 69 214 жителей (считая в том числе детей, стариков, больных) приходится 41 269 автомобилей, т. е. 1 машина на $1^3/_4$ жителя (!!). Любопытно отметить, что, несмотря на такое феноменальное развитие механического транспорта и телефонного сообщения, сокращающего количество необходимых перемещений, медленно из года в год уменьшается лишь конная тяга, а число пешеходов продолжает неуклонно расти, что установлено наблюдениями за переходами через городские мосты и о чем живо свидетельствуют катастрофические заторы пешеходов в пунктах и сроках усиленного движения, быстрое увеличение числа несчастных случаев с пешеходами и проблема «разгрузки движения», как искусственного, так и естественного, ныне являющегося одной из важнейших коммунальных проблем больших городов. [5]

М. Г. Диканский, Пробл. современного гор., М., 1926 г., Движение в больших городах, стр. 23 — 24), а также отыскать присущую ему закономерность. Любопытно, напр., что при всем различии мотивов, руководящих отдельными горожанами, число проходящих и проезжающих через данный пункт в минуту обнаруживает удивительную правильность. Живое представление о разнохарактерной динамике современных городов дает урбаническая хрестоматия Н. и Т. Анциферовых, Современные города, Л., 1926 г.

[1] Statistical Abstract for the United Kingdom, №№ 54 и 58 (1907 и 1911).

[2] См., напр., Виттиг, Die Weltstadt und der elektrische Weltverkehr, S. 11 — 30.

[3] Я. Златогоров, Городское движение в Лондоне и Берлине в 1925 г., «КХ», № 15 — 16, М., 1926 г.

[4] Я. Гольберг, Как борются с уличными катастрофами, «КХ», № 22, 1925 г.

[5] Этой проблеме, в связи с борьбой против несчастных случаев (в Англии за 1924 г. транспортными средствами было убито 3 019 и ранено 64 318 человек,

Неразрывно связан с динамической проблемой мирового города шестой и весьма любопытный признак последнего, к сожалению, еще почти вовсе не исследованный: это — *оторванность буржуазной толпы от коллективной психологии*. За исключением пролетарских скоплений, обычно сознающих свое классовое единство и часто выступающих с массовыми протестами, демонстрациями и т. п., городская толпа психологически разобщена, несмотря на свое механическое сцепление. Это — сумма индивидуальных единиц — и только. Каждый гражданин подчас в невообразимой давке спешит по своим делам или «гуляет», равнодушный до нужд целого и безразличный к неопределенному настроению наличной массы. Эта безликая сущность ежедневной уличной толпы как случайного социального коллектива и ее своеобразный массовый эгоизм коренятся в самых основах господствующей хозяйственной системы. Отсюда и ничтожная сила непосредственного сопротивления современной городской буржуазии, стратегически сильной только своим государственным орудием — специально дисциплинированными войсками и полицией...

Резюмируя сказанное до сих пор, мы видим, что *современный большой город характеризуется непрерывным и интенсивным ростом численности населения, городской площади, плотности населения во всех его видах и городской динамики, имеющей социальный или, точнее, коллективно-психологический характер в одном классе населения и глубоко индивидуальный характер — в других*. Впрочем, в более слабой степени изложенный общий вывод применим и к средним городам и даже к растущей группе малых городов.

Возникает вопрос: как же происходит этот интереснейший процесс интеграции (роста, уплотнения)—в планомерном ли порядке, или стихийно, т. е. анархически? За последнее время очень много говорят о плановом начале в коммунальном хозяйстве как в СССР, так и за границей. Более того, это плановое, т. е. сознательно-волевое начало, ныне разрабатываемое в многочисленных курсах и журналах по планировке городов, нашло свое законодательное выражение в Англии уже с 1875 г. и затем там систематическим расширялось;[1] а несколько позднее оно проявилось в законодательстве о плановой урбанизации Франции и Голландии и, наконец, в любопытном бельгийском законопроекте 1924 г.[2] То же плановое начало ярко выявилось в идейном движении и осуществлении «городов-садов» последней четверти века (см. главу XVI).

в Соед. штатах за тот же год имелось 85 000 жертв транспорта — цифры, значительно превышающие число жертв знаменитой наполеоновской победы при Аустерлице), посвящается отдельная глава в моем специальном курсе гор. хозяйства.

[1] Public Health Amendment Act издан в 1875 г., Public Health London Act и Housing of the Working Classes Act — в 1890 г., а Housing and Town Planning Act — в 1909 г.

[2] Л. Велихов, Опыт муниципальной программы, М., 1926, стр. 61 и 78.

Однако не может быть никакого сомнения в том, что современные города, выросшие и развивающиеся на капиталистических началах анархии производства, частной собственности на недвижимые имущества, почти ничем не стесняемой индивидуальной инициативы и коммунальной свободы, имеют весьма мало общего с плановым началом. Принципы планировки разработаны теоретически и технически, но еще в очень редких случаях они осуществлены на деле; законодательство предоставило городским обществам немаловажные п р а в а по принудительному отчуждению имуществ для планировки городов и издало ряд санитарных и строительных норм; наконец, создано, в виде рациональных оазисов, несколько городов-садов, но и только. Если мы внимательно присмотримся к тому, что делается фактически, то убедимся, что городское хозяйство и благоустройство в Европе и Америке в общем попрежнему предоставлено власти экономической стихии; лишь п о с л е т о г о, как современная жизнь с ее принципами индивидуального накопления приводит, после колоссальной растраты сил, к ряду неблагоприятных последствий — жилищному кризису, нерациональному строительству, загрузке движения, дороговизне и т. п., — выступает плановое начало со своими советами, образцами и стремится залечить социальные язвы. В наше время плановость — еще только эмбрион и показатель будущего.

Действительно, в области численного роста городского населения решительно ничего не предусматривается и не регулируется, и лишь усиленное повышение рыночных цен на квартиры и жилища, т. е. стихийная экономическая причина, задерживает приток в города. Точно также городская площадь, за немногими исключениями, растет не путем планомерной закупки земли и застройки окраин, а принудительным присоединением беспорядочно разросшихся пригородов, кривых улиц и разбросанных там и сям домиков, между коими подчас попадаются шестиэтажные здания, окруженные пустыми пространствами. Вопиющее переполнение помещений в фабричных кварталах — в подвалах, мансардах, ночлежных домах — свидетельствует о том, что густота населения не подчинена разумно руководящей воле; наконец, и городская динамика с ее заторами, хвостами при посадках, феноменальным ростом несчастных случаев не может являться результатом обдуманного плана.[1] Все современные муниципальные «проблемы», кризисы и тупики происходят из того же источника — анархии п р о ц е с с а г о р о д с к о й и н т е г р а ц и и, обусловленной в конечном счете анархией производства. В этой анархии, или стихийности, роста отмеченных признаков большого города мы видим его седьмой существенный признак.[2]

---

[1] В урбанистической литературе нередко указывается, что современная прямоугольная (шахматная) планировка американского типа, которою отличаются многие большие города и в Европе (в России — часть Ленинграда, Одесса, Баку), свидетельствует о созидательном п л а н е, коим руководствовались строители городов. Однако шахматная планировка, облюбованная еще Аристотелем, имеет столь крупные недостатки в отношении движения, эстетической и других, что можно только удивляться бездарности этих планировочных замыслов.

[2] Мы не коснулись, как выходящего из рамок специальной экономики, вопроса, в сущности также относящегося к демографической теории роста городской культуры,

На ряду с изложенным процессом городской интеграции, всецело вытекающим, как мы видели, из современной народнохозяйственной системы, в больших и средних городах наблюдается и обратный в известном отношении процесс, а именно процесс д и ф ф е р е н ц и а ц и и, т. е. разделения, расчленения и усложнения. Именно на этом процессе, обычно сопутствующем всякой прогрессивной эволюции, базируется с о ц и а л ь н о - э к о н о м и ч е с к а я с т р у к т у р а больших городов.

Во-первых, это — к л а с с о в о е р а с с л о е н и е, которое в большом городе во много раз сильнее, чем в деревне. В мировом центре оно почти полностью воспроизводит всю систему современных социальных отношений. Там сожительствуют как основные классы, так и подклассы промежуточный, переходный, смешанный, деклассированные группы и все разновидности этих классов и подклассов. Буржуазия (денежная, промышленная, торговая), чиновничество, служащие различных категорий, техническая интеллигенция, часть ремесленников и кустарей и, наконец, главная масса пролетариата обрабатывающей промышленности имеют свой экономический базис в городе, а землевладельцы, земельные арендаторы, сельские кустари, крестьяне и вообще большинство работников добывающей промышленности сохраняют свой экономический базис в деревне, но в значительном числе и продолжительное время (особенно зимой) проживают в крупных центрах, отчасти в видах подсобного производства (отхожий промысел трудового населения), отчасти ради почестей (близость ко двору или власти) и рафинированного потребления.

Во-вторых, это — п р о ф е с с и о н а л ь н а я д и ф ф е р е н ц и а ц и я, которая в больших городах в десятки и сотни раз превышает дифференциацию сельских профессий, так как сельское хозяйство не допускает далеко идущего разделения труда. Равным образом она разительно превышает расслоение профессий в городах миновавших эпох. По данным В. Я. Ж е л е з н о в а,[1] в германских городах XVIII в. число различных цеховых ремесл колебалось между 25 и 100, германская же профессиональная перепись 1895 г. отметила в городах 10 298 детализированных специальностей. К 1 ноября 1925 г. их имелось до 12 тысяч, считая в том числе нехозяйственные специальности.

а именно того поистине «вавилонского» смешения архитектурных стилей, методов и художественных направлений, которое запечатлено на облике многих современных центров. В последние годы перед революцией этой эстетической мешанины в постройке новых зданий не избежала и Москва, но особенно сильно она поражает в американских, а отчасти и в новейших германских центрах. Плохое подражание ренессансу, рококо, барокко, стили мавританский, византийский, испорченный готический, новый коттэджный стиль, футуризм, а чаще всего безвкусное отсутствие всякого стиля, небоскребы и рядом «казармы», окрашенные суриком или охрой, — одним словом, ни с чем не сравнимое уродство жилищ и составленных из них улиц с кричащими рекламами, вывесками, плакатами, а вечером океаном вертящихся и танцующих бессмысленных огней,— свидетельствует об упадке чувства красоты, о дисгармонии духа, о культурном убожестве разбогатевшего мещанства, ничем не обузданного.

[1] В. Я. Ж е л е з н о в, Очерки политической экономии, стр. 249.

В-третьих, это—л о к а л ь н а я д и ф ф е р е н ц и а ц и я. Перечисленные социальные группировки довольно правильно распределяются по городу, проживая преимущественно «в своем обществе» — в определенных, облюбованных ими кварталах и улицах.[1] Они руководствуются в данном случае ценами на квартиры, близостью к местам занятий, местными нравами, вкусами и т. п. Отмеченная локальная дифференциация имеет в городском хозяйстве больше значения, чем это кажется на первый взгляд. Напр., расчеты предвыборной борьбы, победа тех или иных муниципальных партий, деятельность районных самоуправлений, распределение расходов на благоустройство различных частей города, споры о направлениях трамвайных линий и автобусных рейсов зависят непосредственно от этой дифференциации.

Сопоставляя данные общих и профессиональных переписей за 1904 — 1924 гг. по 27 городам с населением свыше 250 тысяч жителей в Германии, Франции, Англии, Италии, Соединенных штатах и дореволюционной России, мы составили в средних и круглых цифрах следующую ориентировочную таблицу классовой и профессиональной дифференциации большого капиталистического города, которая до известной степени выражает его типичную с о ц и а л ь н о - э к о н о м и ч е с к у ю с т р у к т у р у.

СТРУКТУРНАЯ ТАБЛИЦА НАСЕЛЕНИЯ БОЛЬШОГО ГОРОДА. [2]

Источники таблицы: Kommunales Jahrbuch 1901 — 1914; Allgem. statist; Archiv; Annuaire statistique de la France; The municipal year book, London, 1904.

---

[1] Напр., в дореволюционном Петербурге высшая земельная аристократия жила на Дворцовой набережной, на Сергиевской, Миллионной улицах, части Фонтанки и в особняках Каменного острова; крупное военное и гражданское чиновничество — на Моховой, Кирочной, Фурштатской улицах и в Адмиралтейской части; офицерство — в Ротах; денежная буржуазия — на Каменноостровском, Морской, купечество предпочитало Невский проспект, Садовую улицу, Вознесенский и Калашниковский проспекты, Васильевский остров (особенно немецкие купцы); техническая интеллигенция и свободные профессии облюбовали Московскую часть, Литейную и Надеждинскую улицы и южную часть Васильевского острова (ученые, художники, студенты); мелкая буржуазия, мещанство и низшее чиновничество избрало местом своего жительства Коломенскую часть, Пески; пролетариат ютился на окраинах — за Нарвской заставой, на периферии Петербургской стороны, в Гавани, Охте и т. д. Такое же значение имеют в Париже кварталы Сен-Жермен (бывшая аристократия), Латинский квартал (интеллигенция и студенчество), Монмартр (пролетариат и мелкая буржуазия), район внешних бульваров и фортификаций (лумпен - пролетариат) и т. д.

О локальной дифференциации в Лондоне и других английских городах имеется интересная монография Д е к а н а (Paul D e s c a m p s, La Hiérarchie des classes en Angleterre p.6). По удостоверению названного автора, «все кварталы и улицы английских городов разбиты на ранги, соответственно степени» респектабельности». На каждой улице все дома приблизительно одинаковы, отвечая требованиям определенного уровня: на такой-то улице можно жить без прислуги, на такой-то с одной прислугой, на такой-то с двумя, но только с женатой парой, и т. д. Если англичанин хочет, чтобы его признали за своего и поддерживали с ним знакомство его соседи, он обязан, живя на известной улице, вести такой образ жизни, какой установлен в данном ранге» В этом описании, цитированном нами по труду проф. С. И С о л н ц е в а (Общественные классы, 1923 г., стр. 144), бесспорно, есть преувеличения.

[2] Нами приводятся в численно-нисходящем порядке лишь те наиболее важные и типичные для капиталистического большого города группировки, которые составляют больше 1% городского населения.

Charles Booth, Life and Labour of the people of London, p. 58 и след.; Annuario statistico della citta Italiane за 1908; American City Magazine.

Города России в 1904 г., «Изв. Моск. Гор. Д.» за 1915 — 1917 гг.; «Гор. Дело» за 1909 — 1911 гг.; Статист. сборн. по Петрограду и Петроградской губ. 1922 г.; Итоги профессиональных переписей, изд. В.-Э. О.; Весь СССР, ГИЗ, М., 1926 г.

Классы, группы и профессии	Процент населения.
1. Нетрудоспособные (малолетние, воспитанники, иждивенцы, призреваемые, не включая пенсионеров, безработных, малолетних рабочих, рантье, учащихся в школах и домашних хозяек)	18
2. Фабрично-заводские и мануфактурные рабочие (обоего пола, всех возрастов, без семейств, в предприятиях металлообрабатывающих, текстильн., машиностроит., полиграфич., химич., швейн., пищевых, деревообделочн., и проч.)	12,5
3. Торговые служащие и мелкая торговая буржуазия (торговый персонал предприятий, торгов. посредники, приказчики, разносчики, газетчики, служ. ресторанов и пивных, маклера, маклаки, комиссионеры)	7
4. Государственная, общественная и коммунальная служба и пенсии (кроме военных рядовых) [1]	6,5
5. Учащиеся в школах (высшей, средней, низшей, специальн., профессиональн., воскресн.) [2]	6
6. Работники транспорта (шоферы, извозчики, кондуктора, носильщики, железнодорожные и портовые рабочие) .	6
7. Активная буржуазия (денежная, промышл. и торговая; предприниматели и хозяева, пользующиеся наемным трудом)	5
8. Домашняя прислуга (постоянно живущая у нанимателей) .	5
9. Домашние хозяйки [3]	4
10. Рантье (пассивная буржуазия, кроме домовладельцев данного города, и земельная аристократия) [4]	4
11. Домовладельцы и квартиронаниматели, живущие исключительно сдачей комнат и углов	3,5
12. Ремесленники и кустари (портные, сапожники, белошвейки, прачки, шляпники, чистильщики сапог, пекаря, кондитеры, кузнецы, точильщики, каретники, шорники, часовщики, токари, парикмахеры, трубочисты, тряпичники и проч. [5]	3,5
13. Войско и полиция (солдаты, матросы, городовые) [6] . . .	3
14. Частные служащие (конторщики, переписчики, счетоводы, стенографисты, переводчики, клерки, рассыльные) . .	2,5
15. Чернорабочие-поденщики (грузчики, тачечники, мусорщики, подбойщики и проч.)	2

[1] Внутренне-дифференцированная группа; на ряду с сановниками и генералитетом она включает «третий элемент», оплачиваемый подчас ниже Existenz-minimum'a.

[2] В крупных учебно-воспитательных центрах эта цифра значительно выше.

[3] Очень неопределенный термин. Статистика считает домашними хозяйками лишь тех, кто сами себя показывают в этой рубрике. В американских городах их процент достигает 8.

[4] Цифра эта преуменьшена. В виду подоходного налога рантье неохотно разоблачают себя.

[5] В том числе и представители домашней системы крупной капиталистической промышленности (sweating system).

[6] Небольшая средняя цифра объясняется незначительным постоянным войском Англии и Соед. штатов, а также городами без воинского квартирования.

Классы, группы и профессии	Процент населения.
16. Жилищные (домовые) служащие (управляющие домами, дворники, швейцары, сторожа)	1,5
17. Безработные (резервная армия пролетариата) [1]	1,5
18. Деклассированные группы (заключенные в тюрьмах зарегистрированные проститутки, бродяги, картежники, алкоголики, нищие)	1,5
19. Свободные интеллигентные профессии (врачи, адвокаты, нотариусы, техники, учителя, страх. агенты, литераторы, журналисты, архитекторы, музыканты, художники, актеры, не состоящие на постоянной службе) . .	1
20. Строительные рабочие (каменщики, плотники, кровельщики, печники, маляры, штукатуры, стекольщики, водопроводчики)	1
21. Путешественники и приезжие иностранцы [2] около . . .	1
22. Сельское хозяйство (огородники, садовники, лесоводы, молочное хоз.) [3] около	1
23. Группы менее 1% (духовенство и проповедники, иностранные посольства, приходящая прислуга, странств. артисты, дамы полусвета и др.)	3
	100

Ясно, что социальное и экономическое положение каждой из приведенных групп в высшей степени различно. Здесь мы сталкиваемся еще с одним основным противоречием капиталистического строя, которое проявляется особенно ярко и рельефно в современных больших городах, составляя его одиннадцатый существенный признак. Это — из года в год растущая пропасть между благосостоянием присвоителей прибавочной стоимости, с одной стороны (особенно групп 7, 10, 21), и эксплуатируемым классом — с другой (особенно группами 2, 15, 17, 20). В середине находятся многочисленные прослойки с колеблющимся благосостоянием. Вообще капиталистический город являет р а з и т е л ь н ы й к о н т р а с т между двумя своими составными частями — городом производительным и городом потребительным: в целой ряде признаков выражает он вопиющее социальное н е р а в е н с т в о.

Во-первых, н е р а в е н с т в о в б л а г о у с т р о й с т в е производящих и потребительных кварталов: асфальт, торцы, мозаика — в центральных частях, булыжник или отсутствие всякого замощения — в фабричных пригородах; залитые светом главные улицы, и редко расставленные газовые рожки или керосиновое освещение — на окраинах (в дореволюционной России часто освещаемых только лунным светом). В России, как правило, рабочие жилища не присоединялись ни к водопроводу, ни к канализации; извозчиков, телефонов, зеленых насаждений рабочие не знали; магазины (кроме мелочных и хлебных лавок), школы, театры находились от них на недоступном расстоянии, так как удешевленные трамвайные тарифы в тех случаях, когда

---

[1] Весьма переменная цифра, достигающая 6% и более в эпохи промышленных кризисов.

[2] Переменная цифра, зависящая от сезона. Напр., в Париже осенью (сезон иностранцев) число последних достигает 4% всего населения.

[3] В германских больших городах — 1,4%, в английских — 0,8%.

трамвай доходил до рабочего городка, вводились лишь в виде исключения. В Англии и Соединенных штатах санитарное состояние рабочих кварталов в больших городах не выдерживает никакой критики. [1]

Во-вторых, жилищные контрасты и иерархия: а) районные контрасты, а именно роскошные особняки и отели в одних кварталах, дома-трущобы, ночлежки и деревянные лачуги — в других; б) домовые контрасты, т. е. бельэтажи в одной части дома, мансарды и подвалы — в другой; в) квартирные контрасты в виде 4 — 10 лицевых комнат, уделяемых «господской» семье, и темной каморки или отгороженной части кухни — прислуге. Между этими крайностями существует целая градация жилищ различных классов и категорий, целая лестница квартирных, комнатных и угловых цен, причем восхождение по ней часто составляет главное стремление жизни многих тысяч горожан. В-третьих, это — бюджетная дифференциация. Напр., по сведениям д'Эта (D'Aeth, Present tendencies of class differentiation), 80% населения Лондона довольствуются (с семьями) доходом в 100 рублей в месяц и ниже, а 4% имеют доход выше 500 рублей (50 фунт. стерл.).

Объективным критерием для учета этих контрастов могут служить цифры смертности населения в той или другой части города, которые в нашей литературе слишком редко противопоставляются, растворяясь в благонадежных «средних» цифрах. Между тем в дореволюционном Петербурге смертность Адмиралтейской части равнялась ежегодно 11 на тысячу жителей, а Рождественской и Нарвской частей — около 30, повышаясь в фабричных пригородах до 41. [2] Согласно дан-

---

[1] Приводим, в выдержках, описание Алексея Ильина, командированного в 1911 г. в Соедин. штаты XIV Городским отделом Русского технического общества для изучения там городского хозяйства (см. «Гор. Дело», № 1, 1912 г., стр. 24 — 25). Позднейшие доклады лиц, командированных в Сев. Америку советским правительством (1925 и 1926 гг.), подтверждают наблюдения Ильина (пишущий эти строки, изучавший горхозяйство в Нью-Йорке в 1906 — 1907 гг., также может удостоверить, что преувеличений в описании А. Ильина нет).

«Кварталы для рабочих (блоки) в Филадельфии и Нью-Йорке состоят нередко из 150 и более домиков. Переулок делит такой блок пополам. Он невероятно грязен: мусор валяется неубранным, а сточная вода, черная, с радужными кругами и полосами, течет посреди переулка, пока не достигнет сточной трубы на городской улице. Среди куч мусора и грязной сточной воды резвятся, сидят и лежат дети всех возрастов. Несколько домов для рабочих обслуживаются одним общим двориком, который кишит детворой, снующей среди всевозможного хлама и грязи. На дворе находится водоразбор, причем вода не проведена в жилое помещение; на дворе стирают и на камни двора выливают грязную воду из корыта. Последняя струится открыто, все более загрязняясь, среди лабиринта переулков. Клозеты и отхожие места на двориках очищаются редко, когда содержимое, дойдя до краев, проникает на поверхность двора. Канализации никакой. В Филадельфии таких домов около 50 тысяч (!?), главным образом в кварталах итальянском, еврейском, негритянском. На улице East side в Нью-Йорке дома в 8 — 10 этажей с глубокими дворами-колодцами, почти не пропускающими света, битком набиты жильцами и их постояльцами. В глубине дома расположены несколько комнат, из коих только одна, выходящая на улицу, светла, остальные же совершенно темны. На 4 небольшие комнаты приходится 20 — 24 человека мужчин, женщин, детей, спящих часто вповалку на полу. Домовладельцы получают наибольшую прибыль с таких домов и пользуются крупным общественным влиянием».

[2] Доклад М. П. Федорова, Финансы гор. Петербурга в 1910 г.

ным Юлиуса Платтера,[1] в образцовом по своему благоустройству городу Мюнхене, столице Баварии, смертность в беднейшей, восточной его части к концу прошлого века достигала 35, в западной — 32, и в богатых кварталах — 17—22.

По сведениям «National Municipal Review», даже в Нью-Йорке, успевшем, после 25-летней усиленной санитарной работы, добиться к 1925 г. скромной цифры девяти умирающих в год на тысячу жителей Fifth Avenue,[2] смертность «переселенческих» кварталов продолжает превышать 30. Такую же разницу в цифрах дают сопоставления смертности бельэтажа и мансарды. Профессор И. Х. Озеров[3] доходил даже до категорического утверждения, что в Лондоне ежегодно умирают от голода 60 — 70 человек.[4]

Одним словом, пресловутый «хозяйственный принцип», который заставляет каждого хозяйствующего субъекта добиваться с наименьшими усилиями наибольших результатов, оказывается перевернутым кверх ногами: производительный город прилагает наибольшие усилия, чтобы добиться наивыгоднейших результатов... для потребительного города. До поры до времени в одном и том же центре сожительствуют два мира, два уровня благоустройства и благосостояния — высший и низший, отделенные друг от друга китайской стеной и ведущие между собой острую классовую борьбу, а между ними прослоены средние группировки с переменными воззрениями и благополучием. Особняком стоит выброшенный из жизни, преступный и вырождающийся мир бродяг, воров, низших проституток, котов, алкоголиков, хулиганов, занимающих «моральнозаразные» кварталы города[5] и составляющих в мировых городах 2—3% городского населения. Разрешив сложнейшие технические вопросы внешнего и отчасти санитарного благоустройства, город-гигант не сумел даже подойти к последней социальной проблеме и лишь отгородился от нее жестким полицейским кордоном.

Необходимо теперь же отметить, что, начиная с последней четверти прошлого столетия, муниципальная политика усиленно работала по линии смягчения указанного социального неравенства, как это будет более подробно изложено ниже. Некоторая демократизация избирательного права, появление и деятельность социалистов в муниципалитетах, идеологические успехи катедер-социализма, проникнутого идеей уступок пролетариату, и одновременно приведение окраин и фабричных пригородов в более благоустроенный вид, снос заразных кварталов

---

[1] Юлиус Платтер, Осн. учен. пол. экономии, т. II, стр. 332. Цифры эти ныне устарели, но пропорция между ними сохранилась.

[2] Лучшей улицы Нью-Йорка.

[3] И. Х. Озеров, Большие города, М. 1901, стр. 27.

[4] Мы видим таким образом, что в наше время разница между смертностью двух классов мало изменилась со времени Карла Маркса (т. е. с семидесятых годов прошлого века). Маркс указывал, что в Манчестере средняя продолжительность жизни составляет 38 лет для зажиточного класса и 17 лет для рабочих. То же соотношение в Ливерпуле — 35 и 15 (Капитал, т. I, пер. под ред. П. Струве, стр. 540).

[5] В Лондоне — Уайтчапель, в Париже — район фортификаций, в Ленинграде — район Обводного канала, Лиговки и т. п.

и постройка новых рабочих жилищ в Англии и в Германии, в связи с многочисленными проектами и планами перепланирования городов и даже фактическое осуществление нескольких «городов-садов» и культурных рабочих поселков, — все как будто указывает на возможность мирной эволюции современного урбанизма в социальном вопросе. Однако дальнейшее исследование (особенно в специальном курсе) покажет, что относительное неравенство положения городской буржуазии и городского пролетариата продолжает увеличиваться, так как поистине грандиозные достижения современной муниципальной техники в деле рафинированного потребления, с одной стороны, а с другой — тот словесный шум и прожектерство и те паллиативы, которые лишь в сравнительно скромном числе случаев осуществлены реально, не смогли удовлетворить растущие потребности производительного города. Они не смягчили противоречий, которые муниципальная жизнь нагромождает теперь на каждом шагу с молниеносной быстротой, параллельно с поступательным процессом капитализма.

Суммируя сказанное, мы, после конкретного анализа, видим, что всеми своими важнейшими социальными признаками большой капиталистический город ярко иллюстрирует те прстиворечия, которые К. Маркс и Фр. Энгельс раскрыли, как имманентные капиталистической системе в ее целом. Вне этого анализа и этой общественной связи город-гигант кажется таинственным чудом XX столетия — фетишем, аналогичным товару, его породившему. Наоборот, после применения научно-объективного метода исследования, его рождение, рост, признаки и «судьба» становятся естественными и понятными.

Нами не отмечен еще последний основной признак большого города, а именно его высокая цивилизующая и культурная роль в противоположность тому, что еще Карл Маркс назвал «идиотизмом деревенской жизни», порожденным косностью, традиционностью, консерватизмом и предрассудками деревни, особенно же деревни с натуральным хозяйством или с пережитками ее. Этот факт настолько бесспорен и общеизвестен, что он не требует подробных доказательств. Большой город есть чуткий барометр и аккумулятор всей культурной жизни страны. В большом городе находятся руководство политическими партиями, государственная администрация и парламент. В нем сосредоточены высшие учебные заведения, а равно исследовательские институты, научные общества и академии с их кабинетами, лабораториями, обсерваториями, опытными станциями. В нем функционируют бесчисленные издательства с колоссальными книжным, журнальным и газетным материалом, библиотеки, читальни, музеи, выставки — вплоть до международных выставок, привлекающих издалека сотни тысяч приезжих. В нем читаются публичные лекции, даются концерты, общедоступные и камерные, множатся театральные спектакли, устраиваются съезды специалистов и международные конгрессы. Большой город привлекает к себе цвет энергии, ума и таланта всей тяготеющей к нему территории —

молодые силы, которых он воспитывает, развивает, вовлекает в грандиозный процесс соревнования, отбора и жизненных побед. Над неслыханной в прежние эпохи технической энергетикой и феноменально ускоренным экономическим обменом веществ в нем возвышаются и изощряются «надстройки» политическая, научная, художественная, философская, в свою очередь воздействующие на технико-экономический базис. Однако весь этот мощный и стихийный круговорот интеллектуальной энергии воздействует далеко не равномерно на разные классы, достигая для городских низов лишь простого повышения, по сравнению с деревней, процента грамотных.[1] Здесь мы восходим на кульминационный пункт процессов городской интеграции и дифференциации с заложенными в них грозными противоречиями.

Действительно, в тесной связи с этой повышенной, но болезненно неравномерной пульсацией культуры в большом городе стоит отмеченная многими урбанистами[2] и историками его революционизирующая роль, которая относит нас к выходящим из нашей программы курсам истории социальных и революционных движений. В этом отношении современный большой город, накопивший в себе так много горючего материала, лишь повторяет в сильно увеличенном масштабе подвиги своих предшественников. Сосредоточение в городах массы подвижного, развитого и в большей части недовольного, смелого, легко организующегося населения издавна выдвигало его в роли удачного инициатора и умелого проводника назревших политических или социальных переворотов.[3] Напротив, крестьянские восстания, возникавшие стихийно, распыленные в необъятной и неорганизованной деревне, не имея в большинстве случаев даже единой обдуманной цели и подходящих ударных средств, расплывались в длительных, кровопролитных и жестоких «жакериях»,

---

[1] В 1907 г. процент грамотных Москвы достигал 64%, Петербурга — 61,8%, Варшавы — 61,4%, при 48,9% грамотных всего русского городского населения и 15% грамотных в сельских местностях. См. Статист. атлас г. Москвы (Территория, состав населения, грамотность и занятия), изд. 1911 г.

[2] См., напр., М. Курчинский, Муниципальный социализм и развитие городской жизни, Спб., 1907, стр. 109.

[3] Макс Вебер (История хозяйства, 1924 г., стр. 20) указывает на то, что «уже древнейшие упоминания о городах отмечают присущий им революционный характер. Самая клятва в братском союзе (синойкизм в древности и conjuratio в средних веках) часто давала повод к вооруженной борьбе. Центром революционного движения 726 года, которое привело к отпадению Италии от Византии, была Венеция». В позднейшем средневековьи мы наблюдаем ряд удачных коммунальных революций местного значения. Английские революции XVII столетия провел Лондон, французские революции 1789, 1830, 1848 и 1871 гг. — Париж. Независимость Бельгии от Нидерландов была добыта на улицах Брюсселя, и судьба Польши решилась с падением Варшавы. В 1848 году в Германии, Италии, Венгрии, Дании столицы и крупные города шли во главе движения и делались ареной вооруженной борьбы, причем кровью павших на баррикадах борцов писались современные европейские конституции. В России Февральскую революцию провел Ленинград и Октябрьскую — Ленинград и Москва, причем деревня была лишь бушующим фоном решительной картины (ср. М. Курчинский, цит. соч., стр. 109).

«пугачевщинах» и в конце концов исходили кровью, задавливались по частям и почти никогда не приводили к решительным результатам.

Весьма любопытными и полезными для уразумения интеллектуализирующей роли города могут быть новейшие исследования психологии. «Сознание, — говорит проф. Д. Драгическо,[1] — возникает из бессознательного лишь при следующих условиях: когда психические состояния новы, сложны, различны или противоположны, и всякий раз, когда нарушается та или иная привычка». Гербард также сводит тайну происхождения сознания к конфликту представлений: «Из столкновения противоположных представлений рождается сознание, сходные же представления сливаются».

«Согласно общему закону нашей умственной природы, — говорит Бэн,[2] — перемена впечатлений важна для сознания в любой его форме. Факты доказывают, что постоянное и однообразное раздражение не производит никакого влияния на органы чувств (примеры: движение земли, давление воздуха и т. п.)». Таково же мнение Гефдинга:[3] «Благодаря испытываемым им переменам, сознание пробуждается от состояния рассеянности. Пробужденное сознание изощряется и повышается контрастами и переменами. Напротив, вполне однообразное и неизменное состояние может вести к исчезновению сознания. Однообразные впечатления действуют усыпляющим образом». Наконец, проф. П. Коллэ,[4] повторяя неоднократные утверждения К. Маркса, Гумпловича, Плеханова, формулирует закон, по которому «умственное развитие обратно пропорционально степени изоляции индивида». Становится понятным, почему дитя большого города, которое воспитывается, развивается и действует среди самых разнообразных впечатлений и ярких контрастов, находясь в общении с множеством индивидов разных групп, профессий и воззрений, достигает того уровня умственного развития, которое недоступно для сельского Робинзона.

2. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ

В предыдущем параграфе мы рассмотрели основные социальные признаки современного города, определяющие его динамику и структуру. Однако для городского хозяина, особенно же для его социальной политики, важна ориентировка также и в тех менее характерных признаках, которые выявляются на основе статистики народонаселения и могут быть названы «демографическими». Среди этих признаков мы рассмотрим в беглом очерке: а) рождаемость, б) смертность, в) численные отношения между полами, г) возрастные отношения и д) брач-

---

[1] Драгическо, Отношения между психологией и социологией, пер. В. Вахтова (Новые идеи в социологии, Спб., 1914, сб. 2-й, стр. 102).

[2] Bain, Emotion et volonté, франц. пер. с английского, Спб., стр. 30, 31 и 81.

[3] Гефдинг, Очерки психологии, Спб., 1908, стр. 49 — 51.

[4] Коллэ, Отношение социологии к психологии, пер. С. Шевченко (Нов. идеи в соц., Спб., 1914, сб. 2-й, стр. 83).

ность городского населения. Как будет видно, перечисленные признаки по своим свойствам далеко не имеют столь устойчивого и бесспорного характера, каким отличаются основные социальные признаки городов, причем в них сильно выражены, на ряду с общественными, и чисто биологические моменты.

В отношении р о ж д а е м о с т и еще четверть века тому назад господствовал взгляд, что уровень таковой в некоторой степени обратно пропорционален величине населенного пункта и что, в частности, большие города, с их фабричным трудом, изнашивающим организм, с их неблагоприятными гигиеническими условиями, бедностью пролетарских масс и подчинением всех сторон жизни денежному рационалистическому хозяйству, уменьшают плодовитость женщин. Иначе говоря, господствовал известный взгляд Мальтуса, по которому главным образом бедность, скученность и болезни препятствуют размножению населения «в геометрической прогрессии». [1] Однако более пристальные исследования выяснили, что, хотя общая городская рождаемость действительно ниже, чем деревенская, но п о н и ж е н и е к о э ф ф и ц и е н т а э т о й р о ж д а е м о с т и н а б л ю д а е т с я н е с р е д и б е д н о г о, а с р е д и с о с т о я т е л ь н о г о н а с е л е н и я. Буржуазия и рантье избегают многосемейности, 1) не желая дробить приобретенного имущества между многими наследниками, 2) не желая иметь лишних расходов и забот, и 3) не желая компрометировать тяжелыми родами наслаждения личной жизни и красоту женщин. [2] Отсюда — аборты, принимающие за границей массовый характер именно в богатых классах, несмотря на «нелегальность» этого способа уклонения от родов, [3] а также ряд других презервативных мер («система одного ребенка» в городах Франции и Zweikindersystem в немецких городах). Наоборот, те, кому терять нечего, и те, кто не изощрен в борьбе с природой, плодятся, повидимому, без ограничений. [4]

Влиянием благосостояния на городскую рождаемость занялся французский статистик Бертильон, [5] по исследованиям которого на 1 000 женщин в возрасте от 15 до 50 лет рождается, в среднем, в год:

---

[1] М а л ь т у с, Опыт о принципе народонаселения, пер. Бибикова, и критика мальтузианства К а у т с к и м, Размножение и развитие в природе и обществе, пер. под ред. Рязанова, 1910 г.

[2] Ср Julius W o l f, Der Geburtenrückgang, 1912 г.

[3] В большинстве европейских и северо-американских государств аборты запрещены законом, но производятся тайно врачами за дорогую плату. В Нью-Йорке в год тайно производится в среднем до 10 тыс. абортов только состоятельными людьми. Положение иное в Советской России, в которой свобода и общедоступность абортов позволяет их практиковать как богатому, так и бедному населению.

[4] Еще Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й, говоря об интенсивной размножаемости сельского населения в России, указывал на то, что в русской деревне, где нет ни библиотек, ни театров, единственное удовольствие людей — плодиться (Примеч. к Основаниям пол. эк. Д. С. Милля, «Современник», 1860 г.).

[5] Цитировано по Н. А. К а б л у к о в у, Статистика, изд. 3, М., 1918, стр. 294.

	В Берлине	В Париже	В Вене	В Лондоне
Во всем городе	102	79	153	109
В самых бедных кварталах	157	108	200	147
„ бедных кварталах	129	95	167	140
„ зажиточных кварталах .	114	72	155	107
„ еще более зажиточных .	96	65	153	107
„ богатых кварталах	63	53	107	87
„ очень богатых кварталах	47	34	77	64

Приведенная таблица указывает на правильное понижение рождаемости по мере повышения экономической состоятельности.

Сравнительные данные о рождаемости в городских и сельских поселениях дают по разным населенным пунктам и странам весьма пеструю картину, рассмотрение которой во всех деталях выходит из рамок настоящего курса. В дореволюционной России на 1 000 женщин в возрасте 15 — 50 лет рождалось, в среднем, в губернских городах — 124 человека, в уездных городах — 157 и в деревнях — 204 человека. [1] По другим данным, рождаемость в русских городах достигала в 1910 г. 35 и в уездах 45,8 на тысячу жителей.[2] Война и революция, с 1914 по 1919 г. включительно, дали резкое понижение коэффициента городской рождаемости, но уже с 1920 г. наблюдается, наоборот, повышение таковой, [3] причем во многих городах коэффициент рождаемости превысил еще в 1921 г. довоенные нормы. [4] В Германии, при общей для всей страны рождаемости в 36,8 на каждую 1 000 жителей, большие города дают около 30 рождений, хотя нередко наблюдаются

---

[1] Там же, стр. 294.

[2] Отчет о состоянии народного здравия, Спб., 1910 г.

[3] Исключая городское население губерний, пострадавших от неурожая 21 — 22 гг., см. Лубны-Герцык. цит. соч., стр. 94 — 99, а также работы С. А. Новосельского и В. Г. Михайловского.

[4] Образцовым показателем этого процесса может быть Ленинград, давший такие цифры:

ГОДЫ	Рождений на 1 000 жителей	ГОДЫ	Рождений на 1 000 жителей
1913	26,4	1918	15,5
1914	25,0	1919	13,8
1915	22,5	1920	21,8
1916	19,1	1921	36.8
1917	18,7	1923	30,4

исключения (преимущественно в индустриальных центрах).[1] Систематическое падение рождаемости из года в год в германских больших городах несомненно, что видно из следующей таблицы:

ГОРОДА	Число родившихся					
	в 1906 г.	в 1907 г.	в 1908 г.	в 1909 г.	в 1910 г.	в 1911 г.
Берлин	51 456	50 984	49 206	45 957	44 182	42 832
Мюнхен	15 817	15 018	15 097	14 334	13 835	13 497
Дрезден	14 327	13 699	13 344	12 706	11 733	11 095
Лейпциг	14 759	14 157	13 892	13 575	14 215	13 406

Особенно низки цифры рождаемости в больших городах Франции, благодаря чему в них вовсе не замечается естественного прироста.

Переходя к вопросу о городской смертности и к сравнению ее с сельской, мы и здесь находим очень пеструю картину, зависящую главным образом от санитарных мероприятий городского хозяйства. Та же причина вызывает такие же разногласия во мнениях у различных специалистов. В этом важном вопросе необходимо разобраться, так как смертность городского населения служит объективным показателем среднего состояния его здоровья, последнее же прямо обусловлено деятельностью важнейшей из отраслей муниципального хозяйства.

В XIX в. в Европе руководством по затронутой проблеме служила формула английского статистика Фарра, согласно которой смертность в населенном месте пропорциональна корню 6-й степени из плотности населения. Если смертность в двух населенных пунктах обозначим C и C', а плотность населения — N и N', то $C : C' = \sqrt[6]{N} : \sqrt[6]{N'}$.

Эта формула имеет абстрактно-логический характер, и если бы не существовало сознательного вмешательства санитарной техники, оказывающей решающее влияние на естественные последствия скученности людей в одном месте, то мы могли бы, вероятно, всецело руководствоваться упомянутой формулой и сейчас. Однако общее состояние городской гигиены за последние 50 лет в корне изменилось, как мы усмотрим из краткой истории данного вопроса.

Превышение смертности над рождаемостью в городах и над смертностью в деревне давало повод первым статистикам (Граунт, Галлей, Петти, Зюссмильх) говорить о вырождаемости городского населения. Того же мнения держался в свое время Руссо, объявивший, что «города являются пропастью, поглощаю-

---

[1] Хемниц — 39,8, Дортмунд — 44,2, Дюссельдорф — 39,8, Кельн — 40,3, Мангейм — 43,3 (Георг Майр, цит. соч., стр. 76). В Англии, по утверждению проф. Р. Майо Смита (Статистика и социология, пер. с англ., стр. 79), рождаемость выше в городах, чем в деревнях.

щей человеческий род»,[1] а позднее Фурье, Роберт Оуен и другие. В конце прошлого столетия Ганзен, Аммон, Ад. Вагнер, Ольденберг, В. Моррис, Р. Блетчфорд, не говоря уже о Рескине и Л. Толстом, опираясь главным образом на высокие цифры смертности и низкие цифры рождаемости городского населения, провозглашали знаменитый лозунг: «Назад, в деревню!» Даже в XX в. наши современники, известный гигиенист проф. Г. В. Хлопин в 1903 г.[2] и экономист и статистик проф. Н. А. Каблуков в 1918 г.,[3] выставили ряд цифровых данных, говорящих о значительном превышении смертности в европейских городах сравнительно с деревней. На все подобные указания также с цифрами в руках возражали А. Вебер, Бренгано, Момберт, Кучинский. Вообще мнения урбанистов по этому вопросу факта курьезно разделились, причем разные авторы, ссылаясь на те или иные источники, часто приходили к диаметрально противоположным выводам.

Жизнь, однако, пресекла этот спор: последние переписи и исследования вполне определенно разрешают вопрос в сторону, благоприятную городам. В последней четверти XIX столетия действительно большинство цифр еще говорило о высшем уровне городской смертности, сравнительно с деревенской; к 1900 г. коэффициенты городской и сельской смертности между собой уравниваются, а в течение XX в. соотношения решительно перевернулись: смертность, как правило, становится в большей или меньшей степени обратно пропорциональной величине населенного пункта.

Как это ни странно на первый взгляд, но раньше всего последнее правило обнаружило свое действие в России. Еще в конце XIX в., на что указывает и Г. В. Хлопин, русский город давал меньший коэффициент смертности, чем деревня. В 1910 г. смертность в наших городах равнялась в среднем 26,3%, а в уездах — 31,2%, хотя в целом ряде антисанитарных городов (Самаре, Саратове, Астрахани, Ростове-на-Дону и других) наблюдалось резкое уклонение от средней нормы. Вообще более благоприятные цифры в городах объяснялись отнюдь не их санитарным благоустройством, которое всегда стояло на весьма неудовлетворительном уровне, а лишь еще менее культурными условиями в русской деревне с ее малоземельем, аграрным перенаселением, гигиеническим невежеством и поистине варварским состоянием в ней как санитарной техники, так и медицинской помощи (один врач в среднем приходился на 10 000 сельского населения, вследствие чего в русской деревне, как в средневековой Европе, процветали вредное знахарство и полнейшее пренебрежение правилами гигиены).

В Англии и Уэльсе конца прошлого века смертность в округах с большими городами была 22,3, а в округах сельских с малыми горо-

---

[1] J. J. Rousseau, Emile, Liv. I, p. 36.
[2] Г. В. Хлопин, Гигиена городов, Юрьев, 1903 г., стр. 4.
[3] Статистика, М., 1918, стр. 310, 311 и след.

дами — 18,5 на 1.000 жителей. Одновременно в Пруссии в городах свыше 20 000 жителей смертность достигала 28,3, а для всей страны 25,7. Во Франции соответствующие цифры — 30,5 и 23,4, причем средний возраст умирающих в целой стране был равен 42 годам 2 мес., а для Парижа — 28 лет 19 дней. Между тем в начале XX в. наблюдается уже обратное соотношение между городами и деревней.

Позднее всего оправдались новые выводы в Соединенных штатах, как это показывает следующая приводимая Н. А. Каблуковым[1] таблица, относящаяся к самому началу XX в.

Число смертных случаев на 1.000 жителей.

	Сельского населения	Городского населения	Города свыше 100 тыс. жителей	Столичный округ
Для всех возрастн. групп	15,34	22,15	21,62	24,61
До 1 года	121,21	243,32	236,81	264,35
„ 5 лет	37,12	80,40	78,00	89,25
От 5 до 15 лет	4,03	6,21	5,96	6,16
„ 15 „ 45 „	6,82	10,80	10,71	12,07
„ 45 „ 65 „	15,19	16,27	26,62	31,52
Свыше 65 лет	67,83	88,60	89,76	96,62

Как мы можем убедиться, формула Фарра весьма еще близка к приведенным данным. Однако исключительно энергичная санитарная работа, проведенная американскими муниципалитетами и общественными организациями за последние 20 — 25 лет, в корне перевернула неблагоприятное для городов положение. Напр., в Нью-Йорке в 1872 г. смертность равнялась 31 на 1 000 (всего 185 737 смертей), в 1902 г. — 25 на 1 000 жителей, а в 1923 г. — 12 на тысячу (69 452 смертей).[2]

---

[1] Цит. соч., стр. 311. К сожалению, автор не приводит времени, к которому таблица относится, но сравнения с другими источниками позволяют думать, что к первым годам XX в.

[2] Statistical Review of fifty - eights years of public Health work city of New-York: W. H. Guilfoy, Monthly Bull. of the Depart. of Health city of № 3, 1924

Американцы, кроме применения общих санитарных мер (канализации, водопровода, мусоросжигания, кремации), вели санитарную борьбу против каждой болезни отдельно специальными методами (системой открытых окон, физическими упражнениями, прививками; выдачей пастеризованного молока, пропагандой) и достигли за 50 лет поразительных результатов. В Нью-Йорке оспа с 1913 г. не дала ни одного смертного случая, брюшной тиф пал до 2 смертей на 100 тыс. населения и малярия до 1 на 100 тыс., скарлатина понизилась с 155 до 4, кишечные заболевания детей с 36 до 2, дифтерит с 295 смертей до 9 и туберкулез с 503 на 100 тыс. в 1872 г. до 179 в 1912 г. и 83 в 1923. Исключение составляют рак и болезни сердца, удвоившиеся за то же время благодаря новому темпу жизни и феноменальной динамике американских центров.

В Германии в 1900 г. мы имеем уже цифры, благоприятные для городов вообще и для больших городов в особенности, так что формула Фарра теряет для данного времени всякое значение. Общая для всей Германии цифра смертей составляла в то время 23,2 на 1 000 жителей, а для Берлина — 20,0, для Дрездена — 20,7 и т. д., причем только 8 больших городов давали высшую против средней для всего государства цифру.

Сведения за 1924 г. [1] дают нам следующие цифры, указывающие на громадный санитарный сдвиг в больших городах и оправдывающие приведенный нами новый закон смертности:

Амстердам	9,0	Дрезден	11,9	Манчестер	13,7
Кельн	10,8	Лондон	12,0	Париж	14,2
Стокгольм	10,9	Копенгаген	12,5	Москва	14,5
Чикаго	11,1	Цюрих	12,5	Варшава	15,0
Лейпциг	11,2	Мюнхен	12,5	Гласго	15,9
Бирмингам	11,5	Филадельфия	12,9	Ленинград	16,1
Гамбург	11,6	Женева	13,2	Будапешт	19,1
Нью-Йорк	11,7	Вена	13,3	Сельские местности —	
Берлин	11,8	Ливерпуль	13,4	около	20

Таким образом, сказанное выше разногласие делается для нас понятным: все зависит от того, какую эпоху брали те или иные авторы как источник для своих выводов.

Обращаясь к объяснению изложенного нами нового явления, а именно понижения смертности в городах и особенно в больших городах, необходимо обратить внимание не только на лучшую санитарно-медицинскую технику, которая, как многие думают, сама по себе едва ли могла бы преодолеть результаты неблагоприятных условий жизни в больших городах (скученность, недостаток свежего воздуха и света, нервность жизни и т. п.). Большое значение имеет здесь влияние возрастных групп, а именно тот факт, что в городах преобладают рабочие в цвете сил, а дети и старики, с их усиленной смертностью, остаются в значительном числе случаев в деревне. С. А. Новосельский, исследуя этот вопрос в довоенной России, после соответствующих исправлений коэффициентов, пришел даже к тому выводу, что «смертность городского населения у нас все-таки значительно выше смертности сельского населения». [2] Если принять смертность в 50 губерниях Европейской России за 1 000, то, по мнению т. Новосельского, получится, при надлежащих исправлениях, следующая смертность:

Все городское население	1 070	Петербург	1 156
Сельское население	993	Москва	1 314
Города свыше 100 тыс. жит.	1 137	Одесса	919
Прочие города	1 037	Саратов	1 335
		Астрахань	1 450

При всей важности упомянутых исследований, надлежит отметить, что приведенные цифры, как относящиеся к 1897 г., ныне устарели,

---

[1] Проф. З. Г. Френкель, цит. соч., стр. 22, 29 и след.

[2] С. А. Новосельский, О различиях в смертности городского населения Европейской России, М., 1910 г., и Л. Велихов, Сравнительная смертность гор. и сельского населения России, «ГД», 1911 г., №№ 13 — 14.

последние же данные говорят о понижении смертности всех возрастных групп как-раз в крупных городах СССР, Германии, Англии, Дании, Нидерландов, а в последние десятилетия — и Соед. штатов. Муниципально-санитарная техника празднует здесь блестящую победу над искусственными условиями городского общежития, и, если бы господствующая хозяйственная система это дозволяла, тот же успех был бы несомненно достигнут и для рабочих кварталов, в которых смертность, как это было указано в предыдущем параграфе, до сих пор превышает на 100 — 150% средние цифры городской смертности, давая естественную убыль в городах пролетарского населения, которое пополняется с лихвой лишь действием экономических факторов.

Из городских профессиональных групп, по сведениям А. И. Чуprова, наивысшую смертность на тысячу живущих в возрасте 24 — 45 лет дают: прислуга в гостиницах и трактирах (22,6), чернорабочие без определенной специальности (20,6) и уличные разносчики съестных припасов (20,2), а наименьшую смертность — адвокаты (7,5), садовники (5,5) и духовенство (4,6).

Что касается численного соотношения между полами (вопроса, важного для экономики города в виду большей производительности мужского труда), то в нашей урбанистической литературе чаще всего высказывались следующие более или менее априорные положения: 1) в городах наблюдается преобладание мужчин, а в селах — женщин, так как город привлекает преимущественно мужскую рабочую силу; 2) величина мужского преобладания в городе прямо пропорциональна величине последнего, так как «чем больше город, тем легче найти в нем работу», 3) с течением времени относительное количество женщин в городе имеет тенденцию расти по мере того, как временные переселения сельских рабочих в города становятся постоянными, т. е. упрочивается связь с городом городских иммигрантов.

Однако более широкое исследование данного вопроса приводит к выводу, что приведенные положения безусловно верны только по отношению к большим и отчасти средним русским городам (Ленинград, Москва, Ростов-на-Дону, Казань, Архангельск, Ярославль, Пермь и т. д.) и только для довоенного времени.[2] Вообще в разных странах и разных городах наблюдаются весьма различные численные отношения между полами, которые должны учитываться в каждом случае особо. Напр., в Сибири и Соединенных штатах Сев. Америки заметно резкое преобладание мужчин в городах. Наоборот, в больших

---

[1] Победа эта тем знаменательнее, что в больницы и клиники больших городов стекаются больные издалека, что повышает коэффициенты смертности этих городов.

[2] В России после войны и революции в городах почти повсеместно наблюдался перевес женщин, постепенно ослабевающий, как показывает перепись декабря 1926 г. В некоторых индустриальных центрах уже вновь имеется налицо преобладание мужчин (Баку, Сталин, Томск, Новороссийск). В Москве на 1 000 мужчин приходится, по последней переписи, 1 006 женщин; в Ленинграде на 1 000 мужчин — 1 123 женщины. Крайние рекордные цифры дают Херсон (25 957 мужчин и 31 419 женщин) и Владивосток (60 946 мужчин и 41 50с женщин).

городах Германии, по вычислениям Георга Майра,[1] на 1 000 мужчин приходится 1 059 женщин, тогда как во всей стране — на 1 000 мужчин — 1023 женщины. В Берлине на 1 000 мужчин приходится 1 092 женщины, и, следовательно, пропорция приведенного выше правила перевертывается. То же и в Англии: по сведениям Р. Майо Смита[2] в английских городских округах на 100 мужчин приходится 109 женщин, а в сельских — на 100 мужчин — 101 женщина.

Причины означенного колебания численно-половых соотношений многообразны, но большинство из них сводится к экономическим факторам. Быстро растущие пролетарские центры обыкновенно отличаются перевесом мужчин над женщинами; наоборот, в буржуазных городах с установившейся индустрией женщины часто имеют перевес, так как домашняя прислуга, достигающая в таких городах 7 — 8 % всего городского населения,— на 80% женская, и женщины пополняют кадры многочисленной проституции, зарегистрированной и тайной, осевший же в таких городах более или менее прочно пролетариат переводит своих жен из деревни на постоянное жительство.

Гораздо больше правильности замечается в соотношениях возрастных групп. Производительный город сосредоточивает у себя повсеместно население рабочего и полурабочего возрастов (15 — 70 лет), при сравнительно небольшом количестве детей и глубоких стариков. Городское население самодеятельного возраста составляло до войны в Лондоне — 64,4%, в Петербурге — 77% и в Москве — 78%. Георг Майр приводит следующую ориентировочную таблицу для европейских городов:

Возрастное построение городского населения (в процентах)

0 — 10 лет 18,83	30 — 40 лет 15,43	60 — 70 лет 3,95
10 — 20 „ 17,50	40 — 50 „ 10,89	70 — 80 „ 2,02
20 — 30 „ 24,10	50 — 60 „ 7,29	80 — 90 „ . . менее 1

Изложенное построение называется луковицеобразным, по аналогии с луковицей, в которой замечается утолщение начиная от основания, а затем оно идет на убыль сначала быстро, а потом с уменьшающейся постепенностью.

Графическое сходство с луковицей еще более заметно в возрастной структуре дореволюционного Петрограда и Москвы, так как второе десятилетие, вследствие значительного количества несовершеннолетних рабочих, уже дает утолщение, как это видно из следующей таблицы, приводимой проф. Каблуковым (Статистика, изд. 1918 г.).

---

[1] Цит. соч., стр. 75. Цифры относятся к довсенному времени, после же войны преобладание женщин еще усилилось.

[2] Р. Майо Смит, Статистика и социология, Москва, стр. 51 (перевод под редакцией Фальборка и Чарнолусского).

На тысячу жителей приходится:

В возрасте	Петроград		Москва	
	Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин
0 — 10 лет	137	167	118	157
10 — 20 „	213	169	234	177
20 — 30 „	300	233	288	234
30 — 40 „	180	178	183	175
40 — 50 „	98	112	104	117
50 — 60 „	46	74	46	75
60 — 70 „	19	45	20	47
Свыше 70 лет	7	22	7	18

Эта таблица ярко отображает для дореволюционного времени жизнь наших столичных и в то же время индустриальных центров. Дети до 10 лет — в деревне, свыше 10 лет они уже начинают работу на городской фабрике. В цвете сил мужчин больше, чем женщин, остающихся в значительной своей части в деревне. Изношенные непосильным трудом мужчины раньше умирают, чем женщины.

В сельских же местностях график возрастной структуры дает повсеместно более или менее правильную пирамиду.

Наконец, что касается брачности городского населения, то она повсеместно дает более высокие цифры для городского, чем для сельского населения, причем означенный перевес достигает в некоторых странах 50%.[1] Это наблюдение часто вызывало недоумение, так как у земледельца имеется больше побуждений вступить в брак, дающий ему помощницу в хозяйстве, чем у промышленных групп населения, и общая брачность земледельческих стран (России, Венгрии, Сербии) всегда была выше, чем стран индустриальных. Однако мы легко поймем сравнительно высокую брачность в городах, если примем во внимание, что в последних находится относительно больше лиц брачного возраста.

Особняком стоит сложная проблема городской преступности, освещаемая уголовной и моральной статистикой. Преступность, как правило, выше в крупных городах, чем в средних, а в средних городах — выше, чем в мелкогородских и сельских поселениях, что объясняется более высоким культурным и образовательным уровнем в городах. Некоторые урбанисты, как, напр., Вандервельде, склонны объяснять это явление большим количеством раскрытых

---

[1] Напр., в Швеции за десятилетие 1910—20 гг. число заключенных браков на тысячу сельских жителей было 12, а в Стокгольме — 16. Наоборот, во Франции высокая брачность городского населения (14,6) и деревенского (14,6) не-[illegible] (Cf. Levasseur, Population française, II, p. 77.)

городских преступлений, благодаря лучшей организации в крупных центрах прокуратуры, а также политического и уголовного розыска. Однако упомянутое объяснение колеблется, во-первых, фактом образцовой организации последних учреждений в западноевропейской деревне и, во-вторых, интенсивным ростом в городах числа самоубийств, обычно сопутствующих другим видам преступности. Это число, как известно, прямо пропорционально величине населенного пункта и прогрессирует вместе с поступательным процессом капитализма.[1] Так как затронутая проблема имеет сравнительно мало отношения к коммунальному хозяйству, мы считаем ее выходящей из рамок настоящего курса и ограничимся констатированием этого последнего интересного социального признака больших городов. Впрочем, нам думается, что острая борьба за существование и городские соблазны, в связи с безработицей и все растущими в крупных центрах кадрами лумпен-пролетариата, дают для людей, не привыкших мудрствовать лукаво, достаточные и приемлемые объяснения обоим цитированным фактам. Преступники, как социальная и даже своеобразно организованная группа, имеют свою резиденцию и свой «экономический базис» в крупных городских центрах.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ И ФУНКЦИИ ГОРОДА В ЕГО СВЯЗИ С ДЕРЕВНЕЙ

1. ГОРОД И ДЕРЕВНЯ

В предыдущей главе мы рассмотрели так называемые «социальные» признаки современного города, причем убедились в экономической природе и происхождении большинства из них. Предметом анализа настоящей главы являются чисто экономические признаки и функции города, но города не как коммунальной или государственной единицы (о чем речь пойдет во второй части курса), а как суммы частных хозяйств, органически связанных между собой и с господствующей системой народного хозяйства. Ясно, что муниципальное хозяйство и в своей организации, и в своих средствах, и в выборе своей политики непосредственно вытекает из общей экономики города и зависит от нее почти во всех своих частях и деталях.

---

[1] Впрочем, и здесь по разным странам наблюдается довольно пестрая картина. По данным специальных монографий о самоубийстве — M o r s e l l i, Suicide, p. 273, и N a g l e, Suicide in New York City, на 1 000 самоубийств в соответствующих странах приходится: в Берлине 140, в Копенгагене 112, в Стокгольме 464, в Вене — 316. Английские города отличаются наименьшим количеством самоубийств (на миллион жителей приходится самоубийств в Глазго 23,7, в Бруклине 54,7, в Ливерпуле 55,1, в Лондоне 93,4). Что касается преступности, то приведенное нами общее правило безусловно оправдывается во Франции (1 осужденный приходится на 6 007 жителей в городах и на 12 787 в деревнях), в СССР (аналогичная, приблизительно, пропорция) и в Германии, но Англия составляет исключение. По утверждению M a й о C м и т а, городская и сельская преступность там одинакова, а в Лондоне, благодаря полицейскому надзору, преступность втрое меньше, чем в деревне.

Вести, а тем более строить городское хозяйство, не понимая и не учитывая существенных элементов этой экономики, значило бы то же самое, что строить корабль, не зная основ кораблестроения или вести его наугад, не сообразуясь ни с географией, ни с фарватером. [1]

Первый и важнейший экономический признак современного хозяйственно-производительного города, который, как уже указывалось в первой главе, должен входить в самую его дефиницию, основан на виде труда самодеятельной части городских жителей: последние заняты обрабатывающей промышленностью или торговлей. Отсюда, в виде логического следствия, вытекает и второй экономический признак города, не совсем правильно выдвигаемый многими урбанистами, с легкой руки В. Зомбарта, как признак дефиниционный: [2] это — оторванность от сельского хозяйства, или употребление городом продуктов чужого земледельческого труда.

Упомянутый признак неизбежен в капиталистическом городе, так как земледелие само по себе требует незаселенных пространств, а при значительной плотности населения и при высокой ренте городской земли, находящейся, в массе своей, в частной собственности, сельскохозяйственная эксплуатация таковой с частнохозяйственной точки зрения безусловно невыгодна, рентабельность же имущества — главный критерий политики капиталистических предприятий. Для советских городов положение в данном отношении до поры до времени мало меняется, так как они застроились и развились при товарно-капиталистической системе, а непосредственно после революции, по целому ряду причин, принадлежащая им незастроенная земельная территория еще сократилась, а густота городского населения увеличилась.

Комбинируя приведенные основные признаки, элементарная экономия весьма часто отожествляет город с промышленностью и торговлей, а деревню — с сельским хозяйством и сводит взаимодействие между городом и деревней к взаимоотношениям обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства. Грубо теоретически такая упрощенная концепция, основанная на известном логическом софизме «pars pro toto», все же не может почитаться ошибочной, так как в современных больших городах Европы и Сев. Америки только от одного до двух процентов жителей заняты сельскохозяйственным трудом, а интенсивная концентрация в городах обрабатывающей промышлен-

---

[1] К сожалению, 90% наших коммунальных работников с их текучим и случайным составом, подобранным, в квалифицированной своей части, почти исключительно из строителей, как это видно между прочим из образовательного и служебного их стажа, вовсе игнорируют экономику, интересуясь лишь техникой гор. хозяйства. Отсюда — бесхозяйственность, при самых благих намерениях (см. мой Опыт муниципальной программы, стр. 83). Исключение составляет, кажется, одна Москва.

[2] Современный отдел логики — учение о дефинициях (Definitionslehre) — не допускает определения понятий посредством одних отрицательных признаков (ср. W. Windelband, Beiträge zur Lehre vom negativen Urtheil; Strasburger, Abhandlungen zur Philosophie).

ности не возбуждает сомнений; с другой стороны, в сельских общинах Западной Европы и Северной Америки земледелие практикуют 67%, а в СССР — свыше 72% самодеятельного населения.[1] Тем не менее, в научной «теории современного города» и основанном на ней муниципальном планировании надлежит не только руководствоваться типичными схемами, но, по возможности, следует учитывать и реальную экономическую данность во всей ее сложности.

Город занят обрабатывающей промышленностью и торговлей, а деревня — сельским хозяйством. В эту классическую формулу, выявляющую современное общественное разделение труда в его простейшем виде, необходимо, в целях точного учета экономической действительности, внести следующий ряд дополнений и поправок.

Во-первых, нельзя упускать из виду, что город есть не только производительный, но и хозяйственно-потребительный организм. Вся техника коммунального хозяйства, как оно понимается капиталистическими государствами, ориентируется на последнюю сторону города и предназначена к удовлетворению индивидуальных и коллективных потребностей горожан, в особенности же городской буржуазии. Уже по одной этой причине нельзя безусловно отожествлять «промышленное и торговое» с «городским», так как муниципальные потребности гораздо шире специальных нужд промышленности и торговли и проявляются в иной плоскости. Одним словом, промышленность и торговля сопутствуют городу, но далеко не исчерпывают его содержания.

Во-вторых, город занят не только промышленностью и торговлей. Даже наиболее резко отделившиеся от сельского хозяйства крупные английские и германские города имеют в своем составе, как мы видели, первые — 0,8%, а вторые — 1,4% жителей, занятых сельским хозяйством. Для французских и итальянских городов соответствующий средний процент равен 2,5, для Венгрии и Юго-Славии — около 6% и для городов СССР — свыше 15% (принимая в расчет не только крупные индустриальные центры, но и прочие «официальные» города, средние и малые).[2] Нельзя не отметить, что все указанные проценты вычислены для «сити», после же включения «Большими» Лондоном, Берлином, Парижем, Веной, Москвой в свой состав обширных сельскохозяйственных территорий, эти проценты следует в соответствующих случаях по крайней мере удвоить, что составит для мирового города многие десятки тысяч жителей, занятых сельским хозяйством. Кроме того, известно, что отдельные европейские города специально и широко развили у себя известные сельскохозяйственные отрасли, как, напр., Дортмунд — молочное хозяйство, Ницца — цветоводство, Думбах, Требра, Родгейм — фруктовые сады, город Орса в Швеции построил все свое муниципальное хозяйство на лесоводстве

---

[1] Народное хозяйство СССР в цифрах, М., 1925, стр. 37.

[2] Этот процент был еще значительно выше до революции, после которой большинство сельскохозяйственных городов, имевших более 25% самодеятельного населения, занятого в сельском хозяйстве, превращены в села.

и т. д.[1] Наконец, как мы знаем, на ряду с хозяйственно-производительными торговыми городами существует многочисленная группа городов особого предназначения — курортов, учебно-воспитательных центров и чисто административных пунктов, занятых не промышленностью и торговлей, а не хозяйственными, хотя и общественно-полезными, занятиями: лечением, учением, государственной службой. К этим последним «городам» приведенная выше формула вовсе не относится, но, поскольку они остаются юридическими городами и продолжают вести муниципальное хозяйство, учитывать тот минус, который они вносят в общую городскую продукцию хозяйственных благ (потребительных ценностей), необходимо.

В-третьих, город занят не только обрабатывающей, но отчасти и добывающей промышленностью. Мы уже приводили особую и притом довольно многочисленную категорию «горнозаводских городов» в Европе и Америке. В СССР целый ряд средних и небольших городов, развившихся из поселков, которые получили административное или учебное значение, заняты добывающей промышленностью, а горнозаводские рабочие поселки, как правило, причислены к «поселениям городского типа». Таким образом, классическая формула усложняется: на ряду с городом и деревней появляется третья категория «поселений городского типа»,[2] занимающих как бы среднее место между городом и деревней. Экономика этих поселений, а тем более их хозяйство сильно отличается от настоящей городской экономики и муниципального хозяйства. Резко активный баланс, небольшая социальная дифференцированность населения, временность существования таких поселков (в виду истощимости запасов угля, металлов, нефти и т. п.), низкая их людность, более чем скромный коммунальный бюджет, вплоть до однообразия и интеллектуальной скудости жизни, — все отличает их от города. Однакоже в общей статистике, к сожалению, такие заводские поселки чаще всего фигурируют теперь наравне с городами, извращая до известной степени суммарные выводы урбанизма.[3]

В-четвертых, деревня занята не только сельским хозяйством в узком смысле этого слова (т. е. полевым хозяйством и животноводством). К основным занятиям деревни следует еще при-

[1] Среди других муниципальных предприятий видное место занимают мукомольные мельницы (во Владивостоке, Челябинске, Симбирске, Казани, Орле и [illegible] средних и небольших городах), соляные склады (в Краснодаре, Самаре, Керчи, Царицыне, Кунгуре, Мариуполе, Ростове, Саратове, Севастополе, Томске, Уфе, Ставрополе, Старобельске [illegible] средних и небольших городах и т. д.) (См. Б. Б. Бе[illegible]. Календарь-справочник городского деятеля на 1915 г., Спб., стр. 314—315 и 415).

[2] Более правильный термин: «поселение полугородского типа». Хотя и [illegible] правильно находит, что в законодательстве СССР следовало бы [illegible] более четкую сеть населенных мест таким образом: село, поселок, город, [illegible] рабочий поселок и все переходные от села к городу формы, а именно поселок [illegible], рабочий, дачный, курортный поселок (см. «Город в советском законодательстве». «Ком. Дело», № 17—18, 1926 г.). Для поселков Московской губернии это уже сделано.

[3] Для поселков городского типа более правильный термин: «заводской» (или по-латыни [illegible] «каменной город, а средний — городской поселок).

числить прежде всего: а) лесное хозяйство (с первоначальной обработкой), б) охоту и в) рыбную ловлю. Город оказывается оторванным и от этих отраслей народного хозяйства, играющих в России далеко не второстепенную роль. Из 126-миллионной добычи пушнины во всем мире (в рублях) 55 млн падает на Сибирь, [1] а по ценности добываемой рыбы Россия до войны занимала первое место. [2]

Далее, в организационный строй сельскохозяйственных предприятий, имеющих свою главную резиденцию в деревне, следует отнести и целый ряд технических производств, ориентирующихся не на потребителя, а на сырье. Те из сельскохозяйственных технических производств, которые ориентируются на потребителя (пивоварение, [3] мукомольный промысел и др.), отрываются от сельского хозяйства и постепенно отходят к городу, и, наоборот, сельскохозяйственная обрабатывающая промышленность, ориентирующаяся на сырье (производство спирта из картофеля, [4] свеклосахарное производство, сушка и консервирование овощей и т. п.), входит в организационный строй, т. е. в составную часть сельского хозяйства, и преимущественно принадлежит деревне.

В-пятых, деревня занята не только сельским хозяйством (в узком и широком смысле), но и обрабатывающей промышленностью не сельскохозяйственного типа. Прежде всего — это кустарные промыслы, которые на Западе и в Сев. Америке играют теперь маловажную роль по сравнению с городской фабрикой, но в СССР сохраняют почти все свои позиции и продолжают развиваться. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926/27 г. дают нам следующую интересную таблицу доходов крестьянского хозяйства СССР (в миллионах рублей):

Статьи доходов	Годы			
	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
От реализации сел.-хоз. массы	2 777	3 920	4 874	5 252
„ „ продукт. кустарн. пром.	1 000	1 145	1 300	1 430
От прочих промыслов (лесного, пушного, извоза и проч.)	481	657	803	910
Всего	—	—	—	7 592

Таким образом, мы видим, что в настоящее время около одной пятой всех доходов деревни падает на реализацию продуктов кустарной

---

[1] Проф. Огановский, Очерки экономической географии РСФСР, изд. «Нов. Дер.», стр. 164.

[2] В 1913 г. было добыто рыбы (в миллионах зол. рублей): в России — 168, в Соед. штатах — 146, в Великобритании — 118, в Японии — 60, в Канаде — 58.

[3] При производстве пива из ячменя и хмеля материалы отличаются большей транспортабельностью, пиво же, разлитое в бутылки или бочки, — очень громоздкий и малотранспортабельный товар.

[4] Спирт более транспортабелен, чем картофель.

обрабатывающей промышленности, из которых вне деревни (т. е. в городах) реализовано в 1926/27 г. на 572 млн рублей и внутри деревни — на 858 млн. Цифры достаточно внушительные.

Наконец, на стороне деревни надлежит учесть все те фабрично-заводские, мануфактурные и торговые предприятия, которые по различным причинам находятся вне городов. Ориентировочные цифры о них даны нами в двенадцатой главе. В результате произведенного анализа упрощенная формула элементарной экономии оказывается несколько поколебленной. Становится ясным, что экономическая политика государства не может ограничиться отнесением обрабатывающей промышленности и торговли к городу, а сельского хозяйства — к деревне, но вынуждена конкретно учитывать все дополняющие моменты и уклонения от этой элементарной формулы. Равным образом и городской хозяин в каждом отдельном случае должен знать и учитывать все конкретные экономические особенности как своего города, так и сельской территории, которая к нему экономически тяготеет.

Тем не менее, при изложенных оговорках и дополнениях, общая и целая экономическая картина, выраженная в нашей формуле, остается верной: современный город, и особенно большой город, оторван от продуктов питания в том смысле, что он собственными силами может пропитать лишь небольшой процент своего населения, [1] а деревня (за исключением тех селений, которые продолжают прозябать в натуральном хозяйстве) оторвана от производства орудий своего труда, от производства одежды и обуви (в требуемом количестве), от некоторых продуктов питания, напр., чая, соли, не говоря уже о культурном потреблении (книг, газет, музыкальных инструментов, предметов цивилизованного домашнего обихода и т. п.).

На основе этого общественного разделения труда строится весь социально-экономический механизм взаимоотношений города и деревни, который мы сейчас воспроизведем в схематическом очерке.

Оторванность города от сельского хозяйства и источников питания заставляет его привлекать более или менее равномерно и в требуемом количестве свободную массу сельскохозяйственной продукции. Рыночные цены на эту продукцию, управляемые законом спроса и предложения, в капиталистических государствах стихийно регули-

---

[1] Классическим примером этой оторванности может служить Париж (ср. Г. Вентиг, Эк. знач. больш. гор., стр. 102 — 103). Несмотря на свои плодородные окрестности, он не в состоянии даже сколько-нибудь покрыть потребности населения в съестных припасах, и целая Франция, Европа, даже весь мир несет сюда свою дань: мясо Париж покупает в Нормандии, Кальвадосе, Вандее; Алжир поставляет $^{3}/_{4}$ нужного количества овец и $^{1}/_{4}$ количества рыбы и раков; $^{3}/_{4}$ рыбы поставляют Бельгия, Англия, Испания и Италия; дичь поставляют Италия, Голландия, скандинавские государства, Испания, даже Турция; птица идет из разных частей Франции: индеек поставляет Турэнь, голубей — Маконнэ, гусей — департаменты Сарт, Орн, Эрский; фрукты поставляет Италия, яйца и масло — Голландия и целый ряд французских департаментов. Столь широкий размах импорта станет нам понятным, если мы примем во внимание, что в один год Париж потребляет мяса 210 млн килограммов, рыбы 41 млн, птицы и дичи — 32 млн, яиц 30 млн, масла 23 млн килограммов.

руют как этот спрос, так и предложение, а паровой транспорт на искусственных и естественных путях сообщения служит средством доставки продовольствия извне, после обмена известной части городской продукции или, точнее, ее денежного эквивалента—зарплаты рабочих — на сельскую.

Ясно, что для города этот продукт городского продовольствия является в значительной своей части необходимым продуктом, служащим для воспроизводства рабочей силы в обрабатывающей промышленности и в другой части для питания остального городского населения; наоборот, тот же продукт для деревни является прибавочным продуктом, общая величина которого определяет уровень товарности сельского хозяйства. Город заинтересован в том,[1]) чтобы избыточный продукт деревни был дешев и достаточен для его пропитания, и 2) чтобы емкость сельского рынка соответствовала той части городской продукции, которая не может быть размещена внутри города. В свою очередь, деревня заинтересована в том, 1) чтобы за свою избыточную продукцию получить, по доступным ценам, все нужные ей товары, и 2) чтобы емкость городского рынка соответствовала этой избыточной продукции. Равновесие между городским и сельским производствами и рынками в отношениях: а) количества и качества продукции, б) емкости рынков и в) установившихся цен на соответствующие товары служит важнейшим показателем экономической гармонии в народно-хозяйственном организме, поскольку о ней можно говорить при капитализме.

Само собой разумеется, что объясненная схема взаимоотношений между городом и деревней построена нами на методе абстрагирования, как бы для изолированного государства. Развитие международных путей сообщения, удешевление транспортных тарифов и вообще нарождение «мирового хозяйства» позволяют в настоящее время отдельным национальным хозяйствам развиваться односторонне, с полным нарушением упомянутого принципа внутренней экономической гармонии, а именно развивать городскую индустрию в ущерб сельскому хозяйству (Англия) или, наоборот, держаться сельского хозяйства в ущерб индустрии (дореволюционная Россия и другие аграрные страны). Однако в первом случае государство находится в полной зависимости от «мирового хозяйства», т. е. от случайностей истории.[1] Ясно, что индустриальная гипертрофия, при недостаточности сельского хозяйства, в нашу эпоху империалистических войн чревата внутренней хозяйственной катастрофой. Во втором же случае сельское хозяйство, благодаря немногочисленности и слабости городских центров, т. е. обеспеченных и близких рынков сбыта, остается

---

[1] Один из английских политических деятелей недавно с гордостью объявил, что «вся Англия является как бы одним колоссальным городом для мировой деревни». Однако мы на примере Ленинграда в 1917—1920 гг. убедились, как хрупок город среди исторических бурь. В два года его население в 2 400 тысяч жителей потеряло около 1 700 тысяч, а остальные голодали.

мало рентабельным (низка дифференциальная рента №1 по расстоянию), цены на сельскохозяйственную продукцию незначительны (вследствие недостаточного спроса), что способствует экстенсивности сельского хозяйства; товарность последнего также низка, и пережитки натурального хозяйства ликвидируются с трудом. Вообще при односторонней аграрной ориентации народное хозяйство во всей стране находится под знаком косности и застоя, при слабом общем развитии техники, культурных потребностей населения и динамики товарообмена.

Все сказанное приобретает особое значение в Советской России, унаследовавшей от старого режима односторонний аграрный тип хозяйства и ныне находящейся в капиталистическом окружении. Главные задачи и лозунги нашей экономической политики последних лет (смычка города с деревней, индустриализация и электрификация, борьба с «ножницами», режим экономии, районирование и плановость хозяйства) всецело связаны с этой проблемой экономического взаимодействия города и деревни, причем практически к разрешению последней проблемы в СССР уже сделаны важные шаги, но, к сожалению, теоретическая сторона вопроса, в связи с общей теорией трансформационного процесса и с последними конкретными данными хозяйственной конъюнктуры, почти вовсе не разработана научно и еще не вышла из стадии злободневных дискуссий...

Тем не менее, хотя правильные взаимоотношения между городом и деревней во многом обеспечивают устойчивость народного хозяйства и служат вернейшим залогом его прогресса, они еще *не могут сами по себе обеспечить внутреннее развитие города и его муниципального хозяйства*. Избыточный продукт деревни служит для воспроизводства рабочей силы городского населения и для питания (часто весьма роскошного) буржуазного класса города, но *только*, ибо кустарная продукция деревни размещается преимущественно внутри самой деревни и для городов вообще имеет второстепенное значение. Базисом муниципальных средств всего городского хозяйства и источником внутригородской капиталистической культуры надлежит признать *прибавочную стоимость*, вырабатываемую как городом, так и вне его. Понятно, что прибавочного продукта, вырабатываемого в самом городе, недостаточно для осуществления тех грандиозных задач, которые современный крупный центр себе ставит, и последний вынужден по необходимости изощряться в привлечении прибавочной стоимости извне. Основатель теории урбанизма Вернер *Зомбарт* утверждает, что «существует столько экономически различных типов городов, сколько имеется способов привлекать избыточный продукт деревни».[1] По нашему мнению, такая формулировка если и не ошибочна, то чересчур узка: речь должна итти не только о привлечении «избыточного продукта тяготеющей к городу деревни», но также и о привлечении в город прибавочной стоимости из других городов, колоний, из государственного казначейства и т. п. Вообще вопрос о создании, привлечении и реализации прибавочной стоимости состав-

---

[1] *В. Зомбарт*, цит. соч., стр. 15.

ляет для современных городов основной вопрос их существования и развития, и поэтому его следует осветить по возможности всесторонне и ярко. Так как мировой населенный центр обладает наибольшим количеством способов привлекать прибавочную стоимость, то мы и должны остановиться именно на нем, для выяснения поставленного вопроса. Ясно, что соответствующую картину для более мелких городов можно будет получить путем простого сокращения упомянутых способов, в зависимости от особенностей каждого индивидуального случая.

Современный мировой город имеет в своем распоряжении следующие важнейшие способы создать и привлечь прибавочную стоимость:

1) Труд фабрично-заводских и мануфактурных рабочих. Выработанная рабочими прибавочная стоимость переходит к капиталистам как прибыль промышленного капитала. Расходуется большая часть этой стоимости в самом мировом городе (на потребление капиталистов и на орудия производства) и лишь отчасти уходит из города при продаже фабричной продукции иногородным купцам. [1]

2) Труд ремесленников. Незначительная прибавочная стоимость остается в руках этих последних и целиком расходуется в городе, поскольку она не поглощается налогами, прямыми и косвенными.

3) Труд строительных рабочих. Прибавочная стоимость также остается в городе, переходя в ценность городских построек.

4) Деятельность торговых посредников. Закупая жизненные продукты и сырье вне города, купцы полученную ими прибавочную стоимость (разницу между местной оптовой ценой и рыночной ценой в городе) реализуют в последнем и в городе же расходуют полученную торговую прибыль. Магазинная торговля также является средством привлечения прибавочной стоимости извне, поскольку товары продаются приезжим из других городов и деревень.

5) Деятельность колониальных коммерсантов. Колониальная политика государств позволяет мировому центру особенно выгодно закупать сырье в колониях, реализуя в городе обильную прибавочную стоимость.

6) Деятельность банков и других кредитных учреждений. Кредитный процент, получаемый от иногородных клиентов, накапливается в руках акционеров, облигационеров и других денежных капиталистов и расходуется в мировом центре, как резиденции денежной аристократии.

7) Деятельность государственных сановников, чиновников и агентов. Государство внеэкономическим методом, т. е. посредством налогов, привлекает прибавочную стоимость со всей страны (в том числе и колоний) и расходует ее в мировом центре на жалованье своим многочисленным служащим, имеющим в нем свою основную резиденцию, причем расходует больше, чем оно посредством тех же налогов берет из города.

---

[1] По учению К. Маркса, промышленный капиталист делится получаемой прибавочной стоимостью с торговым капиталистом, продавая ему обработанный товар дешевле рыночных цен, так как иначе первому пришлось бы содержать собственный аппарат обмена и распределения.

8) Рента городских земель. Эту ренту, непрерывно возрастающую, а равно незаслуженный прирост ценности (капитализированную ренту) [1] получают городские землевладельцы и домовладельцы, расходующие ее в том же городе.

9) Правительственные субсидии (дотации, субвенции и т. п.). Прибавочная стоимость, полученная государством налоговым путем, непосредственно расходуется на коммунальное хозяйство города.

10) Земельная рента деревни. Она расходуется путешественниками во время городского сезона, приезжими помещиками, проводящими зиму в мировом городе, и т. д.

Пункты пятый, шестой, седьмой и десятый естественно наводят на мысль об экономической эксплуатации деревни городом. Этот вопрос, специально разработанный Каутским [2] и затем В. И. Лениным, [3] принадлежит к числу спорных в экономической литературе. Одни (С. Булгаков, [4] Э. Бернштейн) отрицали упомянутую эксплуатацию, указывая на эквивалентность взаимных услуг города и деревни, а также на громадное значение города как рынка для сельского хозяйства и на его роль в деле преобразования и рационализации земледелия. Другие (Каутский, Ленин) усматривали эту эксплуатацию в факте отлива ценностей из деревень в города без эквивалента. Сказанный отлив происходит в следующих формах: 1) по мере развития товарного обращения между городом и деревней примитивное, тайное ростовщичество вытесняется особыми учреждениями, имеющими свое местопребывание в городе или заимствующими свои капиталы у городских капиталистов, а именно банками, ипотечными и другими, и кредитными товариществами, которые взыскивают с деревни процентную дань за предоставление необходимого ей сельскохозяйственного кредита; [5] 2) по мере роста земельной ренты, крупные имения сдаются арендаторам, или поручаются наемным лицам, а рента расходуется в крупном потребительном центре, т. е. в городе; 3) деревня уплачивает казне поземельные налоги и сборы, которые в большей степени расходуются не на деревенские, а на городские нужды. [6] Параллельно с объясненной экономической эксплуатацией, по мнению Каутского, происходит и материально-агрономическая эксплуатация, «так как усиленный отлив из деревни жизненных средств (хотя бы и за эквивалент) сопровождается обеднением земли питательными веществами, причем прогресс земледельческой техники, далеко не вознаграждая этой потери, ведет к прогрессирующему улучшению методов высасывания из земли соков». Наконец, момент эксплуатации

---

[1] Явление незаслуженного прироста ценности городских владений будет нами рассмотрено особо во второй части настоящего курса.

[2] Kautski, Agrarfrage, S. 199 — 292.

[3] Ленин, Капитализм в сельском хозяйстве, журнал «Жизнь», янв., февр. 1900 г.

[4] С. Булгаков, К вопросу о капиталистической эволюции земледелия, журн. «Начало», № 1 — 2, 1899.

[5] Kautski, цит. соч., S. 210.

[6] Там же, S. 211.

заключается в искусственно вздутых ценах на городскую продукцию вследствие политики протекционизма.

Едва ли, однако, можно сомневаться в том, что этот антагонизм между городом и деревней, вызываемый эксплуатацией последней, есть лишь факт определенной экономической политики капиталистических государств,[1] а не является «неизбежным по самой природе дела», как утверждал Дюринг, впоследствии опровергнутый В. И. Лениным. Действительно, первая форма эксплуатации может быть ликвидирована широким развитием кредитной кооперации, вторая форма — национализацией земли, третья форма — усиленным обложением городского капитала и обращением государственных расходов на деревенские нужды. Наконец, цены на городскую продукцию могут быть регулированы государственной властью путем весьма разнообразных мер, свидетелями которых мы были в 1924/25 г. при борьбе с «ножницами». Спорной остается агрономическая «эксплуатация», поскольку техническая интенсификация сельского хозяйства сопровождается не обеднением, а обогащением деревни и поскольку развитие земледельческой техники ведет не только к обеднению земли питательными веществами, но одновременно и к искусственному удобрению земли.

С другой стороны, нельзя допускать и недооценки экономической и культурной роли города в его положительном влиянии на сельское хозяйство и благосостояние крестьянина. По словам А. И. Рыкова, «крестьянин своими силами, без помощи города, фабрики, завода, рабочего — не сможет выйти из своей нужды, невежества, неграмотности, бедности».[2]

Действительно: 1) город предъявляет усиленный, равномерный и массовый спрос на продукцию сельского хозяйства и тем не только обеспечивает сбыт излишков этой продукции, но и повышает цены на нее, повышение же упомянутых цен дозволяет интенсифицировать сельское хозяйство, рационализировать и индустриализировать его; 2) город повышает товарность сельского хозяйства, выводя деревню из дикого и косного состояния натурального хозяйства и ликвидируя пережитки последнего; 3) город доставляет в деревню свою продукцию, более разнообразную, высшего качества и, как правило, более дешевую, чем кустарная продукция деревни,

---

[1] В государствах, где господствующим классом является не буржуазия, а поземельная аристократия (дворяне-землевладельцы), каким была дореволюционная Россия, наблюдаются признаки и обратной эксплуатации, т. е. города деревней. Известно, как настойчиво и как безуспешно домогались русские города выделения из земств, которые, ограничиваясь ничтожным обложением сельской земли, облагали подчас непосильным сбором городские недвижимые имущества, особенно небольших городов. Ясно, что это было выгодно помещикам, в руках которых находилось значительное количество внегородской земли.

[2] Рыков, На переломе, стр. 27 — 29. Цитированные слова особенно справедливы для государства переходного времени, когда принимаются все меры к недопущению эксплуатации деревни городом, хотя объективный учет результатов этих мер не допускает признания, что таковая эксплуатация в СССР уже ликвидирована, ибо в соотношениях цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию должного равновесия еще нет.

так как при фабричной технике с ее повышенной продуктивностью требуется для производства тех же товаров меньше общественно-необходимого труда — этого единственного источника ценности товаров; 4) город снабжает деревню усовершенствованными орудиями сельскохозяйственного производства — тракторами, электрическими и паровыми плугами и молотилками, сеялками, жатками и т. п.; 5) город как средоточие энергетики, просвещения и интеллектуальной культуры является проводником в деревню этой последней, а именно он воспитывает и посылает в деревню агрономов, землемеров, врачей, ветеринаров, учителей, лекторов, администраторов и т. д.; 6) город, как это было подробно выяснено выше, поглощает избыточное население деревни.

В результате проведенного анализа, мы считаем, что теоретическая сторона вопроса об экономических взаимоотношениях города и деревни, по крайней мере в масштабе настоящего курса, достаточно выяснена. Резюмируя сказанное, мы должны признать, что подвести баланс экономическим плюсам и минусам города и деревни, как двум типичным представителям общественного разделения труда, противостоящим друг другу, едва ли возможно.

В общем и целом ясно, что при капитализме город имеет п р и м а т над деревней; он экономически сильнее деревни, господствует над ней и подчиняет ее своей эксплуатации, причем в корне изменяет сельские экономические отношения. Общие противоречия капитализма, вместе с принципом эксплуатации, отчетливо выступают в стихийном взаимодействии этих двух социальных систем, объективно необходимых при данном хозяйственном строе. Переходная эпоха впервые провозглашает принцип с м ы ч к и г о р о д а с д е р е в н е й, но гармонический синтез между ними, как мы увидим ниже, есть дело будущего.

2. РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА, ГОРОДСКАЯ РЕНТА И РОСТ ПОТРЕБНОСТЕЙ В ГОРОДЕ.

Третьим основным экономическим признаком города является и н т е н с и в н о е р а з д е л е н и е т р у д а самодеятельных городских жителей, которое некоторыми урбанистами выдвигается даже в виде дефиниционного признака города. Эта особенность последнего уже была нами отмечена в предыдущей главе, как одно из естественных проявлений социальной дифференциации.

По общему правилу, которое знает, однако, много исключений, интенсивность разделения труда в городе прямо пропорциональна его величине и достигает своего максимума в мировом городе. Явление это вполне понятно, так как 1) в большом городе рафинированные потребности господствующего класса вызывают спрос на самые разнообразные специальные услуги, 2) в крупном индустриальном центре сосредоточено наибольшее количество различных производств весьма сложного типа — фабричных, заводских, мануфактурных, с далеко идущим техническим разделением труда, 3) самое увеличение объема и плотности городских обществ способствует прогрессу специализации.

Вопрос о разделении труда (между прочим и в городах) теоретически очень полно разработан Эмилем Дюркгеймом,[1] заимствовавшим, впрочем, некоторые из своих положений у Огюста Конта.[2] По утверждению Дюркгейма, «разделение труда развивается прямо пропорционально объему и плотности обществ, и если оно прогрессирует непрерывно в течение социального развития, то потому, что общества становятся постоянно плотнее и вообще объемистее»,[3] и далее: «Всякое уплотнение социальной массы, особенно если оно сопровождается приращением населения, необходимо вызывает прогресс разделения труда». Имея в виду, что из всех современных социальных образований город дает особенно энергичный рост объема и плотности населения, понятно, что прогрессирующее разделение труда им сопутствует. Несомненно, что более или менее успешное сожительство многих миллионов людей на сравнительно ограниченной территории было бы вообще невозможно без их сложного сотрудничества, т. е. применения максимальной специализации, смягчающей или даже вовсе устраняющей профессиональную конкуренцию. Значительная плотность городского населения не препятствует тому, что город вообще богаче деревни с ее ничтожным разделением труда и что крупнейший и населеннейший рабочий центр богаче среднего, а тем более мелкого города, причем интенсивная специализация профессий играет первостепенную роль в объяснении этого явления. Здесь имеется нечто аналогичное с дифференциацией занятий и потребления в животном мире. «На дубе, — говорит Дарвин,[4] — находят до 200 видов насекомых, живущих друг с другом в полном согласии: одни питаются плодами дерева, другие — листьями, третьи — корой и корнями». По мнению Дюркгейма, люди подвержены тому же закону: «в одном и том же городе различные профессии могут сосуществовать, не будучи вынуждены вредить друг другу, так как они преследуют разные цели».

Экономические последствия, вызываемые интенсивным разделением труда в большом городе, очень многочисленны, но мы лишь приведем важнейшее из них. Огромная техническая специализация вызывает значительную производительность труда, а эта продуктивность позволяет крупному центру производить товары дешевле, чем в менее крупных городах, и предоставляет первому более выгодную хозяйственную позицию. Стоя на этой позиции, мировой город сравнительно легко побивает своих соперников в борьбе за существование.

Четвертым существенным экономическим признаком современного капиталистического города[5] является непрерывный и значитель-

---

[1] Em. Durkheim, La division du travail social, есть и русский перевод П. Юшкевича: О разделении общественного труда, Одесса, 1900 г. (классическое сочинение).

[2] Cours, IV, p. 455.

[3] Durkheim, цит. соч., стр. 209.

[4] «Происхождение видов».

[5] В советском городе, благодаря муниципализации и национализации большинства частных городских домов и построек, городская рента, как нетрудовой доход, играет лишь незначительную роль в частном хозяйстве, но в виду ее обложения интересна для коммунального хозяйства, о чем речь пойдет ниже.

ный рост городской ренты или ренты городских земель. Это явление имеет первостепенное значение как в частном, так и в муниципальном хозяйстве: с городской рентой тесно связаны городские финансы, экономическое положение городских домовладельцев и землевладельцев, земельная политика, жилищный вопрос, земельная спекуляция, планировка городов, объем незаселенных пространств в городах, направление и характер средств путей сообщения. Поэтому на упомянутом вопросе надлежит остановиться подробнее.

К сожалению, проблема городской ренты составляет один из менее всего разработанных отделов политической экономии, в чем она вполне разделяет судьбу других урбанистических вопросов. У теоретика земельной ренты Рикардо мы не встречаем почти никаких упоминаний о сказанном специальном виде ренты, и это вполне понятно, так как рассматриваемая проблема стала на очереди актуальных проблем лишь во второй половине прошлого столетия, вместе с ростом и уплотнением современных городов. У Карла Маркса мы встречаем лишь правильное утверждение, что рента получается не только с сельскохозяйственных земель, но также и с земель, служащих для застройки и жилища, а равно указание на разницу между земельной и городской рентой: первая исходит из того, что за продукты земли получаются, при неодинаковых издержках, одинаковые цены, теория же городской ренты, наоборот, из того, что при одинаковых издержках получаются неодинаковые цены. Из наших современников наиболее тщательно разработали данную тему Конрад,[1] Фойхт[2] и особенно Визер.[3] Игнорируя субъективные уклоны последних авторов, мы постараемся изложить дело объективно.

Нет никакого сомнения в том, что городская рента по существу аналогична с рентой сельскохозяйственной. Это нетрудовой доход, получаемый от пользования землей под жилыми, хозяйственными или деловыми зданиями и постройками, т. е. обслуживающими какие-либо кредитные, страховые или административные учреждения. Если мы вычтем из общего дохода дома часть, падающую на приносимую им прибыль (нормальный годовой процент со стоимости самой постройки), то получим городскую ренту с земельного участка под этой постройкой. Упомянутая рента, подобно сельскохозяйственной ренте, носит дифференциальный, т. е. разностный, характер, в зависимости от местоположения и интенсивности застройки, что вполне соответствует сельскохозяйственной ренте № 1 и № 2. Ясно только, что рента № 1 будет в данном случае иметь лишь один вид (рента по расстоянию от центра), а сельскохозяйственная рента «по плодородию» не может иметь в городе соответствующего эквивалента, кроме незначительных разниц в свойствах и удобствах почвы, служащей для застройки.

Наибольшее значение для городов имеет городская рента № 1 (по расстоянию). Чтобы усвоить ее, удобнее всего двигаться от низ-

---

[1] J. Conrad, Grundriss. S. 31 и след.
[2] P. Voigt, Grundrente und Wohnungsfrage in Berlin.
[3] Fr. v. Wieser, Die Theorie der städtischen Grundrente.

кой величины сказанной ренты к более и более высоким. Городская рента № 1 возникает тогда, когда застройка земли (напр., на окраинах) оказывается выгоднее, чем ее сельскохозяйственная эксплуатация. От этой естественной низшей нормы, вытекающей из принципа рентабельности, будут подниматься дальнейшие ступени городской ренты, соответственно удобствам и выгодам расположения участков под застройкой. По общему правилу, чем ближе расположены земельные участки к центральным частям города, а именно к его деловым и торговым кварталам, тем выше будет рента по расстоянию, так как рентабельность дома прямо зависит от квартирных цен, последние же зависят от спроса, а спрос на жилые помещения, расположенные поблизости от центра города, конечно, выше, чем на более отдаленные квартиры. Городская рента в торговых и центральных кварталах современного большого города часто настолько высока, что частным квартирантам не под силу покрывать ее, и дома в таких кварталах почти сплошь отдаются под доходные предприятия или торговые помещения, для которых, с одной стороны, центральное расположение экономически необходимо, а с другой — и самые высокие квартирные платы доступны.

Проведение усовершенствованных и притом дешевых путей сообщения (трамваи, метрополитены) может сильно видоизменить действие изложенной простой схемы, так как удобство расположения квартиры, оказавшейся, напр., у места остановки трамвая, сильно повышается. Отсюда — экономическая важность того или иного направления городских путей сообщения и вообще их максимального развития, — вопрос, который будет нами подробно рассмотрен в «специальном курсе» (по транспортному отделу).

Как известно, цена на земельный участок равна капитализированной ренте. Отсюда — необычайная высота цен на городские земельные участки, расположенные в центре больших городов. Напр., В. Зомбарт, ссылаясь на работу Курелля,[1] утверждает, что Society Building купило в центре Нью-Йорка участок в 9 800 *кв. м* по цене 12 480 марок за кв. метр (!).

Тот же Зомбарт дает, на примере Берна, следующую наглядную иллюстрацию изменения цен на городские участки в зависимости от расстояния от центра города или путей сообщения.[2]

При среднем расстоянии от вокзала:	Средняя цена кв. метра
1 400 метров (сельскохозяйственный пояс)	5,5 франков
1 100 „	9,0 „
800 „	11,9 „
400 „	27,5 „
250 „	40 „
150 „	107 „
100 „	109,8 „
400 „ (в сити)	160 „

[1] H. Kurrel, Wohnungsnot und Wohnungsjammer, S. 64 (цитировано по Зомбарту).

[2] В. Зомбарт, цит. соч., стр. 204.

Дифференциальная рента № 1 по расстоянию выступает здесь весьма рельефно.

На ряду с рентой № 1, городская рента, подобно ренте сельскохозяйственной, имеет и другую форму, а именно № 2, которую немецкие экономисты называют рентой по интенсивности застройки (Intensitätrente). При помощи соответствующего капитала можно строить теснее, выше, богаче (горизонтальная, вертикальная, качественная интенсивность). Останавливаясь на самой важной для теории — вертикальной интенсивности, мы укажем, что нижние этажи ценятся больше верхних и что поэтому каждый лишний этаж дает предпринимателю все меньший доход. Наконец, наступает предел, при котором затрата на лишний этаж оказывается экономически невыгодной. Здесь имеется явление, аналогичное с законом падающий производительности затрат в сельском хозяйстве (Gesetz des abnehmenden Stockwerkertrages). По замечанию Визера, город таким образом имеет свою окраину с дешевыми помещениями не только в горизонтальном, но и в вертикальном направлении.[1] Нельзя не отметить, впрочем, что вертикальные пути сообщения (лифты) сильно изменили действие этого «закона», сведя его на-нет в Соединенных штатах, где дешевые лифты и богатое оборудование ими позволяют заниматься на высоте небоскребов.[2]

Весьма любопытны и важны данные многочисленных монографий,[3] указывающие на перманентный и значительный рост городской ренты, а соответственно и цен на городскую землю в течение всего XIX столетия и вплоть до нашего времени. Развитие городских путей сообщения, смягчив это явление, не могло приостановить его. Громадный наплыв населения в города, политика муниципалитетов, благоприятствующая благоустройству буржуазных кварталов, требования торговой рекламы, необычайный расцвет урбанистической роскоши и концентрация капиталов в руках людей и учреждений, готовых на всякие материальные жертвы ради наслаждений, комфорта или деловых соображений, — одним словом, вся конъюнктура капитализма способствовала упомянутому росту городской ренты, который незаслуженно обогатил широкие группы городских домовладельцев и землевладельцев, выдвинув их в первые и влиятельные ряды буржуазии. Особое внимание следует обратить на исключительную рентабельность ночлежных домов и колоссальных домов-трущоб, в роде нашей бывшей Вяземской лавры в Петербурге, которые ускользают от действия законов конкуренции и имеют как бы монополию на «приют» сотен тысяч беднейшего, бездомного, полуголодного населения мировых городов, вынужденного искать себе пристанища и тратящего свои последние гроши на грязные пары, углы, мансарды, которые в общей сложности

---

[1] В. Зомбарт, стр. 6 — 21; ср. В. Я. Железнов, цит. соч., стр. 1132.

[2] Этот пример лишний раз доказывает, как правы те марксистские писатели, которые признавали за законом падающей производительности затрат не строго экономическое, а лишь техническое значение, и всецело ставили его в зависимость от развития техники.

[3] Barthold, Koch, Kollman, Hasse, M. Conrad, Kozak, Schwarz, Price-Williams.

дают собственникам таких трущоб и земельных участков под ними очень высокую ренту.[1] Наконец, н а и в ы с ш у ю ренту дают игорные дома и дома разврата, превращая их владельцев в самых богатых, т. е. «уважаемых», людей.

Приводим несколько цифр, иллюстрирующих сказанный рост городской ренты во второй половине XIX в., когда происходил особенно интенсивный рост городов, а городские пути сообщения еще были сравнительно слабо развиты.

В Б е р л и н е н а о д н о г о ж и т е л я п р и х о д и л о с ь:

	Квартирная плата (в талерах)	Стоимость зданий
В 1830 году	19,34	368,8
„ 1840 „	19,16	383.2
„ 1850 „	19,68	393,6
„ 1860 „	27,85	557,0
„ 1870 „	33,71	674,2
„ 1872 „	35,90	718,2

Сильнее возрастала цена помещений, занятых промышленными предприятиями: она составляла, напр., в Лейпциге за каждую отапливаемую комнату, в 1880 г.—179,37 марки, а в 1885 г.—314,59 марки в среднем.

Еще быстрее росли цены на помещения, сдаваемые под лавки и кустарные промыслы. В В е н е о д н о з д а н и е с д а в а л о с ь под столярное заведение:

В 1810 году	за 75	флоринов
„ 1850 „	„ 300	„
„ 1859 „	„ 1 200	„
„ 1862 „	„ 1 800	„

В П р а г е д в и ж е н и е з е м е л ь н ы х ц е н за последние десятилетия выражается так:

К в а д р а т н ы й м е т р с т о и л г у л ь д е н о в:

Периоды	На главных улицах	На второстепенных улицах
1875 — 1879	37 50	23,50
1880 — 1884	42	24
1885 — 1889	50	27
1890 — 1894	75	39
1895 — 1900	113	56

[1] Ср. А. А. И с а е в, Начала политической экономии, Спб., 1908, стр. 349—350.

В конце XVIII в. Париж включал в себя 26 000 домов стоимостью по 39 800 фр. каждый, а всего 1 034 800 000 франков, при цене 28 франков за кв. метр незастроенной земли, а в 1900 г. — 83 000 домов стоимостью по 130 000 каждый, а всего 10 790 000 000 франков, при цене 130 франков за кв. метр.

Однако указанный рост городской ренты далеко неравномерен в различных странах. Слабее всего он выражается в Англии, где до войны квадратный метр земли в больших городах стоил в среднем 5 — 6 немецких марок (в Лондоне 8 — 10 марок); дороже городская земля во Франции, Италии и русских дореволюционных столицах, еще дороже в Германии (в Гамбурге, Мюнхене, Лейпциге — 40 — 60 марок и в Берлине 80 — 100 марок), [1] и, наконец, наивысшие цены относятся к большим городам Сев. Америки.

Нет сомнения, что именно это повышение цен на городские участки стимулирует многоэтажность домов, а именно постройку многоэтажных казарм, небоскребов, домов-сигар и прочих уродливых и негигиенических произведений архитектуры, которыми «славятся» большие города Соединенных штатов, в более слабой степени Германии, затем — Франции, Италии, России и, наконец, слабее всего — Бельгии и особенно Англии, вообще избегающей многоэтажности. Одним словом, высокая городская рента экономически препятствует горизонтальной интенсивности застройки и гонит дома ввысь. Таким образом чисто внешний признак города всецело обусловлен экономическим законом.

Остается невыясненным интересный вопрос, впервые поставленный в урбанистической литературе Д. Д. Протопоповым: [2] почему в Англии и Бельгии — странах с наиболее развитым капитализмом и с величайшей городской концентрацией — городская рента сравнительно низка, а именно в десять раз дешевле, чем в Германии, и почему в самой Германии наиболее промышленные и торговые ее области — район Рура и Северно-западный район (Бремен, Аахен и другие города) — отличаются сравнительно малой высотой городских зданий и просторным расположением городов, а наименее промышленная часть той же Германии — ее восток и центр — застроены особенно высокими и тесно расположенными домами? То же недоумение вызывают и Соединенные штаты, где общая плотность городского населения очень невелика, несмотря на высокую земельную ренту, и только в деловых кварталах строятся небоскребы. Становится ясным, что экономические явления в городах гораздо сложнее, чем они кажутся на первый взгляд, и требуют не столько априорных логических, т. е. чисто дедуктивных, построений, сколько строго эмпирического индуктивного метода исследования, а именно предварительного анализа многих конкретных случаев, которые затем приводят к обобщениям. Сам Д. Д. Протопопов остроумно объясняет недоуменные вопросы, вызванные весьма капризной и мало исследо-

---

[1] Цифры взяты из «Лекций по жилищному вопросу» Д. Д. Протопопова см. главу Земельная спекуляция), Спб., 1926.

[2] Там же, стр. 1 — 13.

ванной городской рентой, земельной спекуляцией, которая особенно процветает в Германии, где она поставлена почти научным образом. «Целью объединенного финансового капитала, — говорит названный специалист, — является вовсе не создание жилищ, а тем менее жилищ, удовлетворяющих потребности широких масс населения, а спекуляция землей, быстрое создание крупных состояний и образование новых капиталов как результат спекулятивной работы с землей».

Тем же автором приводятся многочисленные примеры хитроумнейших спекулятивных манипуляций, посредством которых земля, приобретаемая дешево и в большом количестве у немецких крестьян вблизи городов (причем крестьянин, вчерашний производитель ценностей, сам вовлекается в спекуляцию и превращается в паразита), выдерживается без застройки для увеличения спроса и продается затем в розницу по отдельным участкам, на которых строятся там и сям многоэтажные здания, имеющие рекламный характер и повышающие ренту на соседние участки. В результате становится ясным, что изложенная отвратительная спекуляция на острой массовой жилищной нужде сотен тысяч беднейших городских иммигрантов может быть прекращена лишь национализацией земли. Действительно, в советских городах мы не находим никаких следов такой спекуляции.

Пятый и последний из существенных экономических признаков городов, имеющих первостепенное влияние как на частную жизнь населения, так и на муниципальное хозяйство, относится к области потребления. Город умножает потребности своих жителей и увеличивает интенсивность этих потребностей пропорционально своей величине и экономической мощности. Общий стандарт жизни горожанина в среднем выше, чем деревенского жителя, и это обстоятельство раньше всего сказывается 1) на заработной плате в городах, 2) на распределении производимых товаров в народном хозяйстве и 3) на сумме уплачиваемых государству косвенных налогов, не говоря уже о громадном культурном значении данного признака. Происхождение этого последнего весьма понятно. Город вообще, и особенно большой город, сосредоточивающий в своих стенах наилучшую технику производства, все средства широкой рекламы, квалифицированных работников, могущих оказывать самые разнообразные услуги в десятках тысяч областей, товары со всего мира и сравнительно значительный процент богатой буржуазии, для которой рафинированное потребление вполне доступно, естественно аккумулирует соблазны, развивает человеческие капризы, желания, страсти и, обладая перманентной возможностью их удовлетворять, создает все новые привычки, обращающие желания в постоянные потребности. К сожалению, в экономической литературе по урбанизму, исходящей почти исключительно от буржуазного класса (в виду почти полного отсутствия таковой литературы в СССР), слишком редко обращается внимание на тот факт, что удовлетворение рафинированных потребностей одного класса горожан совершается за счет насущных потребностей другого и притом более многочисленного.

Экономическое положение городского пролетариата в Западной Европе (особенно во Франции) вообще хуже, чем положение крестьянина, который, как собственник земли и орудий производства, получает не только плату за свой труд, но также и земельную ренту, и прибыль. Правда, в стране с низкой техникой сельского хозяйства, крестьянским бесправием, малоземельем и аграрным перенаселением, как, напр., в дореволюционной России, что твердо установил В. И. Ленин и подтверждали многие специалисты по сельскохозяйственной экономии, благосостояние крестьянина было едва ли не хуже, чем благосостояние пролетария, так как земельная рента первого оказывалась чисто фиктивной и служила лишь страховой премией за неурожайные годы, причем общий заработок крестьянина у нас был часто еще ниже, чем норма платы за наемный труд.

Затронутая проблема еще ждет своей научной разработки, как и многие другие урбанистические проблемы. Современная статистика дает нам лишь средние цифры городского и сельского потребления: за границей — вследствие нежелания расчленять положение двух классов горожан, а в СССР — в виду дефектов этой статистики и трудности уловить уровень потребления у различных групп, анонимно покупающих товары. Лишь массовое обследование анкетным порядком личных бюджетов в городских и крестьянских хозяйствах может дать желаемые результаты.[1]

Следуя принятому нами методу изложения, проиллюстрируем вопрос о городском и сельском потреблении цифрами, взятыми из русской дореволюционной и современной действительности.

Проф. И. Х. Озеров[2] приводит следующие данные, относящиеся к 1900 г.: в восточных губерниях России потребление спирта в городах составляло 1,38 ведра на душу, а в уездах — 0,38 ведра; в приволжском районе: в городах — 1,09, а в уездах — 0,26. Таковы же данные о потреблении керосина: в городах на одного жителя — 2 пуда 9 фунтов в год, а на одного сельского жителя — 4,89 фунта. По исчислению В. И. Покровского, чаю в городах потреблялось от 2 до 3 фунтов на душу, а в деревне — от 0,38 до 0,08 фунта; сахара в Петербурге — 72 фунта, в городах вообще — 32,5 фунта, а в деревне — 6 фунтов. Приведенные данные свидетельствуют о значительном превышении до революции благосостояния городских жителей сравнительно с деревенскими. Даже хлебные, т. е. чисто сельские продукты, деревня потребляла в меньшем количестве, чем города (потребляющая полоса — 14,71 пуда на душу в год, производящая полоса — 16,99 пуда, а города — 18 пудов).

В годы гражданской войны и военного коммунизма (особенно же в голодный год) питание городского населения резко падает, повышаясь затем в годы нэпа, на что указывает следующая таблица:

---

[1] Начиная с 1926 г., необходимость массового и притом научного обследования бюджетов в городских и крестьянских хозяйствах СССР, повидимому, признана, так как на местах энергично приступили к соответствующей работе.

[2] Цит. соч., стр. 144.

Потребление хлебных продуктов (пудов на душу в год). [1]

Время	Деревня		Город
	потребляющая полосса	производящая полосса	
1918/19	—	—	9,35
1919/20	11,37	16,25	11,62
1920/21	11,89	11,34	9,82
1921/22	11,38	8,23	10,27
1922/23	14,47	16,80	13,13
1923/24	15,65	17,38	12,82

О потреблении всех товаров за последние годы в СССР дает представление следующая таблица, [2] касающаяся земледельческого (сельского) и неземледельческого (городского) населения.

Покупка товаров населением СССР (в миллионах черв. руб.).

Годы	Земледельческое	Неземледельческое
1923/24	3 693	3 835
1924/25	5 053	4 988
1925/56	6 281	6 935
1926/27	6 789	7 623

Если мы возьмем покупку один промышленных товаров, то земледельческое население в 1925/26 г. купило их на сумму 3 325 тысяч рублей, а неземледельческое на 3 101 тыс. рублей. Принимая во внимание соотношения численности земледельческого и неземледельческого населения СССР, мы придем к выводу, что общее потребление городских жителей попрежнему значительно превышает потребление сельского населения. Этот вывод подтверждается еще рельефнее данными о поступлении акцизов в государственную казну за 1924/25 г. по важнейшим предметам потребления (кроме хлебных продуктов, не облагаемых акцизами), а именно текстилю, сахару, соли, спичкам, нефтепродуктам, табачным изделиям, чаю, кофе, пиву, галошам, свечам и т. п. Душевая тяжесть обложения деревенского населения Союза составила 1 р. 11,8 коп., рабочего населения 6 р. 02 к., прочего город-

[1] Народное хозяйство Союза ССР в цифрах, М., 1925 г., стр. 329 и 336.
[2] Контрольные цифры народного хозяйства на 1926/27 г., М., изд. «Планов. Хоз.», стр. 132 — 133 (приводятся обработанные нами цифры).

ского населения — 24 р. 17,1 коп. Покупательная сила города оказывается во много раз выше, чем деревни. [1]

Что касается, наконец, тех потребностей населения, которые удовлетворяются деятельностью муниципального хозяйства в областях санитарной, продовольственной, жилищной, транспортной, внешнего благоустройства и т. п., то мы рассмотрим их в соответствующих отделах специального курса.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

О ЗАКОНАХ УРБАНИЗМА (ГРАДОВЕДЕНИЯ)

Высшая и последняя задача всякой законченной номографической дисциплины заключается в раскрытии общих закономерностей в соответствующей группе явлений, т. е. тех постоянств, повторяемостей и единообразий, — одним словом, того п о р я д к а в сосуществовании или чередовании явлений, [2] усвоение которого позволяет не только знать, но и предвидеть. [3] Научное предвидение, в свою очередь, позволяет до некоторой степени у п р а в л я т ь событиями.

Нет сомнения в том, что теория урбанизма, составляя по существу выделившиеся и углубленные в известном направлении ч а с т и как социологии, так и политической экономии, т. е. двух номографических, или номотетических, [4] наук, должна ставить себе задачей раскрытие и формулирование научных законов в своей области. Тем не менее мы нигде не встречаем соответствующих, сколько-нибудь систематических и удачных попыток, за исключением сепаратно формулированных «законов» в отдельных отраслях урбанизма, как-то: законы Ф а р р а, М э р и о, Ш в а б е, Ш и м п ф а и другие.

Как известно, социальные законы вообще не имеют того точного характера, который бы позволил вскрывать и отображать их при помощи математического анализа [5] или даже аритмологии (т. е. скачко-

---

[1] М. Б у б н о в, О тяжести обложения населения СССР, журн. «Планов. Хоз.», № 10, 1926 г., стр. 110).

[2] Научный, или каузальный, закон определяется в науке как «постоянство в соотношениях между явлениями» (П а с т е р), как «общее понятие, коим охватывается ряд однообразно протекающих явлений» (Г е л ь м г о л ь ц), как «формула единообразной связи явлений» (Н. Д. К о н д р а т ь е в), как «правильно повторяющиеся отношения между явлениями» (А. И. Ч у п р о в), как выражение «равномерного повторения причинно связанных явлений» (Н е й м а н), или «повторяющейся череды восприятий» (О с т и н), или «последовательности явлений, точно установленной и определенной численно» (Ш м о л л е р), или «элементарного постоянного образа действия сил» (Р ю м е л и н).

[3] Savoir pour prevoir; prévoir pour pouvoir! (Aug. C o m p t e, Cours de philosophie positive, 5 ed., P., t. IV). Этот старый лозунг Огюста К о н т а, развитый затем П р у д о н о м, К. М а р к с о м, П у а н к а р э, П л е х а н о в ы м и др., остается и сейчас связующим, д е й с т в е н н ы м звеном между теорией и практикой во всех сферах науки и жизни.

[4] Под номографической, или номотетической, наукой подразумевается (от греческого слова «номос», т. е. закон) такая теоретическая и абстрактная дисциплина, которая ставит себе задачей раскрытие общих закономерностей.

[5] В явлениях природы, систематизированных применением математического анализа, усматриваются следующие свойства вытекающих из свойств непрерывных аналитических функций: а) непрерывность явлений, б) постоянство и неизменность

образных функций).[1] Общественная закономерность основана на законе большого числа и может быть измерена только статистическим методом. Как указывал еще Фридрих Энгельс, в общественном порядке мы находим почти исключительно «тенденции», а не точные законы в естественноисторическом смысле этого слова, по крайней мере при современном состоянии гуманитарного знания. Однако и эти наблюдаемые тенденции, при их правильном истолковании и цифровом освещении, дают богатый материал для предвидения и управления событиями. В области урбанизма, напр., мы уже ставили вопрос о том, какие именно населенные пункты превращаются в города, в каком направлении и почему растут и развиваются или, наоборот, падают данные группы городов. Для практического коммунального работника, для городского хозяина — эти вопросы, которые могут быть разрешаемы не иначе, как при помощи усвоенных ими закономерностей, имеют первостепенное значение, так как от того или иного их разрешения зависят все его расчеты, весь его план действий. Если теория урбанизма, с ее конечной законообразующей целью, для стихийно живущих капиталистических городов имеет в значительной степени лишь отвлеченно академический интерес, то для советского деятеля, стремящегося к планированию, только систематическое знание закономерностей той стихии, которую он стремится отчасти преодолеть своей сознательной волей, а отчасти приспособить к осуществлению своих задач, может давать надежду на успех,

В нашем распоряжении, конечно, имеется слишком недостаточно ориентировочных данных, времени и места, чтобы самостоятельно собирать плоды с еще не вспаханного поля, но думается, что уже пройденное до сих пор позволит нам, отчасти повторив сказанное в ином освещении и отчасти углубив материал, наметить, в самом сжатом очерке, вехи для дальнейшей разработки поставленного вопроса.

Прежде всего следует заметить, что всеобщих законов урбанизма, годных для всех стран и эпох, нет и быть не может. Все отвлеченно-социологические попытки, сделанные до сих пор (Левассером, Мэрио, Максимом Ковалевским, отчасти Гумпловичем), найти закон сгущения населения для обоснования сущности универсального «города», привели к неудачам или, точнее, к общим бессодержательным местам, тем более, что самые города, как мы видели, в разные эпохи имели несходные существенные признаки, совпадая между собой лишь в идентичности термина. Город каждой

их законов, в) возможность оценивать явление по его элементарным обнаружениям, г) возможность складывать элементарные явления в одно целое, д) возможность точно и определенно обрисовать явление для прошлых и будущих моментов времени. Ясно, что социальные явления не могут быть систематизированы на основе математического анализа.

[1] Проф. В. Г. Алексеев, Математика как основание критики научно-философского мировоззрения, Юрьев, 1904, стр. 13 — 27. К аритмологическим теориям принадлежат в химии атомистическая структурная теория Кекуле-Бутлерова, закон Дальтона о кратных отношениях, теория фаз Джиббса, периодическая система Менделеева, в биологии — мутационная теория де-Фриза и теория гетерогенезиса академика Коржинского.

эпохи — подчеркнем это еще раз — есть своеобразное социальное образование, порожденное данной хозяйственнополитической системой и имеющее свои собственные, вполне специфические структуру, функции, а также законы возникновения, развития и роста.

Единственным всеобщим законом, применимым в урбанизме для различных стран и эпох, является закон диалектического развития городов, который мы подробно рассмотрели в четвертой главе. По этому закону города, т. е. населенные пункты с более или менее интенсивной концентрацией населения, развиваются эволюционно в пределах данной социально-экономической системы и затем, в революционные периоды, трансформируются в ускоренном темпе вместе с породившей их системой, приобретая те или иные новые, подчас прямо противоположные признаки. Проследить действие диалектического начала в урбанизме на протяжении веков довлеет раньше всего истории общественных форм и экономического быта.

В следующую очередь надлежит поставить генетические «законы обусловленности», т. е. те факторы, которые способствуют возникновению и развитию городов в определенных местах.

Наиболее примордиальным, или первичным и элементарным, из таких факторов надо признать естественную обстановку, в которой город возникает и хозяйствует. Упомянутый фактор, также нами уже рассмотренный, может быть назван законом географической обусловленности. Согласно названному закону, населенные пункты, как мы видели, возникают и превращаются в города в определенных местах, естественно благоприятствующих сгущению населения, а именно — у бухт морей, у озер, недалеко от устьев рек, при впадении судоходных притоков в реку, у бродов, при проливах, на перешейках, у горных проходов, на плодородных равнинах, в определенных климатических или, точнее, изотермических полосах и на известной высоте над уровнем моря. До сих пор антропогеографическая школа урбанизма, присвоившая своего рода монополию на соответствующие исследования, не достигла убедительных результатов, так как она совершала две методологические ошибки: во-первых, она рассматривала влияние географии на города непосредственно, а не через посредство экономики, и, во-вторых, она оперировала отдельными примерами и иллюстрациями, не опираясь на статистику и не давая исчерпывающего анализа, который мог бы выяснить характер и пределы действия приведенного закона. Напр., интересно было бы знать, в каком проценте случаев возникли города у впадения притоков в реки и т. д. Между тем ничего похожего даже на такие простые вычисления наука не содержит, и сама статистика данную научную потребность не обслуживает.

По мере развития техники, которая, напр., реки может заменять железными дорогами, броды — мостами, отрицательное влияние климата — искусственным отоплением,[1] неплодородные местности может превратить в плодородные и цепь гор пробуравить тоннелем, — закон

---

[1] Любопытные опыты над искусственным отоплением не только зданий, но и городских улиц производились за последнее время в Канаде.

географической обусловленности в известной мере вытесняется широко действующим законом технико-экономической (т. е. хозяйственной) обусловленности. Карл Маркс, напр., убедительно выяснил роль парового двигателя в деле возникновения современных индустриальных центров. Однако решающее влияние парового транспорта и особенно железных дорог на развитие городов до сих пор еще выяснено только на основе отдельных примеров, отрывочных цифр и логических рассуждений. Ни одной научной работы, опирающейся на массовые статистические наблюдения в этой области, наука еще не имеет.

Как составную часть этого последнего закона и в тесной связи с законом географической обусловленности следует рассматривать закон энергетической обусловленности, обычно затрагиваемый в урбанистической литературе лишь вскользь. Между тем роль электрической силы, как мы увидим в следующей главе, оказывается решающей в вопросе о синтезе города с деревней. Ярким примером действия приведенного закона служит Англия. Почти все ее города, имеющие свыше 100 000 жителей (всего 28), за исключением Лондона и портовых городов, как указывает Джон Хорраби н, лежат вблизи угольных районов.[1] Так как перевозка столь малотранспортабельного и сравнительно дешевого товара, как уголь, этот главный в наше время источник механической энергии,[2] ложится

Вид энергии	В миллиардах тонн условного топлива	В % к мирс-вым ресур-сам
1. Уголь	5 600	75,1
2. Ветер	826	11,1
3. Гидроэнергия	374	5,0
4. Древесина	340	4,6
5. Торф	265	3,55
6. Солома	37	0,5
7. Нефть	11,5	0,15

тяжелым бременем на себестоимость товаров, то индустриальные центры естественно возникают либо в соседстве угля, либо на реках, имеющих направление от источников угля к фабричному центру, либо, наконец, на морских путях сообщения. Фабрики, относящиеся к тяжелой индустрии, если они возникают вдали от дешевой доставки угля, имеют меньший процент промышленной прибыли и обречены погибнуть под

---

[1] Джон Хорраби н, Экономическая география в марксистском освещении, М., 1926, стр. 94. Двадцать два миллиона текстильных веретен вокруг Манчестера на клочке земли в 10 квадр. километров дают представление о концентрации индустрии вблизи угля.

[2] Приводим любопытную «сводку мировых энергетических ресурсов», подтверждающую наши слова (см. Морозов и Юньев, «Экономич. география», изд. Ком. ун., 1926 г., стр. 171).

действием закона конкуренции (особенно в эпохи кризисов) или войти с другими фабриками в то или иное соглашение (конвенции, корнеры, ринги), или жить под опекой покровительственных пошлин. Это наблюдение особенно рельефно подтверждается в Соединенных штатах, где уголь и металл чаще всего разобщены, но направление рек содействует их экономическому объединению и содействует образованию городов в соответственно выгодных местах. То же приблизительно наблюдается и в Германии. Отто Блюм [1] указывает, что все германские города с населением свыше 300 тысяч (кроме Штутгарта, Мюнхена, Нюренберга и Берлина) лежат на четырех геологических полосах, содержащих полезные ископаемые или сырье (уголь, металл, соль), а именно: 1) в полосе прибрежья, 2) в Рейнской долине, 3) в полосе Аахен—Ганновер и 4) Ганновер—Катовицы. Быстрый рост городской жизни в пределах Вестфалии (Рур), Верхней Силезии, Бельгии, Донбаса, Домбровского района и т. д. объясняется тем же действием закона энергетической обусловленности. Однако этот закон несомненно имеет лишь характер «тенденции», так как, при отсутствии продуманного промышленного районирования, и в Европе и в Америке, не говоря уже об Азии, все-таки имеется целый ряд крупных индустриальных и торговых центров, находящихся вдали от дешевой доставки угля. Достаточно указать на Москву с ее богатой текстильной и швейной промышленностью и на Ленинград с его тяжелой металлообрабатывающей индустрией, который, хотя и лежит на морском пути, но вследствие системы протекционизма до революции и вследствие капиталистического окружения в настоящее время, добывал и добывает часть своего угля более дорогими путями внутренней торговли.

Такой же составной частью или отдельным видом выражения закона технико-экономической обусловленности является закон транспортной обусловленности, согласно которому большинство наиболее быстро развивающихся городских центров лежит в полосах и на линиях установившихся интернациональных транспортных сношений, так как развитие и рост городов зависит, как мы выяснили, от способов привлечения прибавочной стоимости, последняя же привлекается обильнее всего на вышеупомянутых путях.

Рассмотрим вкратце, для иллюстрации этого закона, анализ европейского транспорта, произведенный в 1924 г. Отто Блюмом, [2] одним из лучших специалистов по географии транспорта. [3]

Культурным центром «мира» (тяготеющего к «Европе» — прибавим мы от себя) О. Блюм признает участок, лежащий между крупными городами — Кельном и Дортмундом. Радиусом, не превышающим 1 000 *км*, можно очертить, исходя из упомянутого центра,

---

[1] Zeitschrift für Geopolitik, 1924, Heft 3.

[2] Там же, S. 166 — 183.

[3] Анализ и выводы О. Блюма были бы верными до войны, которая переместила центр тяжести наиболее оживленных мировых сношений и наиболее интенсивной концентрации капитала из Европы в Северную Америку, но в урбанистическом отношении это только подтверждает законы технико-экономической обусловленности, так как рост городского населения в последние годы резко усилился в Америке и несколько затормозился в Европе.

«наиболее культурный круг мира», который обнимает собою область с самой густой сетью усовершенствованных путей, крупнейшими скоплениями средств и соответственно наиболее сгущенным (урбанизированным), трудоспособным и высоко развитым населением. За эти границы (в пределах Европы, Азии и Африки) выходят лишь немногие, отдельные ж.-д. линии.[1] Означенная европейская область выходит на великую мировую дорогу через Суэц (Северное море—Гибралтар—Суэц — Аден — Сингапур — Панама), которая обслуживается и внутренними железнодорожными путями: Лондон — Марсель — Гамбург—Неаполь.

На побережьях Атлантического океана (включающего 75% мирового морского сообщения и омывающего 53% суши, причем из шести величайших речных бассейнов мира пять имеют выходы к названному океану) Европа создала Центральный бассейн мировых сношений в лице Северного моря с его каналом и Ирландским морем и мировыми гаванями: Ливерпулем, Лондоном, Антверпеном, Роттердамом, Бременом и Гамбургом. Такое же значение для юга имеет Средиземноморская область с приморскими городами Барселоной, Марселем, Генуей, Неаполем.

Смотря по значению гаваней, служащих конечными пунктами внутренних путей, последние разделяются в северо-южном направлении на следующие группы: 1) линии, идущие от Северного моря к главному водоразделу Европы и покрывающие интенсивно урбанизированное пространство от крупных городов Гавра—Лиона до Гамбурга — Будапешта,[2] 2) линии, идущие от Средиземного моря к северу, охватывающие пространство от городов Марсель — Лион до Фиуме — Будапешт, 3) линии, направляющиеся от Балтийского моря, граница протяжения которых очерчивается на юге линией Львов — Киев — Курск, и 4) реки и железные дороги, выходящие к Черному морю, развившие ряд городов (Одессу, Николаев, Ростов-на-Дону, Новороссийск и друг.). Западно-восточное направление в свою очередь имеет 5 групп транспортных линий, из коих важнейшими являются три: 1) а) линии северноевропейской равнины, проходящие через Нижнерейнско-рурскую область к городу Ганноверу и оттуда на Штеттин — Ленинград, б) серединные линии (Берлин — Варшава — Москва — Киев) и в) южноокраинные линии через Лейпциг — Бреславль — Львов — Одессу, 2) линия Париж — Саарская область — Франкфурт — Лейпциг, соединяющая бассейн Сены с крупнейшими торговыми городами, и 3) линия Париж — Штутгарт — Мюнхен — Вена — Будапешт — Константинополь (путь «Восточного экспресса»). Из узловых транспортных пунктов континента наиболее важная группа лежит в местах пересечения Северо-южных линий с Западно-восточными,—напр., в Рейнской области города Обергаузен, Кельн, Франкфурт, Мангейм, Карлсруэ, Страсбург. Сюда же относятся «мостовые

---

[1] Сибирская дорога, будущая дорога через Туркестан в Индию, Каан-Каирская линия, дорога в Судан и линия от Гибралтара к Золотому берегу.

[2] Бассейн Северного моря ($^1/_7$ площади Зап. Европы и 10% ее населения) давал до войны 50% мировой добычи угля, около 50% чугуна и не менее 50% текстильного производства.

города», т. е. пункты пересечения сухопутных и водных путей — город Магдебург и другие, затем пункты ответвления крупных линий (Кельн, Базель, Франкфурт) и, наконец, города как собирательные бассейны сношений — Париж, Кельн, Франкфурт, Штутгарт, Нюренберг.

Приведенный анализ, в дополнение к сказанному нами в главе о железных дорогах, отчетливо указывает на важную роль законов технико-экономической и в частности энергетической и транспортной обусловленности. Мы видим, что большинство крупных европейских городов расположены по линиям и полосам с наиболее благоприятными геологическими и хозяйственно-транспортными условиями. Эти высоко урбанизированные полосы, будучи заштрихованы, выделились бы в виде широких лент наиболее интенсивной городской жизни, протягивающихся по направлениям: а) Англия — Фландрия — Париж, б) Рейн — Ломбардия, в) Фландрия — Нижний Рейн — Рур — Ганновер, г) Ганновер — Лейпциг — Бреславль — Верхняя Силезия. Именно это сочетание географических, энергетико-геологических и хозяйственно-транспортных факторов создает усиленное и закономерное развитие современных городов. Материалы для исследования по сказанным генетическим вопросам должна давать урбанизму экономическая география.

Нельзя согласиться с теми авторами (Д. Шефер, Руд. Штаммлер,[1] и другие), которые к упомянутым факторам и законам присоединяют еще закон «политической и стратегической обусловленности».

Государство действительно может способствовать развитию, а иногда и возникновению городов следующими разнообразными путями: 1) выбором столичных, административных и судебных пунктов, 2) постройкой крепостей и переводом в города воинских частей, 3) учреждением в городах высших учебных заведений, 4) проведением через город железной дороги, 5) правительственными субсидиями городскому хозяйству — дотациями или субвенциями, 6) специальными привилегиями и льготами (разрешением попудных сборов, октруа и т. п.), 7) установлением «тарифных бугров», т. е. особых льготных тарифов на железнодорожных станциях в городах, не говоря уже о планировке и строительстве новых городов путем соответствующих субсидий строительным акционерным компаниям или непосредственным распоряжением и средствами государственной власти. Однако эти сознательные и целесообразные действия государств не могут почитаться научным «законом природы», имеющим всегда спонтанный характер, причем в его рассмотрение входит анализ стихийно действующих причин, а не целесообразных мотивов. Урбанизм, эта углубленная часть социологии и политической экономии, перестанет существовать,

---

[1] Д. Шефер, Политическое и стратегическое значение больших городов, Спб. (сборник «Большие города») и Rudolph Stammler, Wirtschaft und Recht и Theorie der Rechtwissenschaft», Halle, 1911. Школа Штаммлера (Диль, Штольцман и др.) ошибочно выдвигает не экономику, а право на первый план как первостепенный социальный фактор, а именно совершает, с точки зрения марксизма, серьезную методологическую ошибку.

как теоретическая дисциплина, при социалистическом строе, который, подчинив социальную стихию, будет действовать посредством строго обдуманного плана. В ту эпоху урбанизм войдет, повидимому, в составную часть экономической политики, т. е. чисто практической науки.

Таким образом, мы имеем налицо целый ряд закономерно действующих факторов или «законов обусловленности», которые создают и развивают города в тех или иных местах. Знание и внимательный учет этих законов могут помочь городскому хозяину или строителю города ориентироваться в каждом отдельном случае и заглянуть в будущую «судьбу» города, сняв с него маску тайны. Однако во всех тех случаях, когда перечисленные факторы бездействуют или нейтрализуются, — напр., на большой плодородной равнине или полосе, поставленной на своем протяжении в равные приблизительно географические и экономические условия, при равномерном обслуживании путями сообщения и т. п., — вступает в свои права основной закон, аналогичный в известном отношении закону большого числа, а именно закон равномерного распределения пунктов интенсивного сгущения населения, в частности же городов. Раз налицо имеются биологические, экономические и социологические предпосылки, позволяющие населению сгущаться в данной степени интенсивности, и одновременно нет побудительных причин заставлять его сгущаться в определенных местах, то главные пункты этих сгустков будут находиться на одинаковом расстоянии друг от друга. Грубо эмпирически может проследить действие этого закона каждый пассажир на железной дороге: полустанки, средние станции и большие остановки, приуроченные к населенным пунктам соответствующей величины, сплошь и рядом следуют друг за другом приблизительно через равные промежутки времени. С большей основательностью мы убедимся в том же, если возьмем географическую карту какой-либо однородной (по составу населения и по хозяйственным условиям) местности и будем циркулем мерить расстояния между малыми, средними и большими городами. При неизбежных (вследствие тех или иных причин) более или менее значительных отклонениях, сказанная тенденция проявится все же достаточно рельефно, и циркуль покажет разные для различных местностей, но приблизительно одинаковые для данной местности расстояния: 25, 50, 100 верст и т. д. На этом законе был основан натуральный обмен между крестьянами и горожанами западноевропейского средневековья, на нем же построена была департаментская система Франции после революции, с ее равномерно распределенными административными пунктами, на нем же, наконец, строит советская власть свое опирающееся на науку районирование: оказывается, что каждая территория того или иного размера, имея свой сгусток населения, получает свой административно-хозяйственный центр, и, благодаря закону равномерного распределения населенных пунктов, вся система носит в достаточной степени естественный, даже гармонический характер.

Из многочисленных примеров, которые можно привести для иллюстрации сказанного, сошлемся, во-первых, на подмосковные города

*

и крупные поселения. Москва опоясана как бы тремя ожерельями из населенных пунктов, лежащих на приблизительно одинаковом расстоянии друг от друга. Первое ожерелье представляет собою ряд промышленных и торговых сел, ныне уже вошедших большей частью в пределы Большой Москвы. Второе ожерелье составляют города и крупные поселения: Дмитров, Сергиев посад, Петровское, Богородск, Гжель, Бронницы, Домодедово, Подольск, Апрелевка, Звенигород, Воскресенск и Сенеж, на расстоянии 25 — 40 *км* друг от друга и на таком же расстоянии от Москвы. Населенные пункты третьего ожерелья отстоят от второго ожерелья приблизительно на те же 30 — 45 *км* и находятся друг от друга на таком же расстоянии: Серпухов, Кашира, Коломна, Егорьевск, Покров, Киржач, Александров, Ленинск, Клин, Волоколамск, Руза, Можайск, Верея, Боровск.

Окружные центры УССР также подчинены действию приведенного закона: на расстояниях приблизительно по сту километров с запада на восток мы находим 8 линий городов, города же разделены между собой аналогичным приблизительно расстоянием и следуют с севера на юг в такой последовательности: а) Шепетовка, Проскуров, Каменец-Подольск, б) Коростень, Житомир, Бердичев, Винница, Тульчин, в) Киев, Белая Церковь, Умань, Первомайск, Колосовка, Одесса и разветвление на Николаев, г) Чернигов, Нежин, Прилуки, Черкасы, Зиновьевск, Кривой Рог, д) Новгород-Северск, Конотоп, Ромны, Лубны, Кременчуг, Пятихатка, Кривой Рог, е) Полтава, Екатеринослав, Запорожье, Мелитополь, ж) Харьков, Изюм, Артемовск, Сталин, Мариуполь, з) Старобельск, Луганск.

Окружные центры на севере России находятся на расстоянии приблизительно в 300 — 350 верст, причем степень общей плотности населения местности там соответственно меньше: Архангельск, Каргополь, Вологда и в другом направлении — Архангельск, Шенкурск, Тотьма и т. д. [1] Действие объясненного закона можно проследить еще во Франции, в Ломбардии, Андалузии, в некоторых германских провинциях и т. п. Несомненно, что в цитированных нами примерах встречаются более или менее значительные отклонения от общего правила, но каждое такое отклонение или исключение может быть объяснено действием другого, встречного закона, т. е. так называемым «скрещиванием» законов.

Изложенная норма принадлежит к числу эмпирических, а не каузальных законов, так как до сих пор не найдено для нее вполне удовлетворительного и общезначимого объяснения. Одни пытаются объяснить этот закон просто на основе логики а именно более общим «законом достаточного основания». Раз сгущение населения на известном пространстве создает концентрированные пункты этого сгущения (города), то, при отсутствии мотивов к возникновению последних в конкретно о п р е д е л е н н ы х местах, равномерность их распределения на данном пространстве будто бы вытекает сама собой и не требует какого-либо специального объяснения. Другие, находя это первое объяснение метафизическим, указывают на происхождение боль-

[1] Районирование СССР, 1917 — 1925, изд. «План. хоз.».

шинства городов из древних торговых пунктов, которые, в свою очередь, будто бы произошли вследствие сгущения населения на местах остановок, привалов и ночлегов торговых караванов, причем между этими неизбежными остановками естественно протекал приблизительно равный промежуток времени. Этот промежуток, при равномерном движении упомянутых караванов, предполагает равные расстояния между привальными пунктами. Искусственность этого объяснения бросается в глаза. Наконец, третьи ссылаются на закон соперничества или конкуренции у населенных центров одинакового назначения, по каковому закону населенный пункт никогда не превращается в город, если находится на ненормально близком расстоянии от другого города (близость 25 — 50 верст). Впрочем, закон конкуренции городов, аналогичный с одноименным законом в политической экономии, часто сказывается и на городах, находящихся на более дальнем расстоянии друг от друга, препятствуя развитию одного из соперничающих центров, а в некоторых случаях даже способствуя его упадку.

Упомянутое соперничество между городами, на котором следует остановиться особо, носит чисто исторический характер и весьма типично для капиталистической системы. Проявляется оно в двух направлениях. С одной стороны, это — естественная конкуренция между представителями промышленного и торгового капиталов, имеющими свою резиденцию в разных, но близких друг к другу центрах. Сюда относятся борьба за местный выгодный рынок закупок сырья и рынок сбыта товаров, за овладение транспортными путями, за привлечение ближнего контингента рабочих и т. п. С другой стороны, это — выступление городов, как самостоятельных муниципальных единиц, а именно борьба за то или иное направление железной дороги, за устройство порта, за выбор места для высшего учебного заведения, за правительственные субсидии в наивысшем размере, широкое рекламирование локальных преимуществ (целебных источников и т. п.). В этом соперничестве, как мы уже имели случай указать, обычно побеждает город, наиболее сильный экономически и спонтанно выросший в виде естественного порождения существующей экономической и политической системы, — одним словом, город, которому данная конъюнктура благоприятствует и к которой он может легко приспособиться.

Тесно связан с двумя последними законами закон экономического тяготения, имеющий особенно важное значение для промышленного и административного районирования. Вопрос о связи этого закона с районированием и вообще с экономическим планированием неоднократно отмечался русскими экономистами (А. В. Чаянов, Б. Н. Книпович) и особенно тщательно разработан Г. И. Баскиным.[1] Названный закон, рассматриваемый в рамках его урбанистического действия, заключается в том, что большие производственные городские центры обладают формирующей

---

[1] Г. И. Баскин, Районирование территории как необходимая предпосылка и твердая основа экономического строительства

способностью воздействия на окружающую местность, а эта последняя, с своей стороны, естественно тяготеет к одному из ближайших и экономически мощных центров. Город распространяет свое экономическое влияние и господство на соседние поселения и как производящая сила, и как обладающий значительной емкостью рынок сбыта, и как наниматель рабочей силы, и как организатор сельскохозяйственного труда. Удаляясь от такого центра, мы последовательно встречаем хозяйственные формы, стоящие на все более и более ранних ступенях хозяйственной эволюции, и таким образом получаем возможность выяснить район влияния данного центра.[1] В странах хозяйственно отсталых, с небольшим сравнительно количеством городов, это влияние весьма значительно, и определяется оно как состоянием путей сообщения, так и расположением массивов населения (А. В. Ч а я н о в). Наоборот, в развитых капиталистических государствах, с густой сетью путей сообщения и с большим количеством промышленных центров, сравнительно близко расположенных друг к другу, задача выявления сферы влияния каждого из них необычайно затруднена и часто совсем неразрешима. Как правило, степень экономической и культурной мощности каждого города находится в соответствии с размерами тяготеющей к нему территории, с численностью его населения, а также с характером и состоянием путей сообщения.[2]

Наконец, весьма важным являются и законы роста городов, из которых мы приведем два главных: 1) з а к о н Л е в а с с е р а и з а к о н п р а в и л ь н о с т и р о с т а г о р о д о в.

Согласно первому из этих законов, нами уже неоднократно цитированному, «сила притяжения, обнаруживаемая соединениями людей, пропорциональна их размерам». В урбанистической литературе изложенный тезис толкуется не одинаково: одни понимают его как прогрессирующую пропорциональность, заявляя, что, в зависимости от величины города, изменяется и процент его численного роста, но это понимание легко опровергается многочисленными примерами усиленнейшего развития небольших железнодорожных поселков и малых деревень Сибири, Соединенных штатов и т. д.;[3] другие понимают этот тезис как простую пропорциональность. Однако и в последнем его понимании приходится отвергать действие изложенного закона в качестве универсальной социологической нормы для различных эпох и стран. Города, т. е. соединения людей, не только растут, но порой и регрессируют, как бы они людны ни были. Наиболее яркие примеры:

---

[1] Райсширование СССР, стр. 77. О влиянии города на те или иные формы сельского хозяйства много писал Т ю н е н, который формулировал свой знаменитый закон о с.-х. поясах, располагающихся вокруг городского центра в известной последовательности, начиная от садоводства и кончая пастбищным скотоводством. Рассмотрение этого закона входит в содержание сельскохозяйственной экономии (см. Т ю н е н, Изолированный город, пер. с нем.).

[2] Там же, стр. 256.

[3] Логически, при таком толковании, немноголюдные поселения никогда бы не могли догнать более крупные города в отношении числа жителей. Однако Чикаго, а рядом с ним другие мелкие населенные пункты выдвинулись за сто лет в разряд мировых центров, обогнав десятки тысяч более крупных населенных пунктов.

древний Рим, Кордова в Испании, Новгород, Кяхта, а в последние годы Вена, Ленинград во время гражданской войны и голода и т. д. Закон Левассера действительно почти целиком оправдывался в Европе XIX столетия, не исключая и России; его можно принять поэтому как чисто временное и местное каузальное правило, вызванное законом расширенного воспроизводства капитала и другими экономическими факторами. «Притяжение» обнаруживают не соединения людей сами по себе, а конкретные требования экономической системы, при благоприятствующих этим требованиям политических условиях.

Что же касается, наконец, правильности роста городов, то этот закон заключается в приблизительно равномерном из года в год процентном увеличении прироста городского населения, которое обнаруживается во всех тех случаях, когда не имеется каких-либо специальных противодействующих причин. Раз нам дан ежегодный рост данного города в течение, скажем, пяти лет, то мы на основании приведенного закона имеем право, при прочих равных условиях, рассчитывать на дальнейший прирост населения в том же темпе. Впрочем, на большом расстоянии между эпохами этот темп обыкновенно меняется, так как изменяются самые условия. Ясно, что если бы закона правильности роста не было, то никакие перспективные планы городского хозяйства на много лет вперед не могли бы быть обоснованы.

В качестве иллюстрации рассмотрим рост Ленинграда, начиная с 1770 г. (см. табл. на стр. 184).

Из таблицы усматривается, что темп роста столичного населения по эпохам сильно изменялся, в зависимости от разницы историко-экономических конъюнктур и достигнутой городом величины, но в пределах каждого десятилетия большая или меньшая правильность годового прироста этого населения несомненна.

Само собою разумеется, что никакого абсолютного и универсального значения приведенные рассуждения и цифры не имеют. Это лишь констатированное единообразие явлений — тенденция, усвоить которую необходимо для сознательных действий в области городского строительства и экономики. Учет всех сложных общественных закономерностей в их совокупности, на основе данной теории и конкретного социально-экономического анализа в каждом отдельном случае, требует не только знаний, но также и искусства, которое дается отчасти практическим опытом, а отчасти прирожденными способностями общественного деятеля. В теории и практике урбанизма дело обстоит отнюдь не иначе, чем в других сферах знания. Например, в медицине надлежащая эрудиция, т. е. усвоение теории, хотя и является необходимым условием успешной лечебной деятельности врача, но она отнюдь не обеспечивает последнюю. Умение быстро и чутко ориентироваться в каждом отдельном случае, поставить правильный диагноз и применить наилучший для данного клиента метод лечения есть результат врачебного опыта, во-первых, и индивидуального таланта врача, во-вторых. И если бы, опираясь на цифры правильного роста ленинградского населения, общественный деятель своевременно

Таблица роста ленинградского населения по эпохам.[1]

1-я эпоха			2-я эпоха			3-я эпоха			4-я эпоха		
Годы	Население	Годовой прирост	Годы	Население	Годовой прирост	Годы	Население	Годовой прирост	Годы	Население	Годовой прирост
1770	158 800	—	1800	220 200	—	1870	682 300	—	1900	1 418 000	—
1771	159 600	800	1801	226 400	6 400	1871	696 900	14 600	1901	1 461 600	43 600
1772	161 200	1 600	1802	232 700	6 300	1872	711 800	14 900	1902	1 503 200	41 600
1773	162 800	1 600	1803	239 300	6 600	1873	727 000	15 200	1903	1 545 900	42 700
1774	164 400	1 600	1804	245 900	6 600	1874	742 600	15 600	1904	1 589 900	44 000
1775	166 100	1 700	1805	252 800	6 900	1875	758 400	15 800	1905	1 635 100	45 200
1776	167 800	1 700	1806	260 000	7 200	1876	774 600	16 200	1906	1 681 600	46 500
1777	169 400	1 600	1807	267 000	7 000	1877	791 200	16 600	1907	1 729 500	47 900
1778	171 100	1 700	1808	274 600	7 600	1878	808 200	17 000	1908	1 778 600	49 100
1779	172 900	1 800	1809	282 300	7 700	1879	825 400	17 200	1909	1 829 200	50 600
1780	174 800	1 900	1810	291 000	8 700	1880	843 000	17 600	1910	1 881 300	52 100

[1] Цифры заимствованы из Статистического сборника по Петрограду и Петроградской губернии, П. 1922 (вычисления производились по полицейским сведениям, ревизиям и переписям).

не понял бы смысла надвигающейся социальной бури и не предвидел ее возможных последствий, то его поступки не могли бы быть целесообразными.[1] Социальная катастрофа, резко нарушив действие закона правильного прироста, дала для Ленинграда следующие исключительные цифры:

Годы	Население	Годовая убыль	Источники цифр
1916	2 415 700	—	—
1917	2 300 000	115 700	Данные министерства внутренних дел
1918	1 468 845	831 155	7-я петрогр. перепись с пригородами
1919	900 000	568 845	Приблизительное исчисление
1920	722 229	177 771	2-я всероссийская перепись с пригородами.

В данном случае мы имеем яркий пример нарушения данной общественной закономерности действием встречного диалектического закона. С другой стороны, этот же пример указывает на поразительную подвижность и текучесть городского населения и на феноменальную хрупкость того социального образования, каким является колоссальная городская агломерация капиталистического типа. Полуторамиллионное население столицы положительно растаяло в течение трех лет. Деревня в целом обнаруживает в подобных случаях значительно большую устойчивость и силу сопротивления.

Резюмируя сказанное в настоящей главе, мы должны отметить, что даже после нашего беглого и далеко не исчерпывающего анализа, закономерность возникновения, развития, роста, распределения и экономического воздействия городов едва ли может вызывать сомнения, а если и встретятся возражения, то лишь поскольку мы еще не привыкли в области градоведения становиться на принципиально теоретическую, т. е. научную точку зрения и поскольку вообще отрицается закономерность общественных явлений (школа Риккерта). Сознательное планирование будущего мыслится лишь на почве преодоления социальной стихии, а последнее, в свою очередь, делается возможным только посредством усвоения и учета закономерностей этой стихии. Вот почему исследовательская работа в намеченном направлении теперь выдвигается как необходимая и актуальная задача.

---

[1] Так и случилось с Петроградской городской думой при Временном правительстве и многочисленными районными думами того же периода. Размах революции большинством гласных не был учтен, и они решительно ничего не сделали для встречи грозных 1918 — 20 гг. Предполагалось, что население Петрограда будет планомерно жить и впредь и что поэтому положение не требует каких-либо чрезвычайных мер и выработки плана борьбы с исключительной хозяйственной разрухой.

Все сказанное до сих пор позволяет нам приступить к последнему шагу, всецело относящемуся к научному предвидению в градоведческой сфере, а именно постараться раскрыть положение города в социалистической системе.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ГОРОД В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

1. СОВЕТСКИЙ ГОРОД

Опираясь на вышеизложенное, мы в этой последней главе общего учения о городе сделаем попытку стать на путь научного предвидения. Сказанный путь не нов в общественных науках, и именно посредством него достигается господство над социальными отношениями. В экономической теории сюда относятся, например, все рассуждения и вы[illegible] о будущем социалистическом хозяйстве. Правда, путь этот скользкий, и на нем нужно двигаться осмотрительно, но принципиальная его допустимость и важность едва ли могут быть оспариваемы.

Среди разнообразных утопий, которые содержатся в истории социальных учений, тема о городе занимает далеко не последнее место. «Полис» Платона,[1] «Утопия» Томаса Мора,[2] «Город солнца» Кампанеллы,[3] «Океана» Гаррингтона,[4] «Икария» Этьенна Кабэ,[5] фантазии Моррриса, Уэльса, Пьера Леру и Беллами, вплоть до предсказаний нашего современника Маршаля, были заняты между прочим проблемой будущего «идеального города». Однако в основу упомянутых фантастических проектов и предсказаний ложились отнюдь не теория урбанизма и не научное предвидение, а субъективные вкусы и необузданное воображение утопистов. Совершенно иначе должен понимать соответствующую задачу объективно мыслящий градовед-теоретик. «Город будущего» представляется ему как закономерный результат диалектического развития капиталистического города, а выводы вытекают из эмпирического факта, т. е. из реальных наблюдений над действительностью.

Исходя из современной исторической обстановки, мы находим два возможных подхода к характеристике «города будущего». Во-первых, это—анализ соответствующих признаков советского города, как принадлежащего к системе переходного периода; во-вторых — учет новых идеологических течений и тех серьезных изменений, которые уже произошли в недрах капиталистического общества. Чтобы достигнуть наиболее убедительных результатов, мы воспользуемся обоими указанными подходами, уделив первому из них настоящий параграф.

Конечно, на более или менее полный и вполне объективный анализ признаков советского города претендовать нельзя, так как его

---

[1] Платон, Государство, кн. I — VII.
[2] Utopie de Th. Morus, trad. par Gueudeville, Amsterdam.
[3] Thoma Campanella, Civitas solis poëtica, 1643.
[4] Foland, Vie de Harrington.
[5] Cabet, Voyage en Icarie, Paris.

жизнь протекает в самом поле нашего зрения, ориентировочная литература в рассматриваемой области чересчур недостаточна, и, наконец, самая тема необычайно широка, захватывая всю область экономической политики и необъятных спорных вопросов. Однако наша ближайшая задача требует остановки лишь на немногих важнейших признаках советского города, а именно на тех из них, которые могут осветить будущую судьбу урбанизма.

В первую очередь приходится отметить, что *советский город*, благодаря создавшейся исключительной обстановке и по целому ряду причин, *не может считаться вполне типичным для нормального города переходного периода*. Действительно, если не считать первичных географических факторов, признаки города, как мы видели, всецело определяются материально-технической и экономической конъюнктурой эпохи. Между тем свою технико-экономическую базу советский город получил от старого строя в крайне неудовлетворительном и расшатанном виде. Последовавшие затем гражданская война, эпидемии, голод, период военного коммунизма — в конец распылили то немногое, что было получено по наследству советами, и в данный момент мы имеем за собой не более 4—5 лет восстановительного процесса. За этот короткий срок и в условиях капиталистического окружения наше городское хозяйство, конечно, не могло притти к сколько-нибудь нормальному и устойчивому положению.

Вторым определяющим моментом являются взаимоотношения города и деревни. Между тем русская дореволюционная деревня с ее примитивным оборудованием, малоземельем, экстенсивным трехпольем и отчасти даже залежно-переложной формой хозяйства, деревня с не ликвидированным еще натуральным хозяйством, с пережитками чисто крепостного строя, а именно испольной, отработочной системами и еще живучей старозаветной общиной, при только еще начавшихся внутри крестьянства классовом расслоении и борьбе, далеко не закончила свой капиталистический цикл развития к моменту пролетарской революции, разразившейся в городах. Ясно, что за несколько лет эта инертная и косная обстановка в корне и в массе трансформироваться не могла и продолжает оказывать свое подчас решающее влияние на советский город.

В-третьих, самый восстановительный процесс последних лет, при всей его изумительной энергии, слабее всего коснулся нашего городского хозяйства. В первые годы нэпа советский город, как коммунальная единица, не имел ни прав, ни самостоятельных средств, ни квалифицированного состава работников. Едва ли можно отрицать, что даже в настоящее время из всех областей народного и государственного хозяйства коммунальное хозяйство, если не считать серьезных достижений четырех-пяти крупных центров СССР,[1] стоит на *последн*-

---

[1] Москвы, Ленинграда, Харькова, Баку. Мы сознательно не включаем в этот список Ростова-на-Дону, несмотря на признаваемую им самим *образцовой* деятельность своего горсовета. Чрезмерная изношенность его присоединенной только к одной четверти владений «водоканализации» (любопытный официальный термин, намекающий, повидимому, на слишком тесный контакт водопровода и

нем месте: активное планирование его почти не коснулось, организационные реформы здесь еще не получили своего завершения, коммунальные финансы слишком незначительны, достаточного кадра знающих и опытных коммунальных работников пока не создано. В результате, даже недопустимо-низкий уровень дореволюционного благоустройства в большинстве отраслей городского хозяйства к 1927 г. еще не был достигнут, а жилищная теснота продолжает увеличиваться. Особенно печально состояние благоустройства небольших городов. В официальном органе ГУКХ НКВД «Коммунальном Деле» (отличном журнале по коммунальному хозяйству, превосходящем большинство заграничных изданий того же рода) мы находим в № 17/18 1926 г. заметку «Коммунальное хозяйство в небольших городах». На основании целого ряда корреспонденций из Ельца, Мурома, Черепанова, Бийска, Спас-Деменска, Медыни, Мещовска, Лихвина, Мосальска — констатируется крайне упадочное состояние хозяйства названных городов — разрушение жилищного фонда, изношенность мостовых и мостов, дефицитность коммунальных предприятий и т. п.

В-четвертых, при системе нэпа, при живучести старого быта и, наконец, при невозможности быстро и решительно поставить на социалистические рельсы весь производственный и распределительный аппарат народного хозяйства, многие из признаков дореволюционных городов продолжают существовать и теперь лишь с небольшими изменениями, что позволяло нам, в целом ряде случаев, рассматривать советский город на ряду с западноевропейским.

Все сказанное вполне убеждает в том, что всецело опираться на признаки советского города для характеристики будущего типа социалистических поселений было бы ошибочным.

Тем не менее мы совершили бы еще более крупную ошибку, если бы вовсе игнорировали те интересные и характерные нововведения, которые Октябрьская революция и деятельность советской власти внесли в область современного урбанизма. Двигаясь по линии социалистического строительства, целый ряд существенных признаков города уже успел измениться до неузнаваемости, и на некоторых из этих изменений, как положительных, так и отрицательных, мы должны остановиться.

Прежде всего заметно изменилась классовая и профессиональная структура города, выравниваясь по линии трудового населения. Она стала проще, и дифференцированность городского населения уменьшилась. Буржуазный класс, которому до революции

канализации), которая обусловливала уже не раз сильные вспышки гастрических эпидемий, жилищная теснота, доходящая до 9,2 кв. арш. на человека в Темернике и до 8,2 кв. арш. на окраинах Нахичевани, переполненность окраин, исключительный недостаток зеленых массивов (что делает лето нестерпимым), отсутствие удовлетворительных ливнестоков (улицы во время дождей непроходимы), 200 мертвых водяных колодцев, безлействие газового завода, некультурное состояние домовых уборных, неликвидированные хулиганство, беспризорность, безработица, доходящая до 22 тыс. чел., — свидетельствуют о неблагоустроенности этого 4-го в РСФСР пролетарского центра. За Ростовым остается бесспорно одно достоинство: **блестящие перспективы.**

принадлежала господствующая роль в городе, деклассировался, обеднел и перестал иметь руководящее значение как в жизни города, так и в его хозяйстве. Равным образом почти не существует больше домовладения как орудия частнохозяйственной эксплуатации. Земельная аристократия, как таковая, вовсе исчезла. Группа государственных (советских) служащих, наоборот, выросла вследствие национализации значительного количества частнохозяйственных предприятий. Кадры домашней прислуги и домовых служащих по понятным причинам сократились. Профессиональные группы, прежде стоявшие неорганизованно и обособленно, объединились в общем профессиональном движении. В результате, мы имеем следующую структурную таблицу (достигшего 10 лет) населения советского города,[1] составленную в среднем выводе для городских поселений СССР, за исключением Закавказской федерации.

1. Рабочие (всех видов и групп)	25 %
2. Служащие	20,3%
3. Хозяева (в том числе не пользующиеся наемным трудом	15,8%
4. Безработные	9,9%[2]
5. Помогающие члены семьи	8,6 %
6. Иждивенцы гос. и общ. учреждений	8,2%
7. Прочие группы	7,6%
8. Прислуга	3,8%
9. Лица свободных профессий	0,8%
	100

В заметной степени стушевалась и локальная дифференциация. К сожалению, в современной статистике нет массовых цифр, обработанных по локально-классовой и локально-профессиональной линиям, но из отчетов домовых комитетов видно, что социальный состав жильцов «барских» домов, расположенных в бывших аристократических и буржуазных кварталах Москвы и Ленинграда, в корне изменился, захватив отчасти мелкую буржуазию (20%) и советских служащих (38%), а отчасти семьи ремесленников (12%) и даже фабрично-заводских рабочих (9%).[3] Типичный облик прежних роскошных улиц с их нарядной, праздной толпой, та своеобразная печать, лежавшая на каждом из городских районов, которая отражала занятия, быт, одежду данного состава его населения, растворились в более или менее общей для всего города физиономии трудовой или деловой массы граждан без прежних ярких отличий во внешности и поведении.

Вообще признаки, относящиеся к социальному неравенству, в советском городе несомненно утратили свою остроту. Кон-

[1] Приводимая таблица (по форме нами сокращенная), составленная Б. Б. Веселовским и А. М. Гибшманом на основании Бюллетеня ЦСУ 1924 г. (перепись 1923 г.). См. Справочник коммунального работника. М., 1925 г. (весьма рекомендуемое издание).

[2] В 1925 г. приведенная цифра ниже и колеблется в крупных городах между 4% и 8%.

[3] 21% падает на остальные группы; цифры в средних выводах получены из суммирования 72 отчетов домкомитетов.

траст между роскошью центральных кварталов и запущенностью городских окраин во многом сгладился: с одной стороны, специфический блеск и шик главных улиц (роскошные выезды, вереницы автомобилей и экипажей, швейцары с булавами, магазины с рафинированным ассортиментом товаров, французские дорогие рестораны, парикмахерские, кондитерские, блестящие здания банков, парадные особняки и дворцы, фешенебельные клубы, многообразная иллюминация по вечерам) очень потускнели и едва ли восстановятся в прежнем виде, так как их экономический базис исчез. С другой стороны, городские советы и коммунотделы, при их пролетарском составе, обратили серьезное внимание на благоустройство рабочих окраин и, по крайней мере в крупнейших центрах, достигли многого в короткий срок, несмотря на мало удовлетворительную обстановку их работы. Например, московское коммунальное хозяйство, отличающееся редкой энергией и успешностью своей деятельности, сумело уже к 1925 г. восстановить водопровод, присоединив к нему целый ряд рабочих кварталов, проложить новую сеть канализационных труб и свыше 46 верст новых трамвайных линий (причем в трамвайной, а затем и в автобусной политике красной нитью проходила забота о связи рабочего населения с центром), разбить 12 новых скверов на рабочих окраинах и т. д.[1] В ленинградской коммунальной политике обращает на себя внимание более или менее успешная борьба с безработицей из года в год посредством привлечения рабочих масс к канализационным работам, к устройству и упорядочению скверов, зеле ых насаждений и газонов, к радикальной чистке города и в особенности использование знаменитых «островов». Особняки и дворцы бывшей родовой и денежной аристократии были преобразованы в «дома отдыха» для рабочих, после чего фешенебельная замкнутость и величавый покой этих приютов индивидуальной роскоши сменились летом оживленными спортивными состязаниями на реках, массовыми играми, купаньем рабочей молодежи и т. д.

Одновременно в значительной степени ликвидирована и пресловутая иерархия жилищ, о чем мы приведем любопытные цифры в жилищном отделе специального курса.

Далее, что касается признаков, относящихся к городской интеграции (см. гл. XIII), т. е. явлений роста городского населения и его плотности, а равно увеличения площади городов и их динамики, то эпоха, непосредственно последовавшая за Октябрьской революцией, приостановила эту интеграцию, распылив значительную часть городского населения, спасавшегося от голода и неустройства, сократив количество земель, принадлежавших городам, на 31% и сохранив в них почти исключительно лишь пешее движение. Однако, начиная с 1921 — 1922 гг., эта интеграция возобновилась с переменной, в разных городах, интенсивностью. Темп роста населения в крупных, отчасти средних и даже некоторых мелких индустриальных центрах СССР, как мы уже указывали, превзошел темп их роста до революции, соответствуя энергичному размаху восстановительного процесса в про-

---

[1] Л. Велихов, Опыт муниципальной программы, стр. 15.

мышленности. Одновременно происходило заметное перераспределение населения в различных группах городов, так как многие из прежних торговых центров с их распределительно-спекулятивными функциями, центров, живших за счет коммерческой прибыли, которая обогащала многочисленные кадры торговых посредников, потерпели сильный ущерб в количестве населения, что продолжалось и в годы нэпа.[1] Причина: тяжелое положение, в которое поставлен частный торговец, и усиленное развитие кооперации с ограниченным, сравнительно, составом работников, ее обслуживающих.

По целому ряду мотивов, изложенных в главе VI, мы предполагаем, что упомянутый рост городского населения не ограничится требованиями восстановительного процесса, а будет продолжаться некоторое время и впредь, поскольку все увеличивающаяся жилищная теснота не поставит ему чисто механического предела. Здесь мы сталкиваемся с самым неблагоприятным и в то же время с самым упорным признаком советского города, носящим массовый и повсеместный характер, а именно с недопустимой скученностью населения, которая объясняется 1) приливом населения в города, 2) сильным разрушением жилищного фонда в период гражданской войны и 3) экономически обусловленной невозможностью быстро возобновить его посредством достаточного строительства, продолжая таковое и впредь соответственно росту городского населения. Приведем для иллюстрации этого последнего признака несколько цифр, заимствованных из цитированного нами справочного труда Б. Веселовского и А. Гибшмана.

Средняя жилая площадь на 1 жителя по переписи 1923 г. (в кв. аршинах).

Москва	13,5[2]	Пермь	12,2	Нижний-Новгород	11,7
Харьков	12,4	Житомир	12,0	Гомель	11,5
Саратов	12,3	Ярославль	11,7	Иваново-Вознесенск	11,5

---

[1] Таковы, напр., город Тамбов с его оживленной торговлей хлебом, кожами, салом. В 1873 г. он имел 25 406 жителей, в 1897 г. — 48 тысяч, в 1917 г. — 76 400, в 1920 г. — 72 700 и в 1923 — 70 300 жителей. Ульяновск (Симбирск), известная хлебная пристань, имевший до революции 3,17% годового роста, потерял за 1920 — 1923 гг. 10 000 своего населения. Елец с его элеватором и международной хлебной торговлей имел в 1917 г. 51,8, в 1920 г. — 42,2 и в 1923 — 39,6 тыс. жителей. Таковы же богатый торговый город на Донце Каменск (бывшая станица Каменская), ныне превращаемый в курорт, Рославль, Сызрань и др. С другой стороны, на временный упадок Пензы, Балашова, Новочеркаска, Самары, потерявшей с 1920 по 1923 гг. 25 тыс. жителей, и многих других городов повлиял голодный 1921/22 г. Впрочем, опыт показывает, что надо очень осторожно относиться к соображениям и предсказаниям, касающимся роста или сокращения численности городского населения. Напр., в Новочеркаске в 1920 г. было 63 844, а в 1923 г. — 45 862 жителей. Донское стат. бюро и А. И. Гозулов категорически приписывали эту катастрофическую убыль населения Новочеркасска потере его прежнего административного значения (см. Города Донской области, стр. 6). Однако за 1923—1926 гг. этот город, как показывает перепись декабря 1926 г., неожиданно наверстал свою убыль и превзошел уровень 1920 г. на 2 тысячи человек.

[2] Контрольные цифры нар. хоз. на 1926/27 гг. (изд. «План. хоз.», М., 1927) дают цифру 12.

Орел	11,5	Ставрополь	11,0	Ташкент	9,0
Кострома	11,5	Самара	10,9	Барнаул	8,9
Оренбург	11,3	Ульяновск	10,4	Семипалатинск	8,8
Тверь	11,2	Краснодар	9,8	Миллерово	8,5
Ростов-на-Дону	11,1	Тула	9,3	Челябинск	7,9
Тамбов	11,0				

Приведенная таблица, составленная на основании сведений ЦСУ за 1924 г. (стр. 478 — 481), вполне отображает общую картину жилищной тесноты в советских городах. При нормальной жилой площади в 16 — 18 кв. аршин на человека, средняя цифра таковой в СССР для 1923 г. не превышала 12, причем она отвечала требованиям гигиены в отдельных городах (Ленинград, Киев, Томск, Минск). С 1923 г., несмотря на ликвидацию разрушительного процесса и начавшееся строительство, скученность населения продолжала усиливаться по всей линии, что показывает следующая примерная таблица:[1]

Средняя жилая площадь на душу (в кв. арш.)

города	Средня жилая площадь на душу в квадр. аршинах				
	1913 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Москва	14,7	12,0[2]	11,0[3]	10,5	10,1
Свердловск	19,2	11,2	10,6	9,3	9,9
Харьков	—	12,4	—	—	11
Ростов-на-Дону	—	11,1	—	—	10
Минск	—	15,6	—	—	11
Иваново-Вознесенск	—	11,5	—	—	8
Баку	—	10,6	—	—	9,2
Нижний Новгород	—	11,7	—	—	10

Бедствия скученности проявятся еще яснее, если мы от средней жилой площади перейдем к площади на 1 жителя по группам квартир. Здесь мы увидим, что она сильно падает для жителей одной комнаты, например, на окраинах Нахичевани — до 6,4, в Азове — до 6,9, в Миллерове — до 6,2 и т. д.[4] При этом степень изоляции граждан очень мала, и они, вопреки требованиям гигиены, входят в тесное со-

---

[1] Там же, стр. 63 — 64. Благодаря опечаткам, цифры приходится исправлять на основании данных ЦСУ. Так, для Нижнего-Новгорода показана цифра 17,7, а надо 11,7, для Свердловска 1923 г. на 63 странице показана цифра 10,6, а на 64 странице — 11,2 (первая верна). Весьма сомнительны (повидимому, преуменьшены) и цифры о Москве.

[2] Другие данные говорят о 13,5.

[3] По другим данным, цифра — 14 (см. П. В. Сытин, Коммунальное хозяйство Москвы, М., 1926).

[4] Города Донской области, стр. 40.

прикосновение друг с другом, что видно из следующей таблицы, приводимой, в виде примера, для городов Донской области. [1]

Распределение квартир по населенности (в процентах).

Название городов и поселений городского типа	Квартиры, в коих на одну комнату приходится:							
	1 жит. и менее		более 1, до 2		более 2, до 5		более 5 жителей	
	квартир.	жит.	квартир.	жит.	квартир.	жит.	квартир.	жит.
Ростов { все районы	9,4	4,1	40,6	35,1	43,9	49,6	6,1	11,2
Ростов { окраины . . .	6.4	2,5	17,9	8,9	57,7	48,7	18,0	39,9(!)
Нахичевань	7,0	3,0	31,1	25,5	48,9	53,1	11,0	18,4
Новочеркасск	27,1	15,9	43,3	43,1	26,5	32,7	3,1	8,3
Азов	10,8	4,9	29,7	23,4	48,7	53,5	10,8	18,0
Морозовская	7,1	3,9	29,2	21,4	54,0	60,2	9,7	15,5
Миллерово	4,5	1,6	23,7	15,9	54,8	55,5	17,0	27,0

Данные о других городах СССР аналогичны. Все они свидетельствуют о крайней и все растущей тесноте городской жизни, которая сталкивается с рациональными требованиями гигиены, комфорта, социального быта, свободы передвижения. Явление это стихийное, т. е. капиталистического происхождения, и в корне противоречит принципам социализма, ибо последний между прочим мыслится как планомерное и наилучшее использование жизненных сил трудового населения.

К таким же отрицательным признакам советского города относятся явления безработицы в больших городах, вызванные аналогичной причиной, а именно приливом рабочего населения в индустриальные центры. В эпоху военного коммунизма безработицы не наблюдалось, но труд был крайне непроизводительным. В годы нэпа, наоборот, производительность труда непрерывно возрастала, но в крупных и некоторых средних городах появляется безработица, достигшая к 1923 г. почти 10% городского населения, несмотря на энергичный процесс восстановления промышленности. Все усилия целого ряда учреждений были мобилизованы к борьбе с этим явлением. В 1923 и 1924 гг. до двадцати городов организовали планомерные общественные работы. В 1925 и 1926 гг. такие же массовые работы были предприняты в Москве и Ленинграде. Облегчены условия для частного найма, организованы правильный учет и распределение безработных через биржи труда, устроены коллективы безработных и общежития для них, проведена выдача безработным денежного пайка через страхкассы. Однако и в настоящее время городская безработица не ликви-

[1] Города Донской области, стр. 42.

дирована.[1] Она упорно фигурирует в дебатах и отчетах гор. советов, и чем успешнее проводится в данном городе привлечение населения к работам, тем все больше усиливается приток туда новых трудовых сил.

В тесной связи с тем же приливом в города рабочего населения находится и эволюция городской д и н а м и к и, т. е. движения во всех его видах. Объективные показатели этой динамики, принятые в Западной Европе и Северной Америке, т. е. учет использования механических орудий транспорта — метрополитенов, трамваев, автобусов, автомобилей, — свидетельствуют о том, что в этом отношении советские города еще не достигли дореволюционного уровня. По цифрам 1925 г., число перевозимых на трамваях пассажиров колеблется в большинстве случаев от 20 до 80% довоенного, и лишь незначительное количество городов доходит до 100% и более (Москва, Нижний-Новгород, Тверь, Харьков); автомобильное движение (кроме Москвы) фигурирует еще только как исключение, а автобусы хотя и введены в ряде городов, но в далеко не достаточном количестве. Однако в данном случае сравнительно низкий уровень соответствующих показаний говорит не об уменьшении с п р о с а на механическое передвижение, а лишь об уменьшении п р е д л о ж е н и я благодаря изношенности инвентаря, подвижного состава, недостатка в вагонах, машинах и т. п., и повышение коэффициента переполнения вагонов об этом наглядно свидетельствует. Как известно, сумма и интенсивность движения в городе прямо пропорциональны количеству жителей и сумме их меновых потребностей в ш и р о к о м с м ы с л е. Между тем усиленный прилив населения в крупные центры СССР и небывалое привлечение трудовых масс к общественной работе несомненны; поэтому динамичность советских центров бесспорно растет, несмотря на мнимый, чисто кажущийся ее упадок. Москва, например, уже стоит перед проблемой разгрузки уличного движения так же, как и заграничные центры, а «контрольные цифры» предвидят в ней к 1928 г. трамвайный кризис.

Переходя, в заключение, к вопросам о з е м е л ь н о й п л о щ а д и с о в е т с к о г о г о р о д а в п р е д е л а х с е л и т е б н о й ч е р т ы и е г о з е м е л ь н о г о ф о н д а в н е э т о й ч е р т ы, мы видим, что здесь Октябрьская революция провела важнейшие нововведения р е ш а ю щ е г о с о ц и а л ь н о г о з н а ч е н и я. Вся земля, находящаяся под городскими постройками, была изъята из частной собственности и, будучи национализированной, целиком передана в пользование городов как государственных, т. е. коммунальных, единиц. Общая стоимость этой земельной городской площади в СССР исчисляется приблизительно в 4 миллиарда золотых рублей. Таким радикальным актом, немыслимым при капиталистическом строе, сразу разрешен целый ряд социально-экономических проблем в урбанизме, а именно: 1) открыт свободный путь к перепла-

---

[1] По данным К о в з а л л и Р у б и н а (см. Диаграммы труда, М., 1927 г.), летом 1925 г. в СССР было всего около 650 тыс. безработных, из коих 150 тыс. приходилось на Москву и 50 тыс. на Ленинград (в средних и круглых цифрах).

нировке городов, 2) в значительной степени ликвидирован вопрос о городской земельной ренте и росте ее в руках частных собственников, 3) уничтожена возможность земельной спекуляции в городах и 4) открыты широкие перспективы к использованию внутреннего земельного фонда для улучшения муниципальных финансов. Одновременно отчасти муниципализированы и отчасти национализированы все дома и постройки, приносившие сколько-нибудь значительную частнохозяйственную прибыль, что еще усугубило значение вышеупомянутой муниципальноземельной реформы. Социальные, экономические и фискальные последствия двух последних актов неисчислимы, но к настоящему времени они еще мало успели сказаться, поскольку лишь только нащупывается «модус» их использования и отсутствуют оборотные средства, для того необходимые.

Иначе обстояло дело с землями, расположенными вне селитебной черты. Здесь интересы городов в первые годы революции столкнулись с стремлениями крестьянских землеустроительных органов, и все громадное значение свободного земельного запаса, необходимого для расширения городов и планировки окраин, для использования этого запаса в смысле образования лесной и сельскохозяйственной зон и т. п. — оставалось долгое время невыясненным. В результате, начался процесс о б е з з е м е л е н и я г о р о д о в, что видно из следующих цифр. В 1917 г. 91 обследованный город обладал 221,8 тысячи десятин, в 1921 г. — 169 тысячами и в 1923 г. — только 115,9 тыс. десятин, причем, например, Севастополь потерял половину своей земли, а Меленки (Владимирской губ.) даже всю землю. Однако этот диссолютивный процесс уже в 1923 г. был успешно остановлен в результате издания ряда законов, циркуляров ГУКХ и землеустроительной работы коммунальных органов. Последние в 1923—1926 гг. спешно определяли городскую черту, проводили ее в натуре и таким образом закрепляли за собой, на основе Земельного кодекса, необходимый земельный фонд. За то же время целый ряд городов отвоевал обратно утраченные земли, и вновь наделены землей многие безземельные города (Темир, Порхов, Тихорецкая и друг.) [1]

Резюмируя сказанное, мы видим, что советский город в одних из отмеченных признаков, как-то: упрощение классовой структуры, смягчение социального неравенства, ликвидация иерархии жилищ, городской ренты и земельной спекуляции, национализация земель и части домовладения, не говоря уже о таких общих экономических преобразованиях, как развитие кооперации за счет частной торговли и т. д., и д е т п о л и н и и с о ц и а л и с т и ч е с к о г о с т р о и т е л ь с т в а и достигает неизменных успехов, подгото-

---

[1] В СССР к 1925 г., по данным НКВД, на 538 обследованных городов приходилось 1 733 700,7 десятины общей земельной площади, т. е. в среднем 3 223 десятины на один город, из коих 16,9% падало на селитебную и 8,31% на внеселитебную (сельскохоз.) площадь. Н. К о к ш а й с к и й после детального анализа всего материала обследования приходит к выводу, что горсоветы в настоящее время обладают достаточными земельными ресурсами для рационального планирования городов и правильной жилищной строительной политики. (См. «Ком. Дело», № 15 — 16 1926 г.)

вляя зарождение новых урбанистических форм. В этой части он несомненно является п р о о б р а з о м грядущего социалистического поселения.

Наоборот, в других своих признаках, как-то: неурегулированный рост населения, увеличение скученности и жилищной тесноты, неликвидированная безработица, «неудовлетворенная» уличная динамика и т. п., советский город почти всецело еще подчинен власти социальной стихии капиталистического происхождения, и борьба с явлениями, порожденными этой стихией, отнюдь не сопровождается желанным успехом, причем создался тупик, из которого выхода пока еще нет. [1]

Все сказанное, казалось бы, властно выдвигает недоуменный вопрос: долго ли предстоит городу переходного периода расти, аккумулируя в своих тесных пределах население страны подобно капиталистическим городам? Или, наоборот, явление это временное, и история, т. е. объективные условия, в конце концов заставит его по возможности разгружать свою промышленность, приближая ее к деревне, планомерно индустриализировать и кооперировать эту деревню, — одним словом, создавать тот синтез между городом и деревней, без которого, по мнению В. И. Л е н и н а, социалистическое будущее не мыслится. Решению этого кардинального вопроса поможет нам анализ создавшихся условий в данной области за границей, чему будет посвящен следующий раздел.

2. ПРИЗНАКИ НОВЕЙШЕЙ ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ В МИРОВОМ УРБАНИЗМЕ

Проблема будущего города, или, точнее, будущего типичного п о с е л е н и я, принадлежит к числу самых интересных, но одновременно и самых сложных вопросов урбанистической теории. Ясно, что при современном состоянии общественных наук формулировать какие-либо конкретные выводы в этом отношении, выступать с определенными предсказаниями, а тем более давать точные даты или детальные характеристики будущего города было бы не только рискованным, но в высшей степени ненаучным. Самое большое, что можно сделать в пределах данной проблемы, — это уловить «тенденцию развития». Многие найдут, вероятно, и эту последнюю задачу недостаточно подготовленной. Во всяком случае, в виду чрезвычайной важности для городского хозяина вообще, а особенно для коммунального работника СССР, проводящего перспективное планирование, п р е д в и д е т ь

---

[1] Один из лучших наших специалистов по жилищному вопросу пишет следующее: «До санитарного минимума жилой площади городскому населению РСФСР не хватает около 7 млн кв. сажен, а в переводе на кубатуру стройки — 20 млн кубич. сажен, стоимостью по самым умеренным подсчетам в три миллиарда рублей. А если принять во внимание, с одной стороны, прирост населения, по крайней мере, в 2% ежегодно, а с другой — изнашивание жилищ — не менее 1% в год, то для удовлетворения населения жилищной нормой пришлось бы ежегодно строить на 700 млн рублей. Цифра совершенно нереальная для намечения какого-либо плана финансовых мероприятий и строительства. Слишком уже большое расстояние между этой цифрой и нашими хозяйственными финансовыми возможностями» (Д. Ш е й н и с, Очередные задачи в жилищном деле, «СКР», 1925 г., стр. 147).

направление дальнейшего развития современного населенного пункта, мы постараемся наметить хотя бы вехи, по коим может и должно подвигаться соответствующее исследование на основе строго объективного анализа фактов.

Как неоднократно указывал Карл Маркс, «в отживающем строе, еще задолго до революционного взрыва, накапливаются эволюционным порядком те изменения и противоречия, которые подготавливают и предопределяют будущий диалектический переворот». Этот общий вывод, оправдываемый многими историческими примерами, не может не относиться и к сфере урбанизма, поскольку город составляет неотъемлемую часть целой народнохозяйственной системы. В частности, мы уже рассмотрели эпоху, подготовившую переход города средневекового к городу капиталистическому: внутреннее содержание последнего зрело в течение двух-трех столетий, но было сковано старой политической формой, с которой французская революция справилась в короткий срок. Трудно сомневаться в том, что, по примеру миновавших эпох, и в наше время будущее социальное содержание зреет под оболочкой существующих государственных форм. По крайней мере растущие из года в год в капиталистических странах экономические противоречия, финансовые тупики, политические конфликты, острое недовольство социальных низов и падение морального критерия у верхов, беззаботно справляющих «пир во время чумы», — одним словом, весь горячечно-конвульсивный характер современной жизни указывают на какую-то глубокую дисгармонию отношений, на вулканическую подпочву действующей системы, причем гроза мировой войны не только не прочистила атмосферу, но еще сугубо нагромоздила на путях капитализма новый горючий материал. Ясно, что не только СССР, но и целый ряд капиталистических государств, сами того не сознавая, в сущности уже вступили в переходную эпоху, и мы должны рассмотреть те признаки происходящих изменений, которые относятся к поставленной проблеме.

На первом плане исследования здесь стоит, как и всегда, производственный базис. Мы показали, что современный типичный индустриальный центр возник, кристаллизовался и вырос вокруг грузной и неподвижной паровой машины и двигателя внутреннего сгорания с его коротким передаточным механизмом: только в непосредственной близости от них могли сосредоточиться многочисленные жилища рабочих, технических руководителей и хозяев предприятий, обрастающие затем густыми кольцами поставщиков, торговых посредников, агентов транспорта.

Так вот следует констатировать прежде всего, что этого основного городообразующего фактора в настоящий момент более не существует. Исполнительная часть машины, т. е. рабочий механизм, теперь может быть отделена от двигателя, так как передаточные ремни, валы и цепи заменяются без всяких затруднений простым электрическим проводом, доставляющим электрическую энергию на любое расстояние. Промышленность, впервые зародившаяся в деревне в виде ремесл и кустарных промыслов, перекочевала в города, которые в свое время концентрировали и централизовали обрабаты-

вающее производство, теперь же она вновь готова вернуться в деревню. По крайней мере такой возврат сделался технически в о з м о ж н ы м благодаря свойствам, присущим электрической трансмиссии.

С легкой руки В. И. Л е н и н а сейчас уже сделалось общим местом утверждение,[1] что если паровая техника является техникой капиталистической эпохи, то электрическая техника всецело принадлежит социализму. Подобное утверждение, в столь широком его значении, конечно, относится скорее к разряду гениальных интуиций, чем научно обоснованных выводов, но во всяком случае решающее влияние электрификации на коренные условия урбанизма трудно отрицать. Мы уже объяснили, что электрификация сельского хозяйства гонит земледельцев в индустриальные центры, так как она сокращает переменный капитал, т. е. количество рабочей силы, потребной для земледельческого производства. Однако, с другой стороны, та же электрификация г о р о д с к о й промышленности всемерно способствует переселению последней в деревню; она в состоянии индустриализировать деревню не только в смысле индустриализации одного лишь сельского хозяйства, но и в смысле широкого распространения в деревне машинной обрабатывающей промышленности. Одним словом, с производственной точки зрения, существование отдельных агломераций населения в виде городов делается отныне излишним. Ц е н т р о с т р е м и т е л ь н а я р о л ь п а р о в о й м а ш и н ы с м е н я е т с я ц е н т р о б е ж н о й р о л ь ю э л е к т р и ч е с т в а.

Этот вывод следует запомнить, так как он является твердой исходной базой для дальнейших соображений.

Чтобы конкретнее убедиться в сказанном, рассмотрим фабрику последних лет в картинном описании ее современного исследователя.[2] «Мы входим в большую рабочую залу, крыша которой покрывает пространство в 20 675 кв. метров и которая представляет из себя одну из самых больших машиностроительных мастерских современности. Нигде нет ни одного передаточного вала, нигде нет ни одного ремня в смысле старых трансмиссий. Движущая сила притекает незримо, почти вне пространства, к отдельным машинам, без всяких внешних признаков, нематериально, почти как мысль, как волевой импульс, наполняя колоса механической энергией. Вместо цепей и ремней, по тонким проволокам и кабелям, искусно скрытым в узорах колонн, струится через помещение напряженный, насыщенный массами энергии эфир. Каждая рабочая машина имеет свой собственный мотор, вделанный в ее железное основание, и притом так, что он почти незаметен; импульсы движения притекают к ней через особые нервы в форме проволочных шнуров, которые легко переносятся и таким образом позволяют любую перемену места. Это — триумф электрического двигателя».

---

[1] См., напр., работы К р ж и ж а н о в с к о г о и особенно С т е п а н о в а (Электрификация РСФСР, ГИЗ, 1923, стр. 125 — 130).

[2] Б е с с о н о в, Современная фабрика, М., 1925, стр. 8 — 12.

«И еще в другом направлении меняется характер мастерской: все движется. Самая тяжелая рабочая машина более не привязана к полу. Она ничем более не отличается от инструмента, от напильника, от клещей, так как, несмотря на то, что она обладает титанической силой, один нажим человеческой руки может поднять ее при помощи крана; картина мастерской может быть целиком перестроена, может быть приспособлена к обработке нового продукта, к новому плану производства. Могучие краны играючи поднимают вверх рабочую машину и вставляют ее в новое поле труда. Стоит только вставить конец проволочного шнура в маленький штепсель, — и рабочая машина оказывается снова включенной в живительный круг электрического тока. Ранее это было немыслимо; только сумасшедший руководитель предприятия мог бы решиться снять тяжелые машины с их фундамента, оторвать их от передаточных валов, прочность и мощность которых была рассчитана как раз для этих маших, но не для других. Ныне достигнута изумительная гибкость».

К приведенной цитате надлежит добавить, что с той же легкостью электрический ток, а вслед за ним и каждый исполнительный механизм могут быть легко переброшены на 10, 100, 1 000 верст в любом направлении, отвлекая туда рабочих, т. е. основную часть населения индустриального центра.

Упомянутая идея борьбы с пространством и победа над расстоянием с ее децентрализующим, чисто центробежным воздействием, как порождение быстро развивающегося транспорта и мирового обмена, далеко не ограничивается областью одного только материального производства, но пронизывает насквозь всю цивилизацию последних лет. Демократический театр нашего времени — кинематограф — позволяет следить за игрой и мимикой мировых артистов с тем же успехом в ничтожном населенном пункте, как и в Лондоне или Москве. Радиотелеграфические установки разносят по всем градам и весям камерный концерт или оперу столицы, лекцию выдающегося профессора или выступление политического деятеля. Граммофон, фонограф и другие инструменты воспроизводят и закрепляют в сотнях тысяч валиков талантливое музыкальное исполнение. На очереди—телевизия, т. е. передача изображений на расстояние. Феноменальное развитие печати, сравнительная дешевизна книг и газет, новые методы внешкольного образования до некоторой степени позволяют получать даже высшее образование не только в университетском центре, но и в скромном провинциальном уголке. Наконец, самый рафинированный сервис теперь проникает в любое захолустье. Таким образом мировой город постепенно теряет свою монополию на искусство, науку, утонченное развлечение, рафинированное потребление, а интеллектуальные и культурные ресурсы небольшого поселения соответственно возрастают. Одним словом, с технической точки зрения, децентрализация стоит в порядке дня.

Возникает второй, не менее важный вопрос: если т е х н и ч е с к и разгрузка крупного города сделалась возможной, то допускают ли ее экономические условия? В экономической и урбанистической литературе уже с начала XX столетия установился правильный взгляд,

что эти условия теперь не только «допускают» разгрузку, но и б л а г о п р и я т с т в у ю т ей. Уже давно миновали времена, когда заработная плата была ниже в большом городе, чем в мелком поселении, и когда доступные цены на городскую землю и сравнительно небольшая рента городских земель побуждали капиталистические предприятия концентрироваться преимущественно в крупных центрах. Как известно из политической экономии, средний уровень заработной платы определяется минимумом средств существования рабочих. Цена рабочей силы не может надолго опускаться ниже минимального стандарта трудовой жизни. Между тем продукты питания и жилище рабочего стали значительно выше в крупном центре, чем в более мелком поселении, в результате чего необходимая стоимость в первом повышается, прибавочная же стоимость, выжимаемая капиталистами, соответственно должна падать, и, следовательно, крупногородскому капиталисту труднее удержать на желательном для него уровне норму эксплуатации, чем капиталисту вне города. Наконец, социальная сила сопротивления рабочего класса, играющая свою роль в высоте заработной платы,[1] как правило, значительнее в большом городе, чем в деревне, где организующее влияние профессионального движения выражено гораздо слабее. С другой стороны, все растущая городская рента и капитализированная рента, т. е. цена городской земли, стала подчас недоступной даже для сравнительно мощных предприятий в тех случаях, когда они требуют более или менее обширных земельных территорий. Поэтому выгоды, проистекающие от пребывания предприятий в крупном центре, теперь уже часто не покрывают излишних расходов, вызываемых последним, тем более, что научные силы и высококвалифицированный труд, имеющие свою резиденцию в крупных центрах, в настоящее время легче привлекаются за город, чем это было раньше, благодаря все более совершенным и дешевым средствам сообщения и передвижения, и 2) близость финансовых и кредитных учреждений утратила свое решающее значение в виду развития телеграфных, телефонных, ускоренных почтовых и воздушных сношений.

Целый ряд фактов, повидимому, подкрепляет этот логический вывод.

«На всем массиве Дофинэ и по всему Альпийскому массиву, — говорит Г а н о т о,[2] можно встретить значительные фабрики, расположившиеся по всем углам и закоулкам страны, которая несколько лет назад жила очень бедно. Теперь она преобразовывается на наших глазах: деревни богатеют, хижины превращаются в дома, самые маленькие деревушки освещены электричеством, на каждом шагу стоят столбы с электрическими проводами, а электрические трамваи снуют по долинам и взбираются на горы». По свидетельству Д ю б у а и Ж ю л е н а, число ткацких станков уменьшается в Сент-Этьенне

---

[1] Известно, что К. М а р к с, отвергая «железный закон заработной платы» Ферд. Л а с с а л я, допускал возможность с о п р о т и в л е н и я со стороны пролетариата как фактора изменения среднего уровня зарплаты.

[2] G. H a n o t a u x, L'énergie Française, Paris, Flammarion éd., 1921.

и других городах и увеличивается в окрестных деревнях.[1] Шелковая ткацкая промышленность Франции, которая в XIX веке была чисто городской промышленностью, сосредоточенной в Лионе, по словам Вандервельде, рассеивается, переходит за пределы города, появляется в ближайших деревенских общинах, а затем последовательно во многих департаментах. Из Женевы часовое производство распространилось по всем сельским местностям кантонов Берна и Невшателя. Даже в Манчестере целый ряд ткацких и прядильных фабрик был перенесен в соседний Штокпорт, причем была понижена зарплата, а после того как этот населенный пункт сделался сам крупным центром, фабрики перешли еще далее в деревню, и заработная плата еще уменьшилась. Э. Хоуард в своем докладе на конференции Garden-City Association перечислил целую серию случаев перенесения крупнейших фабрик из больших городов в деревню или поселки.[2] То же движение захватывает и Германию. В сельских местностях, примыкающих к Кельну, Дюссельдорфу, Аахену, население увеличивается еще быстрее, чем в самых городах. О Вестфалии прусское статистическое бюро категорически говорит, что «чисто промышленное население живет там по преимуществу в деревне». Даже в Соединенных штатах, где города продолжают быстро расти, обнаруживается тенденция переброски части промышленности в деревню. Так, Вебер указывает, что из 65 железоплавильных заводов Нью-Йорка около 50 переместилось в Бруклин и дальше в местности, расположенные по реке Гудзону, и в Нью-Джерсей. Знаменитый лидер американских капиталистов Г. Форд, отрицая необходимость больших централизованных фабрик, высказывается за устройство небольших промышленных предприятий в поселениях соответствующих размеров.[3] Эти факты, приведенные в виде примеров, за отсутствием исчерпывающей статистики, могут быть подтверждены впечатлениями путешественников. Все, кто объезжал области западной Германии, Бельгии, восточную часть Соед. штатов и т. д., знают, что зеленеющей деревни с ее простором полей и лугов там уже нет: поезд то-и-дело проезжает через лес дымящихся труб и густо населенную, сплошь индустриализированную территорию. Грани между городом и деревней с каждым годом стираются все больше и больше.

Таким образом мы видим, что как современная техника, так и экономические отношения перестают содействовать большим городам, благоприятствуя, наоборот, их расселению.

---

[1] Dubois et Julin, Les moteurs électriques dans les industries à domiciles, p. 235, Bruxelles.

[2] Так, шоколадная фабрика Садвичу перенесена из Бирмингама в Борнвиль, фабрика мыла Sunlight из Ливерпуля в Порт-Сэнлайт; фабрика фотографических аппаратов Кодак и фабрики компании Вестингауз основались в деревенских местностях и т. д.; см. E. Howard, Garden-cities manufactures and labour, Report of Proceedings, p. 50 — 51, L., 1902.

[3] Д. Протопопов, Лекции по жил. вопросу, глава Города-сады, стр. 2, 1926 (рукопись).

В том же направлении децентрализации и обратной тяги в деревню, уже коренным образом измененную, начинают действовать и многие отрицательные стороны больших городов.

Схематически резюмируя соответствующую урбанистическую литературу, [1] мы перечислим эти недостатки, которые жизнь с каждым годом подчеркивает все сильней и сильней.

1) Трудовое население, как правило, живет в многоэтажных каменных домах с узкими и тесными дворами, при сильной скученности, доходящей до 20 — 30 угловых жильцов на одну комнату.

2) Недостаток солнца на улицах и дворах; в нижние этажи домов солнце вовсе не проникает.

3) Недостаток растительности: городской житель искусственно оторван от природы.

4) Воздух в рабочих кварталах отравлен дымом, пылью, копотью и вредными газами.

5) Результат: усиленная детская смертность и постепенное вырождение человеческого организма (наследственные туберкулез, рак, рахитизм, неврастения, малокровие). Низкие средние цифры смертности, достигнутые большими городами, благодаря санитарным мероприятиям, не убедительны, так как они объясняются благосостоянием имущих классов, в массе живущих в городе, цифры же смертности городского рабочего населения (в среднем приблизительно 30 на тысячу) выше, чем в деревне (около 20 на тысячу).

6) Дороговизна жизни: высокие цены на продукты питания, жилище и отопление.

7) Продовольственные затруднения: город в этом отношении беспомощен и всецело зависит от правильной доставки продуктов питания, что сказывается гибельно в катастрофические моменты; снабжение здоровым молоком и скоропортящимися продуктами стихийно и чаще всего неудовлетворительно.

8) Транспортные затруднения, изнашивающие организм; в частности место ночевки, как правило, находится на далеком расстоянии от места работы.

9) Воспитание молодого поколения рабочих ненормально, что в связи с тяжелым материальным положением приводит к хулиганству, нищенству, проституции и другим специфически городским порокам.

10) Особенно резкие общественные контрасты и социальное неравенство.

11) Чрезмерная растрата человеческих сил, вызываемая всей конъюнктурой городской жизни и все более интенсивной борьбой за существование.

---

[1] Дамашке, Задачи городского хозяйства; Вандервельде, Бегство из деревни и возвращение к полям; Эб. Хоуард, Города будущего; Д. Протопопов, Лекции по жил. вопросу; М. Курчинский, Муниципальный социализм и развитие городской жизни; Б. Кнатц, Города-сады; А. Рыкачев, Идейная переоценка города и деревни; П. Кропоткин, Земледелие, фабрично-заводская промышленность и ремесла; В. Карпович, Рост городов и достижения Запада в области раб. строительства; Форд, Моя жизнь и работа и др. Подробный разбор условий городской жизни дается в соответствующих главах моего специального курса.

Общий вывод: работники крупного города больше расстрачивают энергии, чем сберегают ее, и город меньше дает трудовому классу, чем берет от него; отсюда — растущая неудовлетворенность городской жизнью и возникновение тяги за город.

В конечном результате вся совокупность технических, экономических и прочих условий начинает способствовать децентрализации и центробежным устремлениям. Большой город последних лет обнаруживает тенденцию к разгрузке своих центральных кварталов и к приостановке роста населения в пределах своего более широкого основного ядра. Правда, большие города продолжают расти, как уже указывалось, посредством инкорпорации своих хаотически развивающихся пригородов и предместий, т. е. стремятся сохранить свое содержание и лицо, присоединяя к себе часть индустриализированной деревни. Однако это стихийное расползание только усиливает дефекты города-гиганта: транспортные трудности еще намного увеличиваются; дороговизна жизни, в связи с распространением городской ренты, земельной спекуляции и увеличением налогов, захватывает все более многочисленные группы поселений; благоустройство и планировка вновь инкорпорированных пространств, застроенных кое-как и без плана, требует непосильных расходов, приводя к непомерно высокой муниципальной задолженности. Положение для трудового населения становится нестерпимым и властно требует выхода.

Начавшийся еще с конца прошлого столетия процесс городской децентрализации в связи с ростом пригородных поселений может быть иллюстрирован следующими таблицами.[1]

Лондон (население в тысячах).

Годы	Графство	Сити	Окраины	Большой Лондон
1801	959,3	128,1	155,3	1 114,7
1851	2 363,3	127,8	317,6	2 680,9
1911	4 523,0	19,7	2 730,0	7 253,0

Вена.

Участки	1869	1910
1-й участок (внутренний город)	63 901	53 100
Видден (торговая часть)	69 505	62 938
Фаворитен (окраины)	5 500	152 397
Оттакринг „	31 362	177 627
Вся Вена	879 430	2 031 498

[1] Таблицы, касающиеся Лондона, Вены, Парижа, заимствованы из статьи С. Загорского «Рост современных городов» (Энц. сл. Гранат, стр. 3 — 9), а таблицы, касающиеся Берлина и Лейпцига, из статьи Hellmuth Wolff «Citybildung» (Handwörterbuch der Kommunalwissenschaften, Jena, Erster Band, S. 516 — 517).

Берлин (без пригородов).

Годы	Общее количество жителей	Население центральн. квартал.
1880	1 123 749	145 229
1890	1 578 516	126 494
1900	1 888 848	100 914
1910	2 070 695	95 279

Париж.

Участки	Население (в тыс.)		Увеличение или уменьшение в %
	1861	1896	
Внутренние:			
1. Лувр	89	65	— 25
2. Биржа	81	67	— 18
3. Темпль	99	88	— 12
4. Городская дума	108	98	— 10
Окраины:			
1. Вожирар	56	135	+ 137
2. Пасси	36	103	+ 182
3. Монсо	75	185	+ 162
4. Монмартр	106	228	+ 111
Весь Париж	1 668	2 537	+ 42

Лейпциг.

Годы	Весь Лейпциг	Внутренний горсд
1890	354 899	20 840
1900	469 271	16 609
1910	571 292	11 587

Послевоенная литература [1] указывает на еще более интенсивный ход указанного процесса децентрализации за последние годы: в центре городов остаются, если не считать швейцаров и сторожей, исключи-

[1] Работы Sigmund Shott, Willy Lesser и др.

тельно одни учреждения с «дневным» населением служащих и руководителей, количество коих увеличивается из года в год. Этому дневному населению приходится чаще всего приезжать издалека, загромождая в утренние и в послеслужебные часы городские артерии сообщения.

Резюмируя сказанное, мы видим, что целый ряд факторов, действующих солидарно в одном направлении, приводят в последние годы к двухстороннему процессу: деревня, индустриализируясь, приближается к городу, но отнюдь не сливается с ним, а город, децентрализуясь, тянется к деревне, частично захватывая ее в свою сферу. Процессы эти в большинстве случаев происходят стихийно, дезорганизованно, причем массового выхода из все более тяжелого положения еще не найдено. Впрочем, как мы увидим в следующем отделе, в недрах урбанизма уже зародилось здоровое планировочное движение, получающее кое-где частичное осуществление, несмотря на его несоответствие существующей народнохозяйственной системе.

3. ГОРОДА - САДЫ КАК ГОРОДА БУДУЩЕГО

В 1902 г. скромный парламентский стенограф в Англии Эбенизер Хоуард,[1] дотоле никому неизвестный, выпустил книгу «Города будущего» (точный перевод: «Города-сады завтрашнего дня»), которой было суждено составить эпоху в вопросах планировки, строительства и жилищном в городах. Названная книга была вскоре переведена на все главные европейские языки, имела широкий успех и повела в нескольких случаях к реализации идей автора на деле. В разных странах возникли «общества городов-садов», были выпущены многочисленные исследования по данному типу городов, читались соответствующие лекции, и во вновь созданные согласно планам Хоуарда населенные пункты стекались экскурсии со всего мира. Успеху нового движения сильно способствовал факт быстрого развития вновь построенных городов-садов и ничтожная в них смертность.

Нельзя сомневаться в том, что причиной столь исключительного успеха послужили не достоинства самой книги, лишенной строго научного значения, а то обстоятельство, что Хоуард затронул давно наболевший социальный вопрос и выразил заветные стремления исстрадавшегося городского населения. Естественно, что движение зародилось в Англии, где вырождение сельской жизни и односторонняя гипертрофия городов уже давно возбуждали опасения и тревоги. Понятно, что многие англичане сделались ревностными прозелитами учения Хоуарда, так как английская нация всегда отличалась любовью к природе и к домашнему уюту (home, sweet home). Об этом живо свидетельствуют, например, многочисленные лондонские общества друзей природы, любителей цветов и т. п., обилие парков в английской столице, украшение розами даже городских общественных уборных.

---

[1] Ebenezer Howard, The Garden-Cities of to-morrow, 1902. Русский перевод А. Ю. Блоха «Города будущего», Спб., 1911 г. В первом издании книга вышла в 1893 г. под названием «To-morrow».

Идея Хоуарда отчасти соответствовала уже зародившейся в то время тенденции развития населенных пунктов, которая принимала, однако, уродливые формы благодаря господствующей «экономической» системе. Она заключалась в сочетании положительных сторон как городской, так и деревенской жизни, при устранении их недостатков. Хоуард так формулирует свою идею: «В городе — отсутствие природы, испорченный воздух, туманы или сушь, отдаленность места работы, дороговизна жизни, трущобы и кабаки, но зато развитая интеллектуальная и общественная жизнь, высокая заработная плата, обилие развлечений, роскошные здания-дворцы и хорошо освещенные улицы»; в деревне — «отсутствие общества, работы, развлечений, дренажа, но зато красота природы, яркое солнце, свежий воздух, изобилие воды, низкая рента. В городе-деревне или городе-саде, созданном по сознательному плану, должны быть все достоинства (магниты), но не должно быть ни одного из отличительных дефектов двух противостоящих друг другу типов поселений.

По этому поводу заметим прежде всего, что «город-сад» — едва ли удачный термин, хотя он уже успел повсеместно получить право гражданства и тем создать среди непосвященных ряд недоразумений. Автором «городов будущего» предусматривалась радикальная и широкая социальная реформа, а вовсе не одно сочетание города и сада, в чем некоторые убеждены до сих пор. В садах утопают многие из наших южных городов, как, например, Полтава, Новочеркасск, Абастуман, но ничего общего с проектом Хоуарда они не имеют.

Таким образом, термин, выдвинутый Хоуардом,[1] имеет двоякое значение: неточное, т. е. «город-сад» в широком смысле, и точное, т. е. «город-сад» в узком смысле, а именно «город-деревня». В первом смысле городами-садами теперь часто совсем неправильно называют обыкновенные города с преобладанием мелкого строительства (т. е. с домами не выше двух этажей) и обилием зеленых насаждений. Более правильно так называются: а) рабочие поселки, надлежащим образом распланированные и благоустроенные, обильно снабженные зеленью, но входящие в пределы ведомства другого города, а также пригородные и рационально распланированные дачные поселения. Такие «пригороды-сады», не имеющие самодовлеющего социально-экономического значения, но здоровые и удобные для жизни, в массе строятся теперь в Англии, Германии,[2] Бельгии, Соединенных штатах, Австралии и т. д. Все они отличаются тремя существенными признаками: 1) ра-

---

[1] Д. Д. Протопопов утверждает, что неудачный термин «город-сад» был изобретен в Америке и часто служит там для целей рекламы.

[2] Напр., Hüttenau в Руре, Hellerau близ Дрездена, Margarethenhöhe близ Эссена, Marienbrunn близ Лейпцига, Hupfengarten близ Магдебурга, общим числом 24 и с количеством домов до 364 в каждом поселении (см. H. Kampfmeyer, статья «Gartenstadt» в Handw.). В Англии одним из лучших пригородов-садов является Хемпстед (площадь 250 гектаров, 1 550 построек, 5 000 жит., 20 домов строится на гектаре, арендная цена жилого помещения 12 — 85 руб. в мес.). Следует отметить также Брентам и Уелеблей вблизи Лондона, Херборн около Бирмингама, Уеветри около Ливерпуля и чисто фабричные колонии, выстроенные по типу пригородов-садов Борнуилль и Порт-Сэнлайт.

циональная планировка, 2) обилие зелени и 3) мелкое строительство (коттэджи на 4 — 10 человек).

Что же касается «городов-садов» в узком смысле, то их построено всего два — невдалеке от Лондона: Лечуорс и Уельуин, возникший после войны, но они сильно отличаются как от современного города и его природных поселков, так и от деревни следующими своими существенными признаками, включая притом обязательно и признаки, свойственные городам-садам в широком смысле: 1) самоцельность, т. е. самодовлеющее экономическое значение названного поселения, которое выражается в непременной наличности в нем как фабрик и заводов, так и сельскохозяйственных средств производства; 2) муниципализация всей земли под городом-садом, — частной земельной собственности в нем нет; 3) самостоятельное городское самоуправление; 4) заранее установленные площадь, план и населенность города-сада (не свыше 50 тыс. жителей); 5) дешевая, сравнительно с городской, земля (ибо она выбирается в сельской местности); 6) незастраиваемый, сплошь окружающий названное поселение зеленый пояс как источник снабжения населения сельскохозяйственными продуктами; этот пояс имеет еще и то значение, что он препятствует стихийному расширению и расселению города-сада.

Из перечисленных признаков явствует, что «город-сад», задуманный Хоуардом и отчасти фактически осуществленный в Англии, соответствует в большей степени социалистической, чем капиталистической, системе. Во-первых, в нем явно выражен синтез, т. е. полное слияние города и деревни, так как ликвидировано соответствующее грубое разделение труда: жители такого поселения заняты как сельским хозяйством, так и обрабатывающей промышленностью, и, по мысли Хоуарда, их продукция должна обеспечивать главнейшие потребности нового населенного пункта. Противоположность между городом и деревней таким образом исчезает. Правда, среди социалистов вопрос о возможности уничтожить эту противоположность остается спорным, и, например, Герц[1] утверждает, что «великие центры энергии и культуры, какими являются большие города, не могут быть уничтожены, так как без них невозможен прогресс». Однако В. И. Ленин категорически высказывался в том смысле, что в социалистическую программу необходимо входит уничтожение противоположности между городом и деревней, так как: а) необходимо сделать сокровища науки и искусства доступными всему народу и ликвидировать отчужденность от культуры миллионов деревенского населения, т. е. «идиотизм» деревенской жизни, б) необходимо ликвидировать такое положение, когда люди задыхаются в собственном навозе и бегут за город в поисках свежего воздуха и чистой воды, и в) рациональная утилизация городских нечистот и человеческих экскрементов тоже требует всемерного приближения города к де-

---

[1] Hertz, Die agrarischen Fragen im Verhältnisse zum Socialismus, Wien, 1899, S. 76.

В том же смысле высказывались Булгаков (см. журн. «Начало», март 1899, стр. 22), Бердяев и др.

ревне.[1] Наконец, нельзя сомневаться, что «существование двух типов поселений с различным бытом, обстановкой жизни и противоположными в некоторых отношениях экономическими интересами едва ли легко допускает проведение социалистического равенства и гармонии».

Во-вторых, город-сад Хоуарда чисто революционно и по-социалистически разрешает наболевший вопрос о земельной собственности и связанных с нею земельных спекуляциях, росте городской ренты и дороговизны жилищ, уничтожая право частной собственности на землю.

В-третьих, город-сад предусматривает рациональное планирование жизни поселений и в корне разрушает стихийный характер их расползания и расширения.

Главным пунктом возражений против «города-сада» является указание на то, что за четверть века после появления «утопии» Хоуарда фактически осуществлены только два населенные пункта, приблизительно соответствующие изложенной идее. Однако этот факт лишь доказывает, что в пределах капиталистического строя широкое распространение социалистического замысла невозможно. Современная экономия принципиально не может согласиться ни с идеей уничтожения крупных городов, которые были в течение целого века главными опорными пунктами капитала, ни с идеей муниципализации всей городской земли, т. е. с уничтожением начала частной собственности в столь крупном масштабе, ни с абсолютным признанием идеи сознательного планирования городов, как нарушающей индивидуальную свободу и частную предприимчивость. Отсюда и подмена идей Хоуарда их суррогатом, т. е. простым увеличением количества зеленых насаждений и проведением принципов рациональной планировки и мелкого стрительства, чем достигается лишь г и г и е н и ч е с к о е, но отнюдь не социально-экономическое осуществление мыслей талантливого гуманиста.

С другой стороны, в СССР много возражений против «городов-садов» раздавалось по партийной линии. Указывали, что, при современном росте человечества, поселения с большой площадью зеленых насаждений и с мелким строительством не могли бы вместить наличный контингент людей на земном шаре и что общественное разделение труда, ликвидируемое городами-садами, тесно связано с самой географией ископаемого мира. Кроме того, указывалось, что индивидуальный уют, создаваемый одноэтажными или двухэтажными коттэджами, как рекомендуемым типом жилища в городе-саде, не соответствует идеям коллективизма и, в частности, не допускает свободы женщин от пут, налагаемых на нее частным потребительским хозяйством. Коттэджи города-сада приспособлены будто бы только д л я с е м ь и, которая будет разлагаться при социалистическом строе. Наконец, возражали еще и ссылкой на недостаточную экономичность мелкой застройки сравнительно с крупной.

Однако, после неоднократных дискуссий в Москве, Ленинграде, Харькове и оживленной литературной полемики была признана прием-

---

[1] Н. Л е н и н, Аграрный вопрос и марксизм, ГИЗ, Л., 1924 г., стр. 88 — 89.

лемость городов-садов для пролетариата, причем доводы их противников были легко опровергнуты. Действительно, первое возражение опровергается простыми вычислениями, показывающими, что застройка города-сада достаточно интенсивна (около 75 — 85 кв. саж. на усадьбу) и не допускает лишь «вертикального» распределения человечества. Такое распределение может потребоваться только через тысячу лет, если допустить непрерывный рост размножения человечества в современном темпе. Общественное разделение труда, в зависимости от местоположения земных богатств, не может служить противопоказателем для города-сада, так как обмен продуктами или, точнее, их централизованное распределение неизбежно должно существовать и при социализме. Что же касается семьи, к жизни которой будто бы приспособлен коттэдж, то здесь заключается простое недоразумение, так как семью может с успехом заменить любая морально и профессионально сплоченная группа численностью в 4 — 10 человек. С другой стороны, ночевка в гигиенических условиях отнюдь не нарушает принципов коллективизма, ибо в городе-саде будут широко организованы и общественная работа, и коллективное производство, включая кооперативные столовые, и вообще все виды сотрудничества как в производстве, так и в потреблении. Нет решительно никакого основания обрекать пролетариат на скученное проживание в домах-казармах, в домах-колодцах или домах-скелетах, тем более, что многоэтажное строительство, как это будет более подробно исследовано в специальном курсе, ныне решительно отвергается всеми без исключения специалистами и всеми съездами по гигиене, планировке городов и жилищными по соображениям социальной гигиены, комфорта, педагогики, эстетики и другим. Что же касается рабства женщины, прикованной к домашнему потребительному хозяйству, то современная техника свела заботы о последнем до минимума, и социально-экономические структура и функции города-сада отнюдь не противоречат ликвидации даже таких элементов д о м а ш н е г о хозяйства, как приготовление пищи, стирка белья, починка платья и т. д. Наконец, что касается «неэкономичности» мелкого строительства, то, при условии национализации или муниципализации земли, этот вопрос сводится к чисто технической проблеме удешевленного строительства. Международные съезды по планировке городов в Амстердаме в 1924 г. и в Нью-Йорке в марте 1925 г. показали, что постройка небольших особняков может обходиться очень дешево. Опыты Соединенных штатов и Голландии в деле бетонных построек, отливки в короткий срок стандартизованных малых домов и даже их перевозки на значительные расстояния особыми грузовиками указывают, что, по расчету на одного человека, стоимость мелкой постройки, если не считать земельных цен, не выше, чем стоимость средней или крупной. Сравнительно скромные затраты на жилища в Лечуорсе, застроенном преимущественно одноэтажными домами разнообразной внешности, видны из следующей таблицы: [1]

---

[1] H. K a m p f f m e y e r, Gartenstadt, S. 110 — 111.

Развитие города-сада Лечуорса в 1904—1913 гг.[1]

Годы	Число жителей	Число промышленных заведений (кроме единич. мастер.)	Число строек, включ. фабрики	Денежн. суммы, затраченные на постройки (в фунт. стерл.)
1904	450 (400)	—	36	12 000
1905	1 000 (1 500)	3	280 (208)	90 000
1906	2 000 (3 000)	5	507	237 500
1907	4 000 (5 000)	10	970	314 000
1908	4 500 (5 750)	14	1 104	340 275
1909	5 750 (6 250)	19	1 206	365 300
1910	6 250 (7 000)	25	1 334	404 500
1911	7 000 —	28	1 564	462 700
1912	7 837 (7 912)	29	1 761	517 705
1913	8 400 (8 000)	—	1 880	577 705
1914	(8 200)	—	(1 876)	—

Сообразственно и наемные цены на жилые помещения в Лечуорсе и пригородах-садах поражают своим скромным уровнем,[2] что видно из следующей таблицы:[3]

Наемная месячная плата за коттэджи в золотых рублях.

Города-сады и Пригороды-сады	За коттэдж[4] в 4—5 комнат	За особняк в 7—8 комнат (с оранжереей, фрукт. садом и площадкой для игр)	За роскошный особняк
Лечуорс	11 — 15 руб.	50 — 60 руб.	—
Порт-Сэнлайт	11 — 20 „	—	—
Борнуилль	10 — 30 „	—	—
Хэмстед	15 — 45 „	—	100 руб.

План Эбенизера Хоуарда вкратце заключается в следующем. В здоровой, сухой сельской местности по линии железной дороги организаторами, занимающими видное общественное положение и пользующимися безукоризненной репутацией, приобретается посредством низкопроцентных ипотечных займов участок земли в 6 000 акров (2 220 десятин), ценой по 400 руб. за акр. Как долг,

[1] Цифры приурочены к 30 сентября каждого года. Проф. В. Ф. Иванов (Города-сады и поселки рабочих. Акад. изд., Ленинг., 1925) дает, не указывая источника, несколько иные цифры, показанные нами в скобках. Обычное разногласие статистических данных, не имеющее, впрочем, значения для конечных выводов.

[2] Правда, Лечуорс и упомянутые в таблице пригороды-сады построены не нормальными капиталистами, преследующими цель наживы, а либо идейно образовавшимися акционерными обществами, заранее ограничившими свой дивиденд 4%, либо кооперативными товариществами, однако во всех случаях обеспечивался возврат себестоимости и амортизация занятого капитала.

[3] Б. Г. Кнатц, Города-сады в связи с жилищным вопросом (под ред. Д. Д. Протопопова), П., 1918, стр. 48 — 49. Таблица составлена нами на основании данных названного труда.

[4] Во всех коттэджах — кухня, уборная, погреб, склад угля, чулан, проведенная вода и электричество; в таком доме — свой сад и огород.

так и земля впоследствии передаются городскому самоуправлению. Город-сад должен быть рассчитан на 30 тысяч жителей, построен в центре имения и занимать пространство в 1 000 акров. Он предположен в кругообразной форме, мерою от центра к периферии около 1 версты. Шесть великолепных радиальных бульваров, каждый шириною в 15 сажен, пересекают город от центра к периферии, разделяя его на шесть равных частей. В центре находится кругообразная площадь мерою около 2 десятин, на которой разбит хорошо орошенный сад. Вокруг этого сада находятся городская ратуша, главный концертный и лекционный зал, театр, библиотека, музей, картинная галерея и больница. К этим строениям примыкает общедоступный центральный парк величиной в 50 десятин с площадками для игр и приспособлениями для отдыха. Вокруг центрального парка (за исключением мест пересечения бульваров) расположена широкая стеклянная аркада — «хрустальный дворец» — убежище горожан в дождливую погоду, а также местоположение лучших магазинов и зимнего сада. Вокруг центра все удаляющимися кольцами располагаются пять концентрических бульваров (улиц), из коих средняя, наиболее широкая (60 саж.), является главным проспектом, разделяющим город на две зоны — внешнюю и внутреннюю. На этом великолепном проспекте (avenue), утопающем в зелени, шесть участков заняты публичными школами. Жилые дома (одноэтажные или двухэтажные коттэджи) расположены как на радиальных, так и на концентрических бульварах.

На внешнем поясе города находятся фабрики, товарные склады, лесные дворы и проч. Все они обращены фронтом к железной дороге, опоясывающей весь город, и соединены ветками с главной железнодорожной линией, прорезывающей имение. Благодаря такому устройству, товары могут нагружаться прямо из складов и фабрик и отправляться во все стороны, а также получаться прямо на фабрики, чем достигается экономия в перевозке и разгрузка улиц от товарного движения. Универсальный энергетический силой для производства и распределения потребительных ценностей служит в городе-саде электричество.

Городские отбросы утилизируются в незастраиваемом сельскохозяйственном поясе имения, составляющем $^2/_3$ его общей территории. Последняя эксплуатируется арендаторами (фермерами). Зерновое хозяйство ведется отдельными лицами или кооперативными союзами, садоводство же и огородничество более преуспевают при детальной обработке небольших участков земли. Сельскохозяйственные продукты сбываются преимущественно в самом городе. В общем весь город опоясывается широким зеленым поясом насажденных лесов, лугов и полей, которые являются как бы защитой города-сада от наступления на него нездоровых и безобразных, стихийно расползающихся во все стороны построек. Когда в городе-саде появляется избыток населения, то на известном расстоянии от него возникает новый центр и вокруг него новая аналогичная система.[1] Общую свою цель Хоуард видит «в поднятии уровня здоровья и благо-

[1] Эбенизер Хоуард, цит. соч., стр. 15 — 26.

состояния всех тружеников посредством естественного и производительного (экономического) сочетания городской и сельской жизни на земле, принадлежащей самостоятельной городской общине».

Таков тщательно выработанный план, который, конечно, может быть бесконечно видоизменяем в своих деталях, в зависимости от условий местности и от дальнейшей разработки планировочной проблемы. Приводим описание первого конкретного примера реализации сказанного плана, а именно города-сада Лечуорса, сделанное Д. Д. Протопоповым в его лекциях,[1] дополнив это описание данными из монографии проф. М. Г. Мижуева.[2]

Лечуорс (Letchworth) основан в 1904 году акционерным обществом идейного типа в 50 верстах к северу от Лондона на 1 500 дес. земли, купленной мелкими частями в среднем по 1 200 р. за десятину. $^2/_3$ этой земли должны навсегда оставаться под сельскохозяйственной культурой. Город рассчитан на 35 000 жителей, а окружающий его зеленый пояс — на 5 000 жителей. На десятине не допускают строить более 32 домов, причем значительная часть каждой домовой усадьбы остается под садом или огородом. Планы застройки и самих домов подвергаются предварительному обсуждению с точки зрения их гигиеничности и эстетики.

В настоящее время Лечуорс — уютный и красивый городок, достигший в 1922 г. 15 тысяч населения, с прекрасно замощенными главными улицами, большая часть поверхности которых покрыта газоном, с образцово устроенной сетью водопровода и канализации, с 200 фабриками и мастерскими. Промышленность ценит обилие в Лечуорсе мест для построек, транспортных средств, электричества, газа и воды за дешевую плату. Дела фабрик идут хорошо. Дым их обезвреживается. Полоса парка отделяет квартал фабрик и мастерских от жилой части. С другой стороны, сельское хозяйство в Лечуорсе ценит доступный и близкий рынок для сбыта продуктов своего производства, в частности же молока, яиц и других скоропортящихся продуктов. Многие из работающих на ферме живут в городе, и, наоборот, многие фабричные рабочие живут в деревне, пользуясь незначительными расстояниями от центра города до фабрик и сельских мест — 10 минут ходьбы).

Все дома для рабочих стоят на красивых улицах, обсаженных деревьями и изобилующих садами. Каждый такой дом имеет свой сад, прекрасно содержимый, причем одна его часть обращается в цветник, а другая — в огород. Овощей, собираемых с огорода, часто хватает для семьи на целый год. При каждой группе рабочих коттэджей имеется площадка для детских игр.

В культурном отношении Лечуорс, несмотря на свои скромные размеры, обставлен превосходно: обилие учебных заведений, общественных клубов, мест для развлечений, все виды спорта, начиная от обширного бассейна для плаванья и кончая гольфом.

---

[1] Д. Д. Протопопов посетил и исследовал названный город в 1914 г. в составе научной экскурсии (Города-сады, Л., 1926, в рукописи).

[2] Мижуев, Сады-города и жилищный вопрос в Англии, 1916 г. (рекомендуемое издание, ставшее библиографической редкостью).

«В Лечуорсе, этом райском островке страдающего мира, — говорит Бенуа-Леви,[1] — все трудятся и одновременно активно наслаждаются жизнью. Бездействуют в нем лишь четыре учреждения: больница, суд, кладбище и тюрьма».

Действительно, в Лечуорсе (а также Уельуине и некоторых пригородах-садах) объективные показатели здоровья населения — цифры смертности — показывают рекордные достижения. В 1904 — 1914 гг., отчасти благодаря возрастному составу населения, смертность на 1 000 колебалась между 4,8 и 6, в 1922 г. она составляла 8,4. В то же время смертность грудных и взрослых детей значительно ниже, чем в больших городах, и быстрое изменение внешнего вида детей, привозимых из Лондона, бросается в глаза.

Общий вывод: дешевизна жизни, близкие расстояния, сочетание природы и культуры, сотрудничество добывающей и обрабатывающей промышленности, разрешение жилищного вопроса, сохранение здоровья трудящегося поколения.

Д. Д. Протопопов так характеризует значение движения в пользу городов-садов: намечен идеал для отдельных достижений, привлечено общественное внимание к вопросам планирования и строительства, доказана возможность не стихийного только возникновения поселков городского типа, но и создания последних по воле их творцов, даны образцы рациональной планировки.[2]

Мы скажем больше: найдена тенденция развития человеческого поселения, соответствующего будущей социалистической системе. Здесь мы подходим к резюме не только сказанного в настоящей главе, но и всей истории и теории городов.

Древняя деревня составляла тезис. Город явился антитезисом. Город-сад заключает в себе синтез города и деревни. На протяжении веков город появлялся в различных своих формах как надстройка над технико-экономическими базами сменяющихся эпох. Он исчерпал все возможности и, послужив средоточием человеческой цивилизации, развил наконец все противоречия, свойственные капиталистической системе. В настоящее время капиталистический город отрицает сам себя. Диалектический метод Маркса оправдывает себя здесь в полной мере.

Трудно, конечно, предсказать в деталях, как пойдет дальнейшее развитие событий. Отомрет ли в пределах социалистической системы город-гигант, как исчерпавший свое назначение, дав место широкому развитию городов-садов? Или же города-сады, по теории Унвина,[3] явятся в ближайшее время лишь городами-спутниками (сате-

---

[1] Benoit-Lévy, La Cité-Jardin, P., 1916.

[2] См. моя Муниципальная программа, 1926 г., стр. 22; цитированное место изложено Д. Д. Протопоповым.

[3] R. Unwinn, Town planning in practice, Ed. 1925.

[illegible] города[1]) вокруг городов-метрополий, как замена безбрежно и стихийно разрастающихся пригородов и предместий, как новый рациональный способ размещения населения крупных городов?[2]

Ясно лишь одно: новый технико-экономический базис в связи с электрификацией дает предпосылку к с л и я н и ю г о р о д а и д е р е в н и, и в недрах капиталистического общества созрел уже тот образец, которому, повидимому, суждено стать могильщиком капиталистического города в его современном значении. Над этим поистине проклятым вопросом еще слишком мало думали, и даже в СССР находятся защитники старинной стройки по капиталистической системе, находятся — страшно сказать — последователи многоэтажного дома-казармы, который так долго и так незаслуженно обрекал пролетариат на жизнь в муравейнике.[3] Находятся защитники отмирающей системы жизни, которые пренебрегают голосом лучших специалистов всего мира, не видят того факта, что городу-саду нет перспектив в капиталистическом мире и что только там, где провозглашен принцип сочетания города и деревни, только там, где отменена частная собственность на землю, только там, где принято начало сознательного планирования жизни, только там, где индустриализацию и электрификацию как города, так и деревни решено во что бы то ни стало проводить на деле, город-сад или город-деревня может сделаться не случайным исключением и оазисом, как Лечуорс, но счастливым и вполне желанным м а с с о в ы м ф а к т о м. «Город-село» первобытных народов таким образом возродится в блеске всех культурных приобретений многих тысячелетий."

---

[1] В последнее время в наших коммунальных органах опять появляются [illegible] «мелким строительством». Построили несколько сот домиков на американские коттеджи не похожих, в обстановке, ничего общего с «городами-садами» не имеющей, и уже разочаровались. Надо только удивляться, как [illegible] защищают у нас многоэтажную казарму. «Мелкие строения, — пишет Я. Д р о б и н и с (в очень основательной во всем остальном статье — «Ком. Х.», № 1, 1927). — ухудшают условия коммунального обслуживания и тем самым ухудшают условия жизни трудящихся». Жаль, что Я. Дробинису не известен тот бесспорный факт, что нигде коммунальное обслуживание так не образцово и не обходится так дешево, как в городах-садах Англии и Германии.

[2] Так, напр., в Ростове-на-Дону опять решено строить по старинке многоэтажные дома (!!) Среди необозримых просторов донских полей и степей, заселенных только зайцами, сусликами да полезными мышами, опять будут расселять [illegible] скученно, слоями друг на друге. Сознательная плановость, как видение частной собственности на землю, проекты электрификации транспорта — ничто не помогло! Торжествует каменный идол, фетиш американских трестов, германских концернов и... гражданских инженеров николаевских времен. Стили [illegible] социалистического и социалистического рая черпаются из одной и той же грязи.

[3] Рекомендуемая литература по «городам-садам» (кроме цитированных источников): М. Д я ч е н к о, Постройка городов, их план и красота, 1915 г.; Г. Д у б е л ь р, Планировка городов, 1910 г.; А. Е н ш, Городской план и застройка городов, 1914 г.; Г. К о в а л е в с к и й, Большой город и городские, 1916 г.; Д. П р о т о п о п о в, Города будущего («Гор. Дело» за 1909 год); В. С а ж е н о в, Благоустройство городов, C. B. P u r d o n, The Garden-city; R. E b e r s t a d t, Handbuch der Wohnungswesen und der Wohnungsfrage, 1910; H. K a m p f f m e y e r, Die Gartenstadt Bewegung, 2 Aufl., 1913.

УИТП, зак. 1505 тир. 1500

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВА

(КОММУНАЛЬНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ)

Институт советского строительства ЦИК СССР
и ВЦИК Коммунистической Академии

Стр. 1583. Ц. в переплете 15 р.

СОДЕРЖАНИЕ:

Общие вопросы местного управления и хозяйства.
Планирование и контроль.
Административно-судебная деятельность.
Финансы и хозяйство.
Благоустройство.
Градоустройство.
Пожарная охрана.
Водоснабжение.
Очистка.
Санитарно-гигиен. мероприятия.
Зеленые насаждения.
Городские пути сообщения.
Дорожное дело.
Наружное освещение.
Производство энергии.
Транспорт и связь.
Жилищное дело.
Промышленность.
Торговля.
Сельское хозяйство
Труд.
Народное образование.
Здравоохранение.
Социальное страхование.
Вспомогательно-техническ. силы.
Рекламное дело.
Административно-территориальное строение СССР.
Городские поселения и рабочие поселки РСФСР.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ У КАЖДОГО РАБОТАЮЩЕГО В ОБЛАСТИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВА

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

Москва, Центр, Госиздат „КНИГА—ПОЧТОЙ", или Ленинград, Госиздат „КНИГА—ПОЧТОЙ", или Ростов-на-Дону, Госиздат РСФСР „КНИГА—ПОЧТОЙ", а в пределах Украины — г. Харьков, Госиздат РСФСР „КНИГА—ПОЧТОЙ" высылают книгу наложенным платежом немедленно по получении заказа.

ПРИ ВЫСЫЛКЕ ДЕНЕГ ВПЕРЕД — ПЕРЕСЫЛКА БЕСПЛАТНО.